

**ФНЦ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИНФОРМАТИКИ И ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КБНЦ РАН**

П.М. ИВАНОВ

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА:
КОНЦЕПЦИЯ, МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ, СТРАТЕГИЯ**

Москва

2016

УДК 332.1(470):330
ББК 65.011
И20

Рецензенты:

Кусраев Анатолий Георгиевич, доктор физико-математических наук, профессор, Председатель Владикавказского научного центра Российской академии наук, директор Южного математического института ВНЦ РАН

Куянцев Игорь Александрович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН

Иванов П.М.

И20 Устойчивое развитие региона: концепция, модель управления, стратегия: монография. – М.: ООО «ЭКЦ «Профессор», 2016. – 254 с.
ISBN 978-5-9907298-7-2

Монография посвящена новой концепции устойчивого развития (УР), основанной на принципе Ле-Шателье, установленном в области термодинамического равновесия, где важнейшие экологические приоритеты сочетаются с кибернетическими. Рассматривается региональный уровень УР, который является составной частью государственной системы отношений «центр-периферия», где «центр» - управляющая система государства, а «периферия» - регионы страны, выступающие объектами управления. В мире государства различаются по степени обладания «центром» властными и управленческими функциями, принимающими значения в широком диапазоне между абсолютной властью с предельной централизацией управления и допустимой децентрализацией власти и управления. Доминирующим фактором устойчивого развития любого государства выступает эффективное выстраивание отношений «центр-периферия», в т.ч. и федерализма. Работа основана на моделировании управления УР региона и формализации определения УР на языке алгоритмических алгебр.

Рассматриваются общественно-политический, экономический, национально-территориальный, экологический, продовольственный и информационно-управленческий аспекты УР. Значительное внимание уделяется стратегии инновационного развития региона, как важнейшему фактору устойчивого развития.

Для специалистов по кибернетике и информатике, экономистов, политологов, экологов, аграрников, а также специалистов по национальным вопросам.

УДК 332.1(470): 330
ББК 65.011

ISBN 978-5-9907298-7-2

© П.М. Иванов, 2016
© ООО «ЭКЦ «Профессор», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
 ГЛАВА I. УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: КОНЦЕПЦИЯ, МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УР.....	11
1. Глобализация и новая концепция устойчивого развития.....	11
2. Определение устойчивого регионального развития.....	26
3. Модель системы управления процессом устойчивого регионального развития	32
4. Имитационное моделирование и формализация определения устойчивого регионального развития.....	43
 ГЛАВА II. УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ».....	55
1. Эффективная система отношений «центр-периферия» в России как фактор устойчивого развития.....	55
2. Природа центра и периферий в России.....	62
3. Как избежать столкновения центра и периферий?.....	67
4. Периферия и земельная реформа.....	70
5. Федерализм (одна из форм отношений «центр-периферия») и устойчивое развитие. Каким быть завтра федерализму в России?	80
 ГЛАВА III. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	102
1. Еще раз о реформе экономики и экономической безопасности.....	102
2. Система «регион-рынок».....	114
3. Основные принципы организации системы «регион-рынок».....	122
4. Северокавказский регион: экономико-географическая целостность.....	128
5. О едином экономическом пространстве Северного Кавказа.....	133

ГЛАВА IV. НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	141
1. Национальный вопрос в России.....	141
2. Основные принципы нового подхода к решению национального вопроса.....	147
3. Межнациональное спокойствие на Северном Кавказе как фактор устойчивого развития России.....	160
4. Этноэкологический аспект устойчивого развития региона.....	171
ГЛАВА V. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	182
1. Обоснование стратегических целей развития региона.....	182
2. Управление реализацией стратегии развития региона и основные показатели устойчивого развития.....	196
3. Целевые ориентиры и пороговые значения индикаторов экономической безопасности и показателей жизнедеятельности региона.....	202
4. Стратегия развития информационного общества в регионе (информационное общество и устойчивое развитие).....	212
5. Создание инновационной региональной экономики как фактор устойчивого развития региона	229
ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	243
ЛИТЕРАТУРА.....	249

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX века валовой мировой продукт составлял 90 млрд. дол., а в конце – 27 трлн. дол., т.е. в 300 раз больше. Это означает, что человечество в начале XXI века производило за один день почти столько продукции, сколько оно производило в начале XX века за целый год. Соответственно возросла и разрушительная нагрузка хозяйственной деятельности человека на природу. Вместе с тем в России, как и во многих странах, еще не преодолен взгляд на окружающую среду как на неисчерпаемую самовоспроизводящуюся систему. В силу моральной и физической изношенности основных фондов и несоблюдения законов, направленных на решение экологических проблем, в России в расчете на единицу ВВП и на душу населения выбрасывается загрязняющих веществ и элементов в окружающую среду больше, чем в большинстве стран мира. Это не могло не сказаться и на динамике здоровья населения страны. Достаточно сказать, что средняя продолжительность жизни в стране у мужчин стала ниже (хотя сейчас этот показатель улучшается) пенсионного возраста. А это связано с потерей Россией возможности простого воспроизводства человеческого капитала. Если Россия незамедлительно и радикально не пересмотрит стратегию развития страны и ее регионов, то последствия указанных процессов будут катастрофическими.

Какую же тогда стратегию развития нам выбрать: идти по пути воспроизведения материальной и институциональной структуры экономики развитых стран или по пути формирования принципиально новой структуры, следующей за ней завтра? Если следовать принципу «догоняющего развития», то нам не миновать пути воспроизведения структуры экономики развитых стран. Но следует осознать, что такой путь воспроизведения «совершенной конкуренции», лежащей в основе экономики этих стран, с каждым годом будет входить в противоречие с появившимися сегодня тенденциями на мировом рынке, которые выражаются в доминировании спекулятивного капитала над реальным сектором экономики, а также в особенностях современного

ценообразования (опережающий рост цен на интеллектуальную собственность и высокотехнологичную продукцию, который дает возможность блокировать распространение новых технологий в развивающиеся страны).

Отсюда следует сделать вывод: Россия может осуществить успешную модернизацию только на принципах «обгоняющего развития». Однако «обгоняющее развитие» возможно лишь придерживаясь такой стратегии развития (страны, региона) на долгосрочный период, которая основана на реализации двух концепций:

- концепции устойчивого развития, которая обеспечит достижение гармонии между людьми, а также между обществом и природой;
- концепции инновационного развития, которая приведет к экономике знаний.

Понятие «устойчивое развитие» появилось в конце XX века (в процессе поиска порядка в существующей мировой «хаотизированной среде») как конструктивная реакция мирового сообщества на возникшую опасность уничтожения природных систем жизнеобеспечения под непомерным антропогенным давлением. Что понимается под «устойчивым развитием»? Международными и национальными исследовательскими центрами опубликованы многочисленные работы по этому вопросу. Хотя количество определений устойчивого развития достигло свыше полусотни, общепринятого определения этого понятия еще нет. Тем не менее все же работа над научной концепцией устойчивого развития, по существу, только начинается. Существующие в мире концепции устойчивого развития до настоящего времени основаны только на экологических приоритетах, что практически свело их содержание к провозглашению общих экологических деклараций и декларации о необходимости уменьшения численности населения на Земле, чтобы богатому меньшинству оставить в будущем высокое качество жизни. Может ли мир с этим согласиться? Вряд ли. Поэтому требуется принципиально иной подход к определению устойчивого развития. Такая попытка делается в данной работе. Наше определение устойчивого развития основано на принципе

Ле-Шателье термодинамического равновесия, суть которого в том, что любые переменные системы в ответ на внешние возмущения изменяются в направлении компенсации производимых возмущений.

Переход к устойчивому развитию ставят в один ряд с такими переломными этапами в истории человечества, как переход к оседлому земледелию и революционный прорыв в промышленности.

В Главе I рассматриваются эти вопросы, а также вопросы построения модели управления устойчивым развитием на региональном уровне. Можно ли формализовать понятие «устойчивое развитие»? Существует мнение, что это невозможно. Однако в Главе I впервые делается попытка формализовать определение устойчивого развития региона с использованием языка алгоритмических алгебр.

Глава II посвящена одному из важнейших факторов устойчивого развития – эффективному выстраиванию системы отношений «центр-периферия» в государстве. Государственное управление можно охарактеризовать системой отношений «центр-периферия», где «центр» – управляющая система государства, а «периферия» – регионы страны, выступающие объектами управления. Доминирующим фактором стратегического управления и внутренней политики любого государства выступает указанное выстраивание системы «центр-периферия» [1]. Ясно, что ни о каком устойчивом развитии региона не может быть и речи в условиях конфликта в системе «центр-периферия». Какова природа центра и периферий и как избежать их столкновения? Ответы на эти вопросы можно найти в этой Главе на примере России. Кроме того здесь рассматривается самый болезненный для России вопрос – земельная реформа. В системе «центр-периферия», если «периферия» не получит в ближайшее время земельную реформу, это неминуемо повлечет за собой серьезный конфликт в этой системе. Здесь же рассматривается одна из форм системы «центр-периферия» – федерализм. Что за федерализм сегодня в России? Что из себя представляют регионы России? Выполняются ли основные принципы федерализма? Чем отличается государственность России от других

стран? Может следует поменять административное районирование страны и перейти на новую систему субрегионов? Что такое единство административного и экономического районирования России? Каким быть завтра федерализму России? Ответы на эти вопросы рассматриваются также в Главе II. В целом Глава II посвящена общественно-политическим аспектам устойчивого развития.

Глава III посвящена экономическим аспектам устойчивого развития региона. А именно вопросам:

– почему экономическая реформа в России не состоялась как положено и что дальше делать с этой реформой, чтобы регионы и Россия стали на путь устойчивого развития?

– долго ли еще будет существовать концептуальная пустота реформы в России и регионах и когда мы перейдем от «советской приватизации» к приватизации настоящей?

Особое внимание уделяется проблеме согласования законов рыночной экономики и территориальной организации общества, которая в работе называется системой «регион-рынок». Рассматриваются основные принципы организации системы «регион-рынок». Рассматривается также вопрос эффективности организации системы «регион-рынок» на примере Северокавказского региона. Доказывается необходимость создания единого экономического пространства субрегиона (на примере Северного Кавказа) для обеспечения его устойчивого развития.

В Главе IV рассматривается один из самых важных факторов устойчивого развития региона – обеспечение межнационального спокойствия в регионе. Особенно эта проблема актуальна для многонациональной России. Перефразируя слова Ф.А. Хаеика: «Мы все окажемся в выигрыше, если нам удастся создать мир, в котором будет удобно жить небольшим странам», в этой Главе утверждается: «Россия окажется в выигрыше, если ей удастся создать новое государство, в котором будет удобно жить «малым» народам». Созданию такого нового государства и посвящается Глава IV. Как решить национальный

вопрос в России? Сможет ли Россия найти свой достойный ответ на вызов всепроникающей сильной культуры в информационном обществе, в котором стратегия изоляции абсурдна? Готово ли российское общество понять и принять новую парадигму национальных отношений, которая должна стать неким новым феноменом истории этих отношений? В данной Главе рассматриваются ответы на эти вопросы. Здесь сформулированы основные принципы нового подхода к решению национального вопроса в России.

Один раздел посвящен наиболее проблемному региону России – Северному Кавказу. Можно сказать, что одним из важнейших факторов устойчивого развития самой России является обеспечение благополучия и межнационального согласия на Северном Кавказе.

В Главе IV рассматривается также самый главный (если иметь в виду первоначальное определение устойчивого развития) аспект устойчивого развития – экологический.

Глава V посвящена вопросам стратегии развития региона. Рассматриваются проблемы построения дерева целей развития. В работе приводится фрагмент дерева целей развития региона, который определяет будущее состояние региона и его подсистем. Движение вверх по дереву дает упорядоченную последовательность промежуточных состояний в развитии региона, заканчивающуюся будущим состоянием, соответствующим достижению стратегических целей. Другими словами, в дереве целей содержится последовательность действий, которая приводит к достижению указанных целей, т.е. то, что, собственно, называется стратегией развития региона.

Даются также результаты реализации стратегии развития региона по этапам, составленные с использованием методологии регионального форсайта, выполняющего функцию заглядывания вперед на такую перспективу, в рамках которой можно получить новый облик региона.

Приводятся основные показатели устойчивого развития региона. Чем объясняется необходимость перехода к устойчивому развитию региона?

Приводится ответ на этот вопрос. Рассматриваются вопросы определения целевых ориентиров и пороговых значений индикаторов экономической безопасности и показателей жизнедеятельности региона.

Рассматривается также вопрос: что такое информационное общество и какие просматриваются сегодня его черты, отличающие это общество от нынешнего индустриального и постиндустриального?

Доказывается, что информатизация общества – не есть просто очередная программа компьютеризации хозяйства страны. Она есть окно в новый мир сильных цивилизаций. И кто не сможет пробить это окно в новый мир, тот останется на задворках истории.

Одной из стратегических целей развития региона должно стать создание инновационной региональной экономики, без чего в условиях углубляющейся экономической глобализации невозможно обеспечить устойчивое региональное развитие. Последний раздел Главы V посвящен этим вопросам.

Хотя работа посвящена устойчивому развитию на региональном уровне, ее выводы вполне могут быть использованы на уровне стран и межгосударственных регионов.

ГЛАВА I. УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: КОНЦЕПЦИЯ, МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УР

1. Глобализация и новая концепция устойчивого развития

Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху.

Морис Стронг, Генеральный секретарь

Конференции ООН по окружающей среде и развитию

(Рио-де-Жанейро, 1992)

Перелом тысячелетий застал человечество, можно сказать, врасплох: неожиданно возникли гигантские проблемы мироустройства, для решения которых требуются новые фундаментальные подходы к возведению стройного научно-методологического каркаса мироздания, удовлетворяющего все государства на Земле. Такой каркас невозможно выстроить, придерживаясь традиционных воззрений индустриального мира, а также локальных позиций, не приступая к поиску новейших смыслов мироустройства. Третье тысячелетие пришло к нам вместе с осознанием взаимосвязанности и взаимозависимости людей, стран, народов, общественных организаций и т.д. Мир предстал перед нами как глобальный, т.е. как целостный, единый, общий. Появилась ветвь науки, которая называется глобалистикой, рассматривающая мир с позиции указанных взаимосвязей и взаимозависимостей. Однако глобализация не есть продукт научного творения. Мир незаметно для науки сам двинулся к глобализации, никто не ожидал такой скорейшей смерти огромной сверхдержавы (СССР), из-за которой уже двадцать с лишним лет идет постоянный геоэкономический и геополитический передел мира, породивший новые угрозы, вызовы и необходимость поиска новых точек стратегического равновесия на Земле.

Вместе с тем глобализация породила как своих сторонников, так и тех, кто ее не приемлет. Немалая часть отечественного бизнеса, например, активно препятствовала вхождению России в мировую экономику, аргументируя это тем, что открытость рынков уничтожит ряд отраслей промышленности и сельского хозяйства, усилит бегство капитала из страны и т.д. Но даже они понимают, что назад к автаркии дороги нет. Глобализация – такая же неизбежность, как и постиндустриальное (информационное) общество. Ярчайшим отражением процесса глобализации, а также новейшей моделью мироустройства сегодня выступает геоэкономика.

Понятие мировой экономики как совокупность (сумма) национальных экономик, находящихся в определенных международных отношениях, претерпело существенное изменение. Теперь огромные наднациональные образования – транснациональные корпорации (ТНК) – делят мировой доход, используя высокие геоэкономические и геофинансовые технологии. ТНК сегодня не ограничиваются только внешней торговлей, переходя уже на внешнюю хозяйственную деятельность, что связано с тем, что традиционное общественное (международное) разделение труда зачастую обретает принудительную форму, несовместимую с принципами свободной рыночной экономики.

Зарождение ТНК и их деятельность привели к формированию мировой геофинансовой системы, оторванной от воспроизводственных процессов, а значит, к формированию мировой системы виртуальных финансов. Экономическая (финансовая) глобализация всегда присутствует в глубинных мотивах любого глобального процесса, происходящего в мире. Последний без экономической составляющей может перерасти в опасный для мирового сообщества процесс.

Вся эта глобальная геоэкономическая конструкция для своего устойчивого существования требует наличия системы властного регулирования глобальных процессов в виде динамической транснациональной системы

властных конфигураций в отличие от существующих сегодня статичных схем международных отношений.

В настоящее время вырисовывается необходимость в создании системы властного регулирования глобальных процессов и специфической властной вертикали в рамках происходящего на наших глазах, как мы считаем, формирования глобальной системы отношений (ГСО) «Центр-Периферия», где «Центр» – это постиндустриальный мир с наднациональными образованиями, а «Периферия» – развивающиеся страны. Эта система напоминает традиционную систему «Центр-Регионы» национальных государств, но вместе с тем отличается от нее как по характеру отношений Центра и Периферий, так и по целевым установкам последних. Теме глобальной трансформации современного мира посвящена обширная литература. А. Неклесса, например, обобщая разнообразные мнения о сути процессов, происходящих в мире, сводит их к трем концептуальным позициям [2].

Первая – какие бы события (оказывающие возмущающие воздействия на мир) не происходили на Земле, они – лишь издержки процесса интенсивно развивающейся модернизации, и ничего принципиально нового в этом нет.

Вторая сводится к концепции Хантингтона [3], суть которой в том, что конфликты в мире и лицо этого мира в будущем будут определяться не тем, как относятся друг к другу национальные государства, а столкновением цивилизаций.

И третья – происходящие сегодня события есть столкновение современного мира с некой зарождающейся цивилизационной альтернативой со своими законами и логикой социальных институтов.

Как нам представляется, истина, скорее всего, в третьей позиции. На наш взгляд, в основе глобальной трансформации современного мира и глобальных конфликтов в будущем будут лежать конфликты, порождаемые формированием глобальной системы отношений «Центр-Периферия» [1]. Рост высокотехнологичных производств, в конечном итоге, спланирует развитые страны (образуются центры силы и развития) и происходит

противопоставление их остальному миру (Периферии). При этом остаются такие традиционные пороки международной жизни, как верховенство силы, противостояние и соперничество великих держав с одной стороны и с другой – под знаменем соблюдения национальных интересов все более зримо обозначаются противоречия между самими странами «Периферии», что усиливает существующее напряженное противоборство, сопровождающее процесс неизбежного формирования нового геополитического и геоэкономического баланса XXI века. Одновременно происходит повышение роли стран «Периферии» и сокращение разницы в национальной мощи между странами «Центра» и странами «Периферии».

Наблюдающееся изменение в клубе великих держав сопровождается столкновением интересов этих держав и конфликтами не только между собой, но и со странами «Периферии».

Этот всеобщий процесс противостояний и становления клуба великих держав, а также новых центров сил с одновременным сокращением мощи между странами Центра и Периферий, который продлится, по всей видимости, десятилетия и который преподнесет нам разные модели мирового порядка – западную, евразийскую и т.д. – несет в себе все же переходный характер в становлении ГСО «Центр-Периферия». Именно становление ГСО «Центр-Периферия» будет определять лицо нового миропорядка. Проект такой системы формировался в XX веке то в виде социальной вертикали «Север-Юг», то в виде культурно-политической горизонтали «Запад-Восток», сопровождаемые такими конструкциями, как Лига наций, Организация Объединенных Наций, Большая семерка и т.д. С углублением глобализационных процессов на Земле все зримее ощущается необходимость системы властной регуляции этих процессов и перманентного управления мировой хаотизированной средой. Можно заметить, что эту функцию зачастую берет на себя постиндустриальный мир, который тем самым ставит себя в противостояние с этой хаотизированной средой – Периферией. Отсюда неизбежно появление новых форм конфликтов в

мире. Какие зримые черты формирования такого глобального Центра наблюдаются в настоящее время?

1. Легальная власть, основанная на международном праве, подменяется властью транснациональной и геоэкономической.

2. Развертывается формирование глобального социоэкономического пространства с качественно новыми параметрами взаимодействия, в рамках которого идет процесс размывания экономических границ отдельных национальных государств: происходит интеграция рынков товаров, капиталов и рабочей силы, становление крупнейших транснациональных корпораций и финансовых структур, сравнимых по экономической мощи и влиянию с отдельными государствами, и т.д. Это приводит к изменению соотношения между «центрами силы» и конфигураций субъектов, а также к геополитическим и геоэкономическим переделам мира [4]. Возникла новая ранжировка стран, составляющих «центры силы» в мире:

- 1) одна сверхдержава – США;
- 2) «великие державы 1-го ранга» – Германия, Япония, Китай;
- 3) «великие державы 2-го ранга» – Великобритания, Франция, Россия.

Они и другие великие державы, неся в себе совершенно разные модели миропорядка и ценности, не могут одинаково воспринимать становление ГСО «Центр-Периферия», что может привести к глобальным конфликтам.

3. Происходит регионализация управления мировой «хаотизированной средой», т.е. в системе формирующегося в мире «нового регионализма» один из «новых регионов» объявляет вызов остальному миру, навязывая свои ценности и распространяя свое влияние на этот мир. В качестве такого региона сегодня выступают Соединенные Штаты Америки.

4. Соединенные Штаты, как отмечают многие, чувствуют себя уже не национальным государством (в смысле вестфальской системы). После падения СССР – это государство превратилось в своеобразную страну-систему, чьи рубежи определяются не государственно-административными границами, как в

национальных государствах, а виртуальными границами, на которые распространяются ее жизненные интересы.

Соединенные Штаты, являясь центром мирового научно-технологического цивилизационного развития, претендуют сегодня на властное регулирование геоэкономических процессов в мире (регулирование процессов в пространстве Периферий).

Это обрело зримые очертания, например, в действиях США, когда они и взяли на себя «управление процессами» в таких странах «Периферии», как Югославия, Косово, Ирак, Афганистан, Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Иран.

В настоящее время экономические, политические и культурные различия между странами еще настолько велики, что нам трудно себе представить и поверить в возникновение нового мирового порядка. Становление системы мирового управления неизбежно, как неизбежна сама глобализация.

Без такой системы мирового управления, призванной привести в какой-то порядок указанную выше «хаотизированную среду», неуправляемые глобализационные процессы на Земле готовы усугубить существующее и без того огромное региональное расслоение современного мира, делая этот мир крайне неустойчивым. Подобное расслоение особенно заметно по таким показателям, как «потребление мировых ресурсов» (природно-экологических, топливно-энергетических, водных и др.), и отсюда «богатство и бедность» разных регионов мира. Международная комиссия по окружающей среде и развитию, созданная на инициативе ООН в 1983 г., в которую вошло большое число известных в мире ученых (результаты ее работы были опубликованы в 1987 г. в книге «Наше общее будущее»), во главе с премьер-министром Норвегии Гро Харлем Брундтланд отметила: «Бедность является главной причиной и следствием глобальных экологических проблем. Поэтому безнадежно пытаться решать глобальные экологические проблемы без более широкого рассмотрения факторов, вызывающих бедность в мире и международное неравенство». Комиссия Брундтланд отмечает также, что главным потребителем мировых ресурсов являются развитые страны, и их

«перепотребление» – основная причина истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды. В докладе лауреата Нобелевской премии Яна Тинбергена «Пересмотр международного порядка», подготовленном по заказу Римского клуба в конце 1970-х годов, сказано: «Типичная для богатого мира идеология роста проявила себя как стимул перепотребления товаров. Погоня за количеством и расточительство в использовании ресурсов заслонили собой проблемы справедливого распределения материальных благ и качества жизни. И мы все больше убеждаемся в том, что забота исключительно об экономическом росте может оказать самое разрушительное действие на мораль и нравственность, что философия, лежащая в основе мании потребления, возможно, угрожает важнейшим человеческим ценностям.

...Такой мир невозможен и не нужен. Верить в то, что он возможен, – иллюзия; пытаться воплотить его – безумие. Осознавать это – значит признать необходимым изменение моделей потребления и развития в богатом мире».

Указанное региональное расслоение современного мира характеризуется тем, что 20% населения Земли контролирует 80% ее ВВП. Всего 14% ВВП приходится на 4 млрд. человек, проживающих в 100 странах. США, где проживает менее 5% мирового населения, потребляют до 40% всех природных ресурсов мира без особой заботы о приостановлении процессов деградации природных систем жизнеобеспечения в регионах сосредоточения этих ресурсов.

В [5] отмечается, что численность населения Земли возросла с начала XX века до его конца с 1,6 до 6 млрд. чел., т.е. почти в 4 раза. При этом доля малообразованных людей постоянно возрастает, т.к. наиболее высокие темпы роста наблюдаются в странах с низким уровнем развития, образования и культуры. Мировой валовой продукт к концу XX века увеличился в 300 раз по сравнению с его началом. А рост производства и населения – главные факторы увеличения антропогенной нагрузки на природу. Только за 20-30 последних лет XX века на сельскохозяйственных землях потеряно свыше 480 млрд. т верхнего слоя почвы, что эквивалентно всем пахотным угодьям Индии. За это же время

пустыни расширились на 120 млн. га, а умеренному опустыниванию подверглись 1,5 млрд. га пастбищ в развивающихся странах. Значит, почва также перестала быть возобновляемым ресурсом. Реально разворачивающаяся сегодня неуправляемая глобализация, может привести мир к катастрофе, если не противопоставить какой-либо «порядок» указанному мировому «хаосу».

В процессе поиска такого порядка в конце XX века обозначилась конструктивная реакция мирового сообщества на возникшую опасность деградации (под непомерным антропогенным давлением) всех природных систем жизнеобеспечения, которая выражается в понятии «устойчивое развитие» (УР). Это понятие впервые введено в докладе указанной выше комиссии Брундтланд, где термин *sustainable development* в русском издании книги «Наше общее будущее» был переведен как «устойчивое развитие», хотя были и другие варианты, в связи с чем многие критикуют такой перевод его на русский язык. Вместе с тем этот термин широко вошел в научный обиход во всех странах мира, в т.ч. и в России.

Устойчивое развитие в докладе этой комиссии определяется как «развитие, которое обеспечивает потребности ныне живущего поколения и не лишает будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности». Концепция устойчивого развития вначале рассматривалась как «развитие без разрушения», предполагающее уменьшение негативного воздействия хозяйственной деятельности человека на природную среду, в рамках которого происходит осознание единства природы и общества.

Постепенно углублялось понимание УР, что породило множество его определений. Стратегия перехода к устойчивому развитию как «Повестка (программа) действий на XXI столетие» была принята официально на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

С этого времени многочисленными международными и национальными научно-исследовательскими центрами опубликованы работы по обоснованию концепции устойчивого развития. Количество таких определений уже давно

перевалило за 60. Несмотря на это, все же работа над научной концепцией устойчивого развития, по существу, только начинается.

Переход к УР ставят в один ряд с такими переломными этапами в истории человечества, как переход к оседлому земледелию и революционный прорыв в промышленности. Приведем несколько примеров определения понятия УР.

1. Устойчивое развитие – это многоуровнево-иерархический управляемый процесс коэволюционного развития природы и общества (при массовом и осознанном участии населения), цель которого – обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой ныне живущим и будущим поколениям на основе охраны и обогащения культурного и природного наследия (Г.В. Сдасюк).

2. Понятие «устойчивое развитие» может быть определено как стабильное сбалансированное социально-экономическое развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее непрерывный процесс общества (Гранберг, Данилов-Данильян и др.).

3. В понятии «устойчивое развитие» природа и общество находятся не в оппозиции друг к другу, а в единстве, динамическом равновесии. Предложенная В.И. Вернадским ноосфера является именно той сферой, в которой будет обеспечено неопределенно долгое устойчивое развитие, а также достижение человеком новых вершин разума и максимум прав и свобод (А.Д. Урсул).

Исчерпывающее определение такого сложного процесса вряд ли возможно, но его уточнение и более глубокое понимание, видимо, будет продолжаться еще долго.

Так, в [6] приводится мнение И. Бертона, который утверждает, что УР относится к категории понятий, отражающих «идею, которую можно сформулировать в общих чертах, но нельзя описать точными количественными категориями, то есть в аналитическом смысле это неработающее понятие. Тем не менее, оно при этом не становится бессмысленным. Наоборот, его некоторая

неточность даже предпочтительна, поскольку позволяет избежать обманчивого ощущения точности, порождаемого количественным анализом в общественных науках».

Однако, нами делается попытка формализации определения устойчивого развития с использованием языка алгоритмических алгебр (см. разд.4 Главы I). Если учесть, что устойчивость биосферы имеет информационно-биологическую природу (закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби) и кибернетические приоритеты, то их можно изучать и моделировать с помощью как информатики, так и гомеостатики, акцентирующих внимание на проблемах устойчивости.

Исходя из этого, мы, отойдя от наблюдаемого всюду чрезмерного увлечения экологическими приоритетами, даем новое определение устойчивого развития, основанное на принципе Ле Шателье-Брауна, установленном в области термодинамического равновесия, а также на принципе обеспечения гибкости и адаптивности социо-эколого-экономической системы [7].

Экологический фактор в понятии устойчивого развития региона (страны) является необходимым, но недостаточным условием УР этого региона (страны). Нельзя, чтобы экологическая тревога поглотила все другие тревоги. Например, социальная катастрофа, грозящая человечеству гибелью, надвигается, если не быстрее, то не медленнее экологической.

Концепция устойчивого развития, которая основана только на экологических приоритетах, приводит, как отмечает А. Неклесса, «...к постепенной деградации столь же популярной, сколь и неопределенной концепции устойчивого развития....Ее содержание на практике свелось, с одной стороны, к общим экологическим декларациям, с другой – к утилитарному пакету слабо завуалированных предложений о стабилизации положения посредством «коррекции» численности населения планеты. Коррекции, проводимой с целью сохранить привычный уровень комфорта (для богатого меньшинства на Земле), соответствующий современным стандартам и достоинству человека» [8].

Концепция УР, выдвигаемая нами, содержит в себе выбор путей преодоления не только надвигающейся экологической катастрофы, но и множества других факторов, связанных с обеспечением устойчивого развития страны. Одним из важнейших показателей устойчивого развития страны (России) является ее способность к выживанию и развитию в своем конкретном окружении, т.е. в окружении глобализирующегося мира с его новыми принципами мироустройства и миропорядка. Любая система может успешно (устойчиво) развиваться в своем окружении лишь тогда, когда ее элементы (подсистемы) адаптированы к этому окружению. Страна должна обладать свойством гибкости и адаптируемости к окружающему миру для обеспечения устойчивого развития и выработки более адекватных способов реагирования на всякие изменения принципов и правил мироустройства.

Для того чтобы устойчивое развитие России стало не утопией, а реальностью, необходимо, с одной стороны, развивать адаптируемость ее экономической и политической системы к окружающему глобализованному миру с целью выработки более адекватных способов реагирования на любые изменения принципов мироустройства и миропорядка на Земле, с другой – сохранить социокультурную и геополитическую целостность страны.

Нам надо ответить на вопрос: сможет ли Россия сохранить социокультурную и геополитическую целостность, т.е. найти мощное консолидирующее начало (надэтническую идею), цементирующее российское общество в условиях разворачивающейся глобализации социальных, экономических и культурных процессов в мире, формирования глобального социоэкономического пространства, наблюдающегося фундаментального кризиса, связанного с ослаблением авангардной роли западных цивилизационных ресурсов в мире, а также в условиях наблюдающегося формирования глобальной системы отношений «Центр–Периферия».

ООН осуществляет формирование структур и механизма поддержки перехода всех стран мира к модели устойчивого развития. Создана Комиссия ООН по устойчивому развитию (ЮНКУР), в состав которой, наряду с 52 го-

сударствами, вошла и Российская Федерация. ЮНКУР ставит задачу разработки каждой страной национальной стратегии плана действий по реализации принятой на указанной Конференции «Повестки дня на XXI век».

В направлении решения таких задач вышел Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Во исполнение этого Указа и последующего распоряжения Правительства РФ от 24 февраля 1994 г. Минэкономики РФ совместно с заинтересованными организациями подготовлена концепция перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития.

При всей положительности наличия в России такой концепции следует отметить два принципиальных ее недостатка:

1. Разработка концепции устойчивого развития страны предполагает объективный анализ состояния страны и оценку (с точки зрения устойчивого развития) выбранного пути ее развития. В этом смысле предлагаемая концепция не может быть объективной и научной, т.к. состояние страны оценивает само Правительство РФ. Необходимо было разработку концепции поручить независимым специалистам-ученым.

2. Хотя в проекте утверждается, что «в основу концепции устойчивого развития положена идея динамично сбалансированного развития триады – экономика, природа, общество», социально-экономические аспекты перехода России на модель устойчивого развития практически не раскрываются, они затрагиваются лишь в обтекаемой форме. Концепция, в основном, – «экологическая», отражающая очень важный, но один экологический аспект.

Из этой концепции видно, что, по существу, ее авторы в узко ограниченном плане представляют себе, что такое устойчивое развитие. Залог успеха в устойчивом развитии России они видят в следующих утверждениях:

1. России предначертана особая роль во всемирном развитии, она – великая страна и ее величие – залог успеха в устойчивом развитии.

Увы, из сверхдержавы (СССР) Россия стала державой (правда, все еще великой) второго ранга с резким сокращением (по сравнению с СССР) геоэкономической и геополитической мощи. Геополитические амбиции, не соответствующие фактическому геоэкономическому потенциалу России, наоборот, могут привести к катастрофе.

Залог успеха в устойчивом развитии России – не в самовозвеличивании. Величие России – в обеспечении своего устойчивого развития.

2. Наблюдающееся духовное возрождение России – залог ее устойчивого развития.

Под духовным возрождением сегодня обычно подразумевают возрождение религиозности в России, которое в одночасье не происходит и требует, если вообще это возможно, жизни двух-трех поколений при создании всех условий для этого. А поскольку не созданы ни условий, ни соответствующей идеологии для этого (кроме, правда, ударных строек в Москве и в регионах мечетей и церквей), то возлагать только на это надежды на духовное возрождение России несерьезно.

3. Русский народ обладает терпимостью, добротой, сострадательностью, уживчивостью и т.д., что способствует целям устойчивого развития России.

Действительно, долготерпение русского народа ко всяким лишениям и трудностям, создаваемым на протяжении веков (особенно XX века) властями, настолько безгранично, что это – феномен в истории народов и обеспечивает этому народу устойчивое развитие с точностью до наоборот. Вместе с тем, народы, которые якобы не обладают качествами, перечисленными выше, давно уже поставили свои страны на рельсы устойчивого развития. Пожалуй, нет в мире другого народа, кроме русского, который столь долго позволял бы проводить над собой эксперименты и просто издевательства, учиняемые любыми властями на протяжении веков. Как здесь не вспомнить одно изречение: «каким образом неспособность россиян противостоять авантюрным экспериментам правителей над страной (даже вопреки волеизъявлению в виде

референдумов) будет способствовать целям устойчивого развития – загадка столь же таинственная, как и русская душа».

4. Россия, благодаря своим необъятным просторам и огромным ресурсам станет на путь устойчивого развития.

Если дело только в этом, то как понять, что россияне, проживающие на огромном богатейшем Евразийском континенте, несравненно беднее (и сколько столетий!) людей, проживающих, например, на двух бедных ресурсами островках, называемых Японией и Англией, а также на таких небольших территориях как Германия, Франция, Швеция и т.д.

5. Научный потенциал России настолько мощный, что он выведет ее на устойчивое развитие.

Это действительно было бы так, если бы наука хоть когда-то стала в России востребованной не для ВПК, а для создания нормальной жизни россиян, которые находятся вот уже целое столетие в унижительном положении. Сегодня мы видим, что науку государство не балует, какие бы красивые слова не говорили в ее адрес. Это выражается даже не столько в резком сокращении финансирования, сколько в полном игнорировании рекомендаций науки в вопросах реформы общества.

Отношение к науке и к знаниям вообще является показателем успешности проводимых реформ.

В основе успеха, например, южнокорейских реформ лежала подготовка общества к уважительному отношению к приобретению знания и к науке. Они добились к началу реформы такого состояния общества, что на вопрос к ученикам – кем бы они хотели стать, большинство отвечало: ученым или инженером.

От сегодняшних наших учеников можно услышать какой угодно ответ на этот вопрос, но только не «ученый или инженер». И ясно почему: ученые и инженеры далеко не дотягивают до среднего класса и пополняют практически низкую прослойку российского общества. Это и есть показатель того, какую реформу мы проводим в России.

Оптимизм в обеспечении устойчивого развития России должен быть основан не на указанных утверждениях, хотя необходимо учесть и их, а в возможностях преодоления концептуальной пустоты российских реформ и построения такого политического и экономического устройства нашего государства, что при всех колебаниях воздействия на него, Россия не сбивалась бы с пути устойчивого развития.

Важно сначала осознать, что понимается под «устойчивым развитием». Пока для него нет общепринятого определения. Наш подход к понятию «устойчивого развития» основан на идее управляемости развития.

В основу термина «устойчивое развитие», как правило, ставят природоохранную деятельность, направленную на сохранение биосферы, а также на решение проблем безопасности населения и окружающей среды при возникновении природных и техногенных катастроф. Но понятие устойчивого развития страны охватывает намного больше проблем. Сохранение биосферы и обеспечение безопасности населения и окружающей среды при катастрофах являются лишь одними из необходимых условий устойчивого развития, но недостаточными.

Устойчивость развития любого государства определяется надежностью не только системы природоохранной деятельности и защиты от катастроф (хотя без решения этих проблем в условиях надвигающейся экологической катастрофы нельзя говорить ни о какой устойчивости), но и надежностью множеств взаимосвязанных систем: общественно-политической, социально-экономической, военно-оборонительной, здравоохранения и образования, систем телекоммуникации и информатизации т.д., а также, крайне необходимой для России, стабильностью межнациональных отношений. Кроме того, устойчивость развития государства нельзя рассматривать в отрыве от духовно-нравственного состояния общества в этом государстве.

Таким образом, задача устойчивого развития страны является уникальной как по сложности, так и по научной и практической значимости, беспрецедентной в своей постановке по масштабу охватываемых проблем в

сфере управления страной и обществом. Она требует для своего решения мобилизации всего интеллектуального потенциала России. Решение этой задачи даст конструктивные ответы на следующие основополагающие для России вопросы:

- к какой организации общества должна стремиться Россия и какая организация возможна в нынешних условиях, чтобы российское общество обрело наконец устойчивое развитие?

- в чем особенность России, которую необходимо учесть в нынешних реформах, чтобы эти реформы стали успешными?

- как нам обустроить Россию, чтобы обеспечить ее устойчивое развитие?

- какое место должна занять и какую роль должна играть Россия в необходимом для всего человечества утверждении на Земле новой экологической ниши и, в связи с этим, переходе на новую систему общественных, межнациональных и международных отношений?

Не дав ответы на эти вопросы, Россия не сможет стать на путь устойчивого развития.

Представляется, что прежде всего следует начать с научного определения самого понятия «устойчивое развитие».

2. Определение устойчивого регионального развития

Что такое и чем является устойчивое региональное развитие (РР) в России – утопией или реальностью? Ответы на этот вопрос даны во многих публикациях, посвященных теме устойчивого развития, в [9,10,11,12,13] Если устойчивое РР рассматривать в качестве доктрины гармоничного развития экономики и общества, не истощающего ресурсы и поддерживающего естественное состояние биосферы, то оно, по утверждению одних, например, [10] является утопией (с оговоркой, что утопичность не означает принципиальной неосуществимости представлений об устойчивом развитии). По мнению других, например [11], в России устойчивое РР – возможно и это не утопия, но еще и не реальность. А третьи, например [12], доказывают

необходимость перехода к устойчивому развитию, говоря, что содержанием стратегии экономического развития России должен стать переход именно к устойчивому развитию (УР), роль ведущего звена (субъектов УР) которого должны играть не предприятия, а регионы и города как специализированные воспроизводственные системы. При всем таком различии ответов на поставленный вопрос следует заметить, что понятие устойчивого РР все еще не имеет четкого определения.

В понятии устойчивого развития, сформулированном впервые «Комиссией Брундтланд» в 1987 [14], а затем и в концепции УР, предложенной в 1992 г. на конференции, проходившей в Рио-де-Жанейро, не отражена региональная составляющая УР и не определены принципы управления устойчивым развитием всех уровней, в том числе регионального. В настоящее время существует более 50 определений УР [10] и число их продолжает расти, что отражает как сложность самого понятия, включающего социальные, экономические и экологические аспекты развития человечества, так и несовпадение взглядов представителей разных слоев общества.

Вместе с тем без ответа на вопрос «что подразумевается под устойчивым региональным развитием» говорить о моделировании и управлении устойчивым РР не имеет смысла.

Определение устойчивого РР, которое дается здесь, основано на принципе Ле Шателье, установленном в области термодинамического равновесия, а также на принципе обеспечения гибкости и адаптивности экономической системы. Свойство адаптивности, как утверждается в [15], гораздо важнее формальных показателей уровня экономического развития, измеряемого среднелюдным ВВП. В качестве ключевого ориентира государственной политики адаптивность заступает на место концентрации ресурсов.

Кроме того, ВВП как единый показатель не способен охватить все жизненно важные аспекты УР. ВВП соответствует общей стоимости годового потока товаров и услуг, произведенных экономикой (в том числе стоимости

социальных благ (продовольствие, жилье и т.д.), и видов социального неблагополучия (стоимость загрязнения окружающей среды, ДТП, болезней и нетрудоспособности и т.д.)). А поскольку каждый из этих товаров и услуг связан со значительным потреблением невозобновляемых ресурсов и загрязнением окружающей среды, то в настоящий момент ВВП главным образом служит мерой интенсивности разбазаривания природных ресурсов и превращения их в движение капитала [13] независимо от того, каким образом это может сказаться на состоянии общества. Едва ли такой показатель заслуживает быть мерой национального богатства и благополучия. Что же тогда является целью регионального развития?

Наблюдающееся до настоящего времени отождествление регионального развития с хозяйственным развитием региона (поэтому и неверно поставлена цель его развития) зачастую приводит к деградации этнокультурной, природно-ресурсной, экологической и других составляющих региональных систем. Примеры такой ситуации имеются почти во всех регионах бывшего СССР. Поэтому нельзя считать регион развивающимся по признакам, где экономические показатели превалируют над всеми остальными.

Нельзя считать развивающимся также и такой регион, население которого, хотя и имеет удовлетворительное материальное положение, но вместе с тем задыхается от загрязнения воздуха и плохого состояния природной среды; где преступность находится на высоком уровне; где ограничена свобода личности; где СМИ загнаны в угол, а смертность превышает рождаемость. Иными словами, такой, где отсутствует все, что определяет качество жизни населения - продолжительность жизни, уровень безопасности, образовательный и культурный уровень, уровень детской смертности, а национально-культурные ценности не развиваются.

Качество жизни характеризуется степенью удовлетворенности человека своим состоянием и условиями жизни с учетом их значимости и личных приоритетов как существа биологического и социального, а также тем,

насколько человек имеет возможность выжить и воспроизвести потомство в данном регионе, непрерывно приспосабливаясь к окружающему миру.

При определении категории «качество жизни» и ее базовых компонентов, образующих среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения, уровень жизни, отражающий материальное благосостояние населения, выступает всего лишь одним из этих компонентов.

Поэтому следует различать понятия «уровень жизни» и «качество жизни». Процесс декомпозиции категории «качество жизни», выступающей как генеральная цель регионального развития, не поддается формализации. Однако декомпозицию генеральной цели объекта управления (региона) можно осуществить с использованием методологии построения дерева целей, позволяющей согласовать и упорядочить по уровням совокупность целей, задач и этапов, необходимых и достаточных для реализации целей этого объекта [16] Но это – предмет отдельного исследования.

Таким образом, под региональным развитием мы понимаем такое развитие, которое нацелено на достижение высокого качества жизни населения региона и содержит позитивную динамику интегральных показателей качества жизни. Ясно, что достигнуть высокого качества жизни невозможно при отсутствии условий для воспроизводства социального, природно-ресурсного, хозяйственного и экологического потенциала территории. Поэтому такое определение согласуется также с определением РР в книге [17].

Теперь перейдем к определению «устойчивого» РР. Суть принципа Ле Шателье состоит в том, что любые переменные системы изменяются в ответ на внешние возмущения в направлении их компенсации. Эта идея в кибернетике нашла отражение в понятии «отрицательные обратные связи», а в биологии – в принципе гомеостаза.

Будем говорить, что регион обладает свойством устойчивого развития, если при широких колебаниях внешних и внутренних возмущений, грозящих падением качества жизни, составляющие элементы региона (переменные

системы) всегда изменяются (перестраиваются) в направлении обеспечения его роста (компенсации производимых возмущений).

Понятие «устойчивость» здесь означает, как и в [13], «жизнеспособность», которая определяется как «способный к жизни и развитию», т.е. регион, обладающий свойством устойчивости, способен к выживанию и развитию в своем конкретном окружении. Какие бы угрозы ни ожидала любая система, для сохранения своей жизнеспособности она должна быть способна реагировать на эти угрозы или адаптироваться к ним до того, как угрозы, реализовавшись, нанесут ей невосполнимый урон. Для таких систем, как регион, мы выделяем на заданный отрезок времени определенный порог качества жизни в этом регионе. Этот порог будем называть порогом безопасности, ниже которого начинается деградация природно-ресурсной, этнокультурной, экологической и других составляющих региональной системы, а также накопление критической массы социального взрыва и распада системы.

Время между моментом начала указанных возмущений и моментом достижения порога безопасности называется «длительностью передышки», т.е. это то время, в течение которого система управления должна успеть принять контрмеры, чтобы не допустить деградации компонент, социального взрыва и распада системы. Для эффективных систем управления длительность реагирования на угрозы всегда меньше длительности передышки. СССР распался во многом из-за несоблюдения этого принципа. Приведем теперь определение устойчивого РР.

Способность региона сохранять и развивать значение необходимых параметров качества жизни в пределах (выше) порога безопасности при широких колебаниях внешних и внутренних возмущений (общественно-политического, социально-экономического, техногенного, природно-климатического и т.д. характера), грозящих падением качества жизни, определяет устойчивость регионального развития (принцип гомеостаза).

Из этого определения видно, что система управления процессами устойчивого РР должна обладать свойствами адаптации. Кто будет возглавлять такую адаптивную систему управления, и как эта система будет работать? Что касается вопроса «кто», ясно, что это должна быть региональная администрация, выступающая как непосредственный агент населения региона, реализующая интересы РР. Однако региональная администрация сегодня сталкивается с разного рода парадоксами федеральной региональной политики. Например, парадоксом, отмеченным академиком А.Г. Гранбергом [18] наличием громадного несоответствия масштаба стоящих перед регионами задач и выделяемых на их решение финансовых ресурсов. Следует отметить, что в последнее время наблюдается еще и другой парадокс федеральной региональной политики: одновременное выполнение лозунга ухода государства из экономики и требования обеспечения хозяйственного развития региона в отсутствие реальной рыночной экономики. Нам представляется, что настало время поставить в России управление процессами устойчивого РР в качестве государственной задачи.

Эта задача может показаться сегодня преждевременной, когда большинство регионов являются дотационными. Но продолжение и дальше политики реализации неверно поставленной цели для регионов приведет к еще большей деградации (хотя сейчас в России степень деградации очень высокая) природно-ресурсной, экологической и других компонент регионов России. Кроме того, необходимость в такой постановке вопроса следует из наблюдающегося в стране осознания неизбежности перехода [19] от экспортно-сырьевого сценария к сценарию регионально-ориентированного развития, подразумевающего наращивание воспроизводственного потенциала регионов и городов методами обустройства территории и развития человеческого потенциала, базирующегося на крупномасштабных общественных (государственных и муниципальных) инвестициях в развитие инфраструктуры.

Как управлять сложными процессами устойчивого РР? Следует ясно понимать, что эффективно управлять этими процессами будет невозможно без

использования высоких информационных технологий и создания региональных АСУ (РАСУ), основанных на социо-эколого-экономических моделях регионов. Методы создания РАСУ и моделей сложных систем даются автором в монографии [16].

3. Модель системы управления процессом устойчивого регионального развития

Для построения модели системы управления процессом устойчивого регионального развития будем рассматривать регион как открытую систему, условно разделенную на три взаимодействующие подсистемы [7]:

- природную (П) или ресурсную (первичные ресурсы и окружающая среда);
- экономическую (Э) (производственная система и система инфраструктуры);
- общественную (О) (социальная система, система политического управления и индивидуальное развитие).

Эти три подсистемы образуют технологическую цепочку, призванную обеспечить достижение высокого качества жизни в регионе по схеме, изображенной на рис. 1.

Таким образом, регион рассматривается нами как социо-эколого-экономическая система, в которой взаимодействие подсистем П, Э, О организовано в виде технологической цепочки, где выход R_i подсистемы П является входом в подсистему Э, а выход P_j подсистемы Э – входом в О, выходы которой представляют собой: S_l – все, что идет на обеспечение высоких показателей качества жизни, V – на расширенное воспроизводство. Используемая в регионе продукция P_j либо производится внутри региона, либо поставляется извне путем прямого межрегионального обмена или путем централизованного перераспределения продукции и финансов.

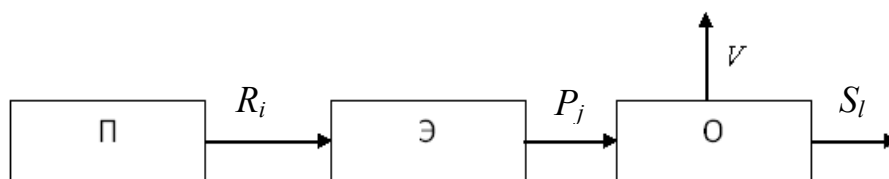

Рис. 1 – Технологическая цепочка,
где П – ресурсная (первичные ресурсы и окружающая среда); Э – экономическая (производственная система и система инфраструктуры); О – общественная (социальная система, система политического управления и индивидуальное развитие)

На рис. 1 приняты следующие обозначения: R_i – ресурсы (природные богатства, включенные в хозяйственный оборот, товароматериальные запасы, производственные фонды, сельхозтехника, запчасти и удобрения, финансовые и трудовые ресурсы, накапливаемая интеллектуальная собственность, овеществленная в виде технологических способов производства и других инноваций), виды деятельности (регенерация возобновляемых ресурсов, добыча и переработка ресурсов, материально-техническое снабжение, поглощение отходов, природоохранная деятельность и т.д.), средства и предметы труда, необходимые для организации функционирования блока Э (в дальнейшем – ресурсы); P_j – используемая в регионе (произведенная в регионе или поставляемая извне) продукция (чистая продукция, предметы потребления, средства производства, фонды потребления, накопления, возмещения); услуги инфраструктуры (в дальнейшем – продукция); V – региональный потенциал расширенного воспроизводства производственных ресурсов (природные, финансовые, трудовые ресурсы, основные фонды, материальные запасы); S_l – масштабы решаемых социальных проблем и вложения в личное потребление и индивидуальное развитие, обеспечение безопасности, экологию, здравоохранение, образование, духовно-нравственное оздоровление, развитие национально-культурных ценностей (в дальнейшем – объемы решаемых социальных проблем).

Указанная технологическая цепочка, т.е. региональное воспроизводство, есть по сути циклический процесс перехода производственных ресурсов региона от одной стадии к другой. Поэтому региональное воспроизводство делится нами на три звена, каждое из которых отражает одну из стадий движения ресурсов: ресурсы - продукция - социальные блага.

На первых стадиях ресурсы переходят в готовую продукцию определенной стоимости. Конечная стадия движения производственных ресурсов - создание и поддержание на нужном уровне потенциала (населения, ресурсов, основных фондов, производственных запасов) расширенного воспроизводства производственных ресурсов в регионе, которое обеспечивается трудовыми и ресурсными затратами всего общества, в том числе и потенциала воспроизводства природных ресурсов (разведка полезных ископаемых, охрана окружающей среды, восстановление лесных и земельных ресурсов и т.д.).

Управление рассматриваемой технологической цепочкой отражает самый верхний уровень регионального управления и обеспечивает достижение высокого качества жизни населения, что является прямой задачей органов политического управления региона.

Может возникнуть вопрос: как согласуется централизованное управление такой технологической цепочкой с производством P_j , которое регулируется рынком? Этот вопрос затрагивает один из важных аспектов регионального управления: проблему оптимального согласования принципов развития свободной рыночной экономики и территориальной организации общества (систему «регион-рынок»)) для которого в настоящее время в мире не выработаны универсальные решения. Однако сегодня происходит осознание необходимости перехода к такой модели экономики, суть которой можно выразить так [19] «дело бизнеса – использование ресурсов, дело государства - организация их воспроизводства». Отсюда лозунг ухода государства из экономики теряет смысл и появляется другой – «создание современного общественного сектора экономики как основного организатора

воспроизводства – субъекта устойчивого развития». К тому же, процессы воспроизводства ресурсов (рабочей силы, почвенного плодородия и биоресурсов, а также знаний) протекают в основном за пределами рынка.

Необходимость создания модели управления рассматриваемой технологической цепочкой диктуется также неспособностью рынка решать принципиальные проблемы, возникающие на уровне взаимодействия экономики и экологии. В мире все более очевидным становится необходимость такого централизованного управления ограниченными природными ресурсами, чтобы эти ресурсы удовлетворяли интересы не только богатых (как стран, так и людей).

Перейдем теперь к математической постановке задачи оптимизации выходных параметров подсистем П, Э, О. Предполагается, что периодически в подсистеме О производится оценка качества жизни в регионе (методология измерения качества жизни населения дается, например, в работах [20, 21]. Критерием оптимизации выпуска продукции в подсистеме О выступает минимум разницы между потребностью в решении социальных проблем (определяемой заданными параметрами качества жизни) и фактическим объемом их решения. Предполагается также, что на каждом шаге управления подсистемы Э, О делают заявки на поставку соответственно продукции блоков П, Э к началу данного шага управления. Сформулируем задачи оптимизации выпуска R_l, P_i, S_l как задачи линейного программирования, назвав их задачами соответственно Z_R, Z_p, Z_s .

Обозначим через l_1, l_2, J_3 число выходных параметров соответственно подсистем П, Э, О, т.е. $i=1, \dots, l_1, j=1, \dots, l_2, l=1, \dots, J_3$. Совокупность ресурсов и услуг (из перечня i), которая необходима для производства продукции вида j в подсистеме Э, назовем набором j и обозначим σ_j . Точно так же совокупность продукции и услуг (из перечня j), которая необходима для решения вида l социальной проблемы в подсистеме О, назовем набором l и обозначим σ_l .

2.1. Ограничения задачи Z_R .

1. Подготавливаемые в подсистеме П в период t управления ресурсы должны обеспечить выполнение всего объема работ в отраслях подсистемы Э:

$$\sum_{i \in \sigma_j} a_{ij} R_i(t) \geq B_j(t), \quad j = 1, \dots, I_2 \quad (1)$$

где a_{ij} – объем работ по производству продукции j , обеспечиваемый использованием единицы ресурса i набора j (за единицу можно взять 1 млн. руб. стоимости набора j); $B_j(t)$ – объем необходимых работ по производству продукции вида j за период t в подсистеме Э; $R_i(t)$ – объем ресурса i , подготавливаемого за период управления t в подсистеме П.

2. По каждому h_l – виду деятельности подсистемы П – необходимо уложиться в фонд полезного времени (определяемого требованиями производства продукции по времени в подсистеме Э) за период δ_1 :

$$\sum_{i=1}^{I_1} u_{ih_1} R_i(t) \leq \delta_{1h_1}, \quad h_1 = 1, \dots, v_1 \quad (2)$$

где V_l – общее число видов деятельности подсистемы П; u_{ih_1} – норма времени, необходимая деятельности вида h_l для подготовки единицы ресурса вида i ; δ_{1h_1} – фонд полезного времени подсистемы П деятельности вида h_l , за период δ_1 .

3. Для любого t

$$R_i(t) \geq 0, \quad i = 1, \dots, I_1 \quad (3)$$

2.2. Ограничения задачи Z_P .

1. Создаваемые подсистемой Э объемы продукции в период управления t должны обеспечить решение всего необходимого объема и перечня социальных проблем:

$$\sum_{j \in \sigma} P_j(t) \geq \sum_{y \in \sigma_l} \varphi_{jl} S_l(t), \quad l = 1, \dots, I_3 \quad (4)$$

где $P_j(t)$ – объем продукции вида j производимый за период управления t в подсистеме Э; φ_{jl} – объем продукции вида j , необходимый для решения единицы социальной проблемы l (в качестве единицы могут выступать 1000

ученических мест, 1000 больничных коек, комплекс очистного сооружения, 1000 м² жилья, 1000 т запаса продовольствия, 1 млн. руб. вложений в сферу обеспечения безопасности человека и т.п.); $S_l(t)$ – потребность в решении социальной проблемы l за период управления t .

2. По каждому виду деятельности h_2 подсистемы Э необходимо уложиться в фонд полезного времени (определяемого требованиями решения социальных проблем в срок) за период $\delta_2 h_2$:

$$\sum_{j=1}^{l_2} u_{jh_2} P_j(t) \leq \delta_2 h_2, \quad h_2 = 1, \dots, v_2 \quad (5)$$

где v_2 – общее число видов деятельности подсистемы Э; u_{jh_2} – норма времени, необходимая для изготовления единицы продукции вида j по виду деятельности h_2 , $\delta_2 h_2$ – фонд полезного времени подсистемы Э по виду деятельности h_2 за период δ_2

3. Подсистема Э не должна допускать при производстве P_j загрязнения природной среды выше предельно допустимой концентрации загрязнения:

$$\sum_{j=1}^{l_2} x_{jm} P_j(t) \leq Y_m, \quad m = 1, 2, \dots, \quad (6)$$

где x_{jm} – концентрация загрязнения подсистемы m природной среды при производстве единицы продукции вида j ; Y_m – предельно допустимая концентрация загрязнения подсистемы m природной среды.

4. При производстве P_j сокращение регионального потенциала расширенного воспроизводства производственных ресурсов (запасов природных, материальных, финансовых и трудовых ресурсов, а также производственных и непроизводственных фондов) не должно идти дальше предельно допустимого нижнего уровня запасов этих ресурсов:

$$\Gamma_{\underline{i}}(t) - \sum_{j=1}^{l_2} b_{ij} P_j(t) \geq \bar{R}_{\underline{i}}, \quad \underline{i} = 1, \dots, \bar{I} < I_1, \quad (7)$$

где b_{ij} – объем указанных ресурсов вида $\underline{i}$, расходуемый при производстве единицы продукции вида J ; $\bar{R}_{\underline{i}}$ – предельно допустимый нижний уровень запасов ресурсов вида $\underline{i}$; $\Gamma_{\underline{i}}(t)$ – запас вида $\underline{i}$ ресурсов к началу периода t .

5. Создание продукции и фондов вида j в подсистеме Э ограничено наличием накопленных элементов национального богатства (человеческого капитала, основных производственных фондов и запасов товарно-материальных ценностей, природных богатств, научно-технического потенциала) в начале периода управления t :

$$\sum_{j=1}^{l_2} \mu_{ij} P_j(t) \leq \beta_i(t), \quad i \in \sigma_j, \quad (8)$$

где μ_{ij} – ресурсы вида i , которые требуются для изготовления единицы вида j продукции; $\beta_i(t)$ – запас ресурсов вида i (элементов национального богатства), имеющийся на входе подсистемы Э к началу периода управления t . Вообще говоря, влияние накопленных элементов национального богатства на производство ВВП определяется [22] производственной функцией, имеющей следующую зависимость:

$$\sum_j P_j(t) + D_t = f(y_i(t - \tau)), \quad (9)$$

где $f(y_i(t - \tau))$ – запасы элементов национального богатства, которые непосредственно влияют на рост ВВП; D_t – часть ВВП, выбывающая из воспроизводственного кругооборота, включая домашнее имущество, непроизводственные основные фонды, чистый экспорт, статистические расхождения; $y_i(t - \tau)$ – наличие (запас) фактора i экономического роста на конец периода $t - \tau$; τ – запаздывание отдачи факторов экономического роста. Ясно, что ограничение (8) вытекает из (9).

6. Для любого t

$$P_j(t) \geq 0, 1, \dots, I_2, \quad (10)$$

2.3. Ограничения задачи Z_s .

1. Объем решаемых социальных проблем вида / ограничен имеющимся в начале периода управления t запасом наборов l :

$$\sum_{l=1}^{l_3} \varphi_{jl} S_{lf}(t) \leq \gamma_j(t), \quad j \in \sigma_{l-}, \quad f = 1, \dots, F, \quad (11)$$

где $S_{lf}(t)$ – объем решаемых социальных проблем l в отрасли f подсистемы О за период управления t ; φ_{jt} – объем продукции вида j ,

необходимый для решения единицы социальной проблемы l ; $\gamma_j(t)$ – объем запаса продукции вида j , имеющейся к началу периода управления t .

2. Социальные проблемы следует решать в необходимые сроки (ввод требуемого числа ученических мест к началу учебного года, ввод газопровода, жилья к началу зимнего сезона и т.п.):

$$\sum_{l=1}^{I_3} u_{lf} S_{lf}(t) \leq \delta_{3f}, \quad f = 1, \dots, F, \quad (12)$$

где u_{lf} – норма времени, требующаяся для решения единицы социальной проблемы l в отрасли подсистемы О; δ_{3f} – время, в которое нужно уложиться за период Δ_3 при решении социальной проблемы l в отрасли подсистемы О.

3. Для любого t

$$S_{lf}(t) \geq 0, \quad l = 1, \dots, I_3, \quad f = 1, \dots, F. \quad (13)$$

Следует учесть, что в региональном производстве есть такие конечные продукты (выступающие одними из базовых компонентов качества жизни), которые производятся в строгой последовательности по периодам управления t , $t + 1$, $t + 2$ так, что продукция в подсистеме Э производится не раньше периода $t + 1$ после того, как в период t были подготовлены в подсистеме П ресурсы (наборы j), а решение проблем в подсистеме О возможно не раньше периода управления $t + 2$ после того, как в период $t + 1$ были подготовлены наборы σ_l . Например, обеспечение населения конечными молочными продуктами (без которых оно не получит полноценное питание, являющееся одним из базовых компонентов качества жизни) производится в строгой последовательности по периодам t – $t+1$; $t + 2$: заготовка кормов и кормление скота (подсистема П) – заготовка молока и его переработка (подсистема Э) – доведение конечной молочной продукции до населения (подсистема О). Для таких региональных производственных систем не представляет труда выписать множество допустимых управлений для t , $t + 1$, $t + 2$, т.е. определить объем ресурсов, используемых в период $t + 1$ в подсистеме Э и подготовленную продукцию (наборы s), для периодов $t + 1$ и $t + 2$ в подсистеме О.

Итак, мы имеем допустимые управления для задач $Z_R - R(t)$, $Z_R - P(t)$ (для

указанных производств добавляется $P(t+1)$, $Z_s - S(t)$ (добавляем $S(t+1)$, $S(t+2)$, когда это необходимо); $R(t)$ удовлетворяет ограничениям (1)-(3), $P(t)$ – ограничениям (4)-(10), $S(t)$ – ограничениям (11)-(13).

Определим целевые функции для задач Z_R , Z_P , Z_s . Вводим следующие обозначения: M_l – потребность в решении объемов социальной проблемы вида l в подсистеме О к концу отчетного периода; $\Phi_l(t)$ – фактическое выполнение этих объемов к началу периода управления t . Пусть $N_l(t) = M_l - \Phi_l(t)$. Целевая функция для задачи Z_s :

$$\min \sum_{l=1}^{J_3} | [S_{lf}(t) + S_{lf}(t+1) + S_{lf}(t+2)] - N_l(t) |, f = 1, \dots, F. \quad (14)$$

Выявим теперь потребность подсистемы О в наборах l и примем ее как заявку подсистеме Э на их производство. Для этого решим задачу (14) с системой ограничений (11)-(13). Решение этой задачи обозначим через S^* . Заявки на поставку наборов l в подсистему О к началу периодов $t+1$, $t+2$ будем считать разницей между S^* и запасом наборов l к началу периода t :

$$W_l(t+1) = \max\{O, S_l^*(t) + S_l^*(t+1) - \gamma_j(t)\},$$

$$W_l(t+2) = \max\{O, S_l^*(t) + S_l^*(t+1) + S_l^*(t+2) - \gamma_j(t) + W_l(t+1)\}.$$

Имея заявки W_l определим целевую функцию для задачи Z_P как минимум разницы между тем, что необходимо произвести, и заявкой:

$$\min \sum_{j \in \sigma_{i1}} | P_j(t) + P_j(t+1) - W_l(t+1) - W_l(t+2) |. \quad (15)$$

Решаем задачу (15) с системой ограничений (4)-(10). Найдём по аналогии с Z_s заявку на ресурсы (наборов j) к началу периода $t+1$:

$$W_l(t+1) \max\{O, P_j^*(t) + P_j^*(t+1) - \beta_i(t)\},$$

где $P_j^*(t), P_j^*(t+1)$ – решения задачи (15). Тем самым устанавливаем задания как подсистеме П на подготовку ресурсов (наборов j) к началу периода $t+1$ так и подсистеме Э на производство наборов l к началу периодов $t+1$ и $t+2$.

Теперь задачи оперативного управления Z_R , Z_P , Z_s сформулируем следующим образом.

Задача Z_R : найти $\min \sum_{i \in \sigma_j} |R_i(t) - W_j(t + 1)|$ при условии выполнения ограничений (1)-(3).

Задача Z_P : найти $\min \sum_{i \in \sigma_j} |P_j(t) + P_j(t + 1) - W_j(t + 1) - W_i(t + 2)|$ при условии выполнения ограничений (4)-(10).

Задача Z_S : найти $\min \sum_{i=1}^{j_3} |S_{lf}(t) + S_{lf}(t + 1) + S_{lf}(t + 2) - N_l(t)|$ при условии выполнения ограничений (11)-(12).

Построенная модель оперативного управления технологической цепочкой (управления процессом регионального развития) будет давать эффект, когда она станет составной частью РАСУ, процессом устойчивого РР. Для этого модель включаем в контур обратной связи системы управления регионом по типу адаптивной системы с идентификатором (АСИ). [23]. В отличие от автоматической АСИ, рассматриваемой в [23], строящаяся нами АСИ будет автоматизированной, так как в уточнении модели рассматриваемого объекта (РР) и выработке управляющих воздействий на этот объект в режиме диалога с региональной сетью ЭВМ будет участвовать лицо, принимающее решение (ЛПР). Принципиальная схема автоматизированной АСИ приведена на рис 2.

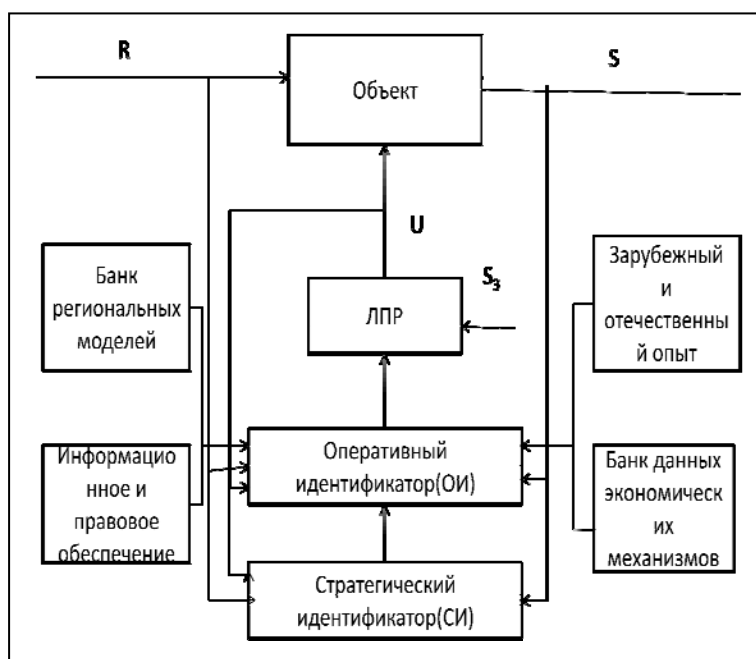

Рис. 2 – Схема автоматизированной АСИ
(U-управляющее воздействие; R-ресурсы (Подсистемы П); S –объемы решаемых социальных проблем; S₃ – заданные значения этих объемов)

В этой схеме, как и в автоматической АСИ, функционирование АСИ осуществляется в двух режимах: обучения и управления. Обучение осуществляется блоком ЛПР в режиме диалога с блоками идентификации. Блок «стратегический идентификатор» (СИ) решает в широком смысле задачу идентификации: в случае выхода объекта из зоны допустимого отклонения $|S^* - S_{\phi}| \leq \varepsilon$ – (где S^* – решение задачи Z_S , S_{ϕ} – фактические значения S ; ε – допустимое отклонение) в СИ производится анализ причин выхода из этой зоны и в блок «оперативный идентификатор» (ОИ) выдается перечень действий и задач, осуществление (решение) которых необходимо для ликвидации недопустимого отклонения.

Выбор перечня задач для ликвидации такого отклонения производится блоком СИ в режиме диалога с блоком ЛПР. В перечень задач могут войти наиболее насущные аспекты регионального развития: всякого рода парадоксы федеральной региональной политики, нерешенные задачи, отношений собственности, земельных отношений, отношений природопользования, бюджетно-налоговых и территориально-хозяйственных отношений или просто сбои в производственно-хозяйственной и финансовой деятельности отраслей подсистем П, Э, О, задачи на стыках экономики и экологии и т.п., которые ухудшают интегральные показатели качества жизни населения региона и выводят объект (РР) из зоны допустимого отклонения. В качестве управляющего воздействия U выступает решение перечня этих задач, исходя из опыта (России и других стран) с использованием необходимых экономических механизмов и региональных моделей.

В блоке ОИ происходит, в случае необходимости, уточнение модели регионального развития и отслеживание дальнейшего «поведения» системы. Этот процесс продолжается до тех пор, пока объект не войдет в зону допустимого отклонения. В рамках такого оперативного отслеживания «поведения» системы можно осуществлять мониторинг качества жизни населения и уровня безопасности региона, который охватывает комплексную оценку состояния общества, а также экономического, экологического,

финансового, природно-ресурсного состояния региона. Только такая система в состоянии обеспечить эффективное управление очень сложными процессами устойчивого развития регионов.

4. Имитационное моделирование и формализация определения устойчивого регионального развития

В последнее время в моделировании региональных сложных систем, в т.ч. и экономических стали использоваться идеи искусственного интеллекта и мультиагентного моделирования, позволяющие по-новому взглянуть на процессы, происходящие в регионе как на взаимосогласованное поведение агентов экономических и других систем в этом регионе.

Субъекты (элементы) региона задаются как действующие агенты. Задается так же описание стратегий их поведения. В этом случае при разработке долгосрочного прогноза развития региона, например, главное – не анализ трендов основных показателей состояния региона, а оценка параметров стратегий развития его субъектов, которая от указанного анализа трендов отличается сбалансированностью выстраиваемого прогноза.

Сложная (экономическая) система, представляемая нами как многоуровневая конструкция из элементов (субъектов), функционирует таким образом, что выходные данные, выдаваемые одними элементами, поступают на входы других элементов, изменяя поведение (состояния) последних. Получаемая совокупность всевозможных перемещений и случайных скачков состояний всех элементов этой многоуровневой конструкции и составляет процесс функционирования сложной системы во всем многообразии происходящих событий.

Формализовать напрямую процесс функционирования всей сложной системы практически невозможно, поэтому выбирается другой путь: формализовать процессы функционирования лишь элементов системы как существенно более простых объектов и описать схемы сопряжения элементов, и модели, представляющие собой многоуровневые иерархические структуры

(которые задаются схемами сопряжения) из сотен или тысяч элементов, описываемых динамическими системами (например, детерминированными и вероятностными автоматами), реализовать на ЭВМ. Конструирование общесистемных ситуаций как взаимно обусловленных сочетаний перемещений и скачков состояний элементов (заданных разными моделями) многоуровневой системы поручается компьютеру, который производит имитацию событий моделируемого процесса. Как образуются эти элементы? Сложная система разделяется на конечное число частей при условии сохранения связей, обеспечивающих взаимодействие частей. Части системы при таком расчленении интерпретируются как подсистемы. При сложности некоторых подсистем процесс расчленения этих подсистем продолжается до тех пор, пока не получатся достаточно простые подсистемы, математическое описание которых становится удобным. Эти неделимые простые подсистемы называются элементами сложной системы. Представление исследуемого объекта в виде многоуровневой конструкции из таких элементов называется структуризацией объекта.

Вопросы структуризации, формализации элементов и взаимодействия между ними были изучены Н.П. Бусленко и И.Н. Коваленко [24]. В основе этой теории положены так называемые агрегаты и кусочно-линейные агрегаты.

В нашей работе в основе изучения указанных вопросов лежит рассмотрение элементов системы как дискретных преобразователей и описание функционирования элементов как выполнение регулярных выражений алгебры алгоритмов, представленных в этих преобразователях [16].

Регулярные выражения в алгебре алгоритмов (АА) назовем в дальнейшем регулярными моделями или R – моделями. Все элементы сложной системы должны описываться единообразно в виде некоторого модуля, в качестве которого необходимо выбрать динамическую систему, охватывающую как детерминированные, так и стохастические объекты. А схема сопряжения, содержащая множество контактов (определяющие адресацию сигналов циркулируемых между элементами системы) на всех уровнях должны быть

приведены к стандартному виду. Реальные элементы системы обычно описываются математическими моделями, в общем случае отличающимися от выбранного модуля, в связи с чем следует предусмотреть возможность автоматического преобразования математических моделей элементов к виду, определяемому выбранным модулем. Поэтому в нашей работе в качестве модуля для автоматизированной имитационной модели (АИМ) выбирается R-модель, для которой имеется возможность автоматического преобразования как дискретного преобразователя, так и вероятностного автомата к виду, определяемому R-моделью (наряду с детерминированными автоматами нами получен алгоритм получения по заданному вероятностному автомату R-модели, соответствующей этому автомату). Примеров выбора конечных и вероятностных автоматов в качестве модуля для имитационной модели множество. Поэтому интерес представляет выбор в качестве модуля R-модели, которая охватывает эти автоматы.

R-модель в качестве модуля для АИМ привлекает не только широтой охвата всех этих объектов, но и возможностью (в отличии от агрегативных моделей Н.П. Бусленко) эквивалентных преобразований этих моделей.

Взяв R-модель в качестве модуля для АИМ, дальше АИМ может выступать в роли испытательного полигона, на котором проверяется эффективность управления объектом.

Выбранные нами R-модели элементов системы могут стать основой построения универсальной имитационной модели, способной настраиваться на любой объект из большого класса реальных объектов.

Значительное увеличение трудоемкости подготовки к решению задач методом имитационного моделирования по мере роста сложности исследуемых объектов, вызываемое усложнением формального описания этих объектов, а так же усложнением задачи синтеза моделирующих алгоритмов и их программирования, не позволяет имитационным моделям занять подобающее место в инструментарии практических методов исследования. Предлагаемые нами методы формального описания объектов и синтеза моделирующих

алгоритмов, благодаря тому что, они основаны на R-моделях, позволяет легко превратить эти алгоритмы в структурированную программу, что способствует значительному уменьшению трудоемкости подготовки к решению задач методом имитационного моделирования.

Кроме указанных преимуществ R-моделей следует отметить ещё и широкие описательные возможности языка (например, а экономике) в отличие от языка классической математики. Покажем эти преимущества ниже на примере формализации понятия устойчивого регионального развития.

Схема взаимодействия управляющей и операционной структур [16] может быть положена в основу абстрактной модели систем управления регионом (СУР).

Операционная структура отражает информацию о состояниях управляемого объекта (региона), которая в виде наборов значений логических условий поступает на вход управляющей структуры. Управляющая структура СУР обобщает средства выработки соответствующих преобразований указанных состояний объекта (региона) для поддержания функционирования этого объекта в зоне допустимых отклонений. Взаимодействие такого рода может быть формализовано средствами аппарата систем алгоритмических алгебр (САА) [16].

Обобщенная модель взаимодействия операционной и управляющей структур СУР показана на рис. 3.

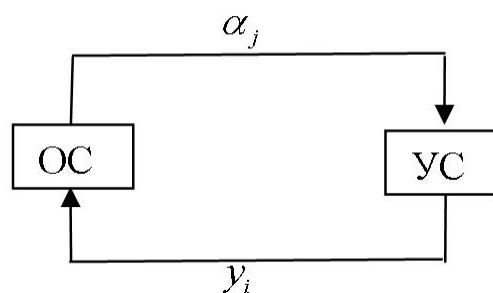

Рис. 3

Операционная структура в этой схеме отождествляется с регионом, а преобразуемая информация – с информацией о состоянии экономики, экологии, общества в регионе. Выходные сигналы α_j ОС отождествляются с некоторыми

подмножествами состояний ОС. Множество всех состояний ОС называется информационным множеством M этой структуры. УС, воспринимая в момент времени t на входе набор значений логических условий $(\alpha_1, \dots, \alpha_n)$, характеризующий текущее состояние ОС (текущее состояние параметров экономики, природной среды и качества жизни в регионе), вырабатывает на выходе оператор y_i , который переводит состояние ОС в новое состояние, т.е. y_i изменяет текущее состояние указанных параметров в регионе. Оператор y_i характеризует, например, действия УС по оптимизации хозяйственной деятельности региона, увеличению уровня жизни населения, улучшению здравоохранения и экологической обстановки и т.д., тем самым переводя состояние качества жизни в регионе в новое более высокое состояние.

Строится пара алгебр A и B . Элементами алгебры A служат операторы на информационном множестве M , элементами алгебры B – условия, определенные на M . В алгебре A определены операции: умножение операторов (последовательное выполнение), α – дизъюнкция, α – итерация для каждого условия α из B .

Операция α – дизъюнкция определяется нами как операция, которая переводит тройку операторов S, P, N в оператор $_{\alpha}(S \vee P \vee N)$, совпадающий с оператором S на тех элементах $m \in M$, на которых условие α истинно, с оператором P на тех $m \in M$, на которых ложно и с оператором N на тех $m \in M$, на которых α неопределенно.

Операция α – итерация сопоставляет оператору P новый оператор $R = _{\alpha}\{P\}$, который получается применением оператора P (когда α ложно) такое число раз (быть может, равное нулю), чтобы условие α стало истинным. В случае, если после очередного применения оператора P условие α неопределенно, а также в случае бесконечного применения оператора P оператор R считается неопределенным.

В алгебре B операция α – дизъюнкции трех логических условий β, γ, μ $_{\alpha}(\beta \vee \gamma \vee \mu)$ определяется аналогично такой же операции алгебры A .

Операция $S\alpha$ есть условие или истинное, или ложное, или же неопределенное соответственно тому, будет истинным, ложным, или же неопределенным после выполнения оператора S условие α . Условие $S\alpha$ считается неопределенным на всех элементах M , на которых не определен оператор S . Условия (элементы алгебры условий B) могут принимать три значения: ложно (0), истинно (1) и неопределенное значение (н). Операциями в алгебре B являются конъюнкция, дизъюнкция, отрицание, α – дизъюнкция и (приведенная выше) операция (левого) умножения оператора на условие. Для случая, когда аргументы операции принимают значение 0 или 1, операции определяются как в булевой алгебре.

В общем случае $\bar{n} = n$, а операции конъюнкция и дизъюнкция определяются с помощью следующих таблиц:

$\wedge$	0	1	н
0	0	0	0
1	0	1	н
н	0	н	н

$\vee$	0	1	н
0	0	1	н
1	1	1	1
н	н	1	н

Теперь для формализации понятия устойчивого развития региона мы вводим систему логических условий, определяющих остроту кризисных ситуаций в экономике, а также состояния параметров качества жизни населения в регионе. Необходимо определить систему целевых ориентиров и пороговых значений параметров экономики и индикаторов качества жизни населения, превышение которых может привести регион к его переводу из режима сбалансированного развития в фазу бифуркации.

Обобщающую оценку остроты кризисной ситуации в регионе определим по показателям экономической безопасности (ЭБ) на данной территории, диагностика которой определяется и осуществляется расчётом фактических индикаторов экономической безопасности и сравнением их с пороговыми значениями.

Введем систему логических условий для индикаторов ЭБ, рост которых улучшает качество жизни, например, индикатор «Уровень жизни», а также для индикаторов, наоборот, уменьшение которых улучшает качество жизни, например, индикатор «Детская смертность» соответственно:

$$\alpha_i = \begin{cases} 1, \text{если } (t_i \geq c_i) \\ 0, \text{если } (p_i < t_i < c_i), \\ n, \text{если } (t_i \leq p_i) \end{cases}, \quad \alpha_j = \begin{cases} 1, \text{если } (t_j \leq c_j) \\ 0, \text{если } (p_j > t_j > c_j) \\ n, \text{если } (t_j \geq p_j) \end{cases}$$

где t_i – текущее состояние i -го индикатора экономической безопасности региона; p_i – пороговое значение i -го индикатора; c_i – целевой ориентир i -го индикатора.

Пороговое значение показателя экономической безопасности (ЭБ), является предельным значением индикатора ЭБ, превышение или недостижение которого приводит к началу деградиционных процессов на территории. Другими словами это то, чего допустить нельзя. Целевой ориентир отвечает на вопрос: “К чему следует стремиться?” Целевой ориентир соответствует некоторой установленной норме относительно благополучного состояния по тем или иным показателям качества жизни населения. Например, целевым ориентиром по такому показателю как ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении является 70-75 лет. Однако её значение по России гораздо ниже.

В качестве i -го индикатора ЭБ региона выступают:

1. производственная безопасность
2. инвестиционная безопасность;
3. характер изменения валового внутреннего продукта (ВВП) региона;
4. научно-техническая безопасность;
5. внешнеэкономическая безопасность;
6. энергетическая безопасность;
7. финансовая безопасность;
8. социальная безопасность;
9. демографическая безопасность;

10. криминализация общества;
11. продовольственная безопасность;
12. экологическая безопасность;

Введём логические условия по каждому из этих индикаторов (формулы расчётов самих индикаторов взяты из [25]).

1. Производственная безопасность:

$$\alpha_1 = \begin{cases} 1, \text{ если } f_1, k_1 k_2 \geq c_1 \\ 0, \text{ если } p_1 < f_1 k_1 k_2 \geq c_1 \\ i, \text{ если } f_1 k_1 k_2 \geq p_1 \end{cases}$$

где $f_1 = 100\% - \frac{Q_1}{Q_2} \cdot 100\%$ – фактическое изменение (падение)

промышленного производства в регионе в анализируемом периоде; Q_1 – объём продукции промышленности в регионе в анализируемом периоде в сопоставимых ценах, млрд. руб.; Q_2 – то же в 1990 году в сопоставимых ценах, млрд.руб.; k_1 – корректирующий коэффициент, учитывающий изменение по сравнению с базовым периодом доли электроэнергетики и машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции в регионе, %; k_2 – корректирующий коэффициент, учитывающий изменение износа ОППФ по сравнению с базовым периодом в регионе, %

$$k_1 = \frac{d_y^1 + d_m^1}{d_y^2 + d_m^2},$$

где d_y^1, d_y^2 – соответственно доля электроэнергетики в общем объёме промышленной продукции в базовом и анализируемом периодах в регионе, %; d_i^1, d_i^2 – соответственно доля машиностроения и металлообработки в общем объёме промышленной продукции в базовом и анализируемом периодах, %

$$k_2 = \frac{I_{\text{ОППФ}}^1}{I_{\text{ОППФ}}^2},$$

где $I_{\text{ОППФ}}^1, I_{\text{ОППФ}}^2$ – соответственно износ ОППФ в анализируемом и базовом периодах в регионе, %; p_1 – пороговое значение индикатора изменения (падения) объёмов промышленного производства в регионе, %; c_1 – соответственно целевой ориентир, %.

2. Инвестиционная безопасность:

$$\alpha_2 = \begin{cases} 1, & \text{если } f_2 \geq c_2 \\ 0, & \text{если } p_2 < f_2 < c_2 \\ n, & \text{если } f_2 \leq p_2 \end{cases}$$

где $f_2 = \frac{Q_{\text{кан}}}{\text{ВВП}} \cdot 100\%$ – отношение объёма инвестиций в экономику к ВВП в

регионе в анализируемом периоде в действовавших ценах, %; p_2 – пороговое значение индикатора в регионе, %; c_2 – целевой ориентир по этому индикатору, %.

3. Динамика изменения ВВП в регионе:

$$\alpha_3 = \begin{cases} 1, & \text{если } f_3 \frac{k_1}{k_2} \geq c_3 \\ 0, & \text{если } p_3 < f_3 \frac{k_1}{k_2} < c_3 \\ n, & \text{если } f_3 \frac{k_1}{k_2} \leq p_3 \end{cases}$$

где $f_3 = \frac{\text{ВВП}_t}{\text{ВВП}_{t-1} \cdot \gamma_t} \cdot 100\%$ – темпы роста ВВП в регионе, % к

соответствующему периоду прошлого года; k_1 - корректирующий коэффициент, учитывающий соотношения производства товаров и услуг в РФ в анализируемом периоде, млрд. руб.; k_2 – корректирующий коэффициент, учитывающий соотношение производства товаров и услуг в регионе в анализируемом периоде, млрд. руб.; γ_t – индекс-дефлятор ВВП, в разгах к соответствующему периоду прошлого года; p_3 – пороговое значение индикатора для темпов роста ВВП в регионе, %; c_3 – соответственно целевой ориентир, %.

По всем остальным из 12-ти индикаторов вводятся также соответствующие логические условия (здесь не приводятся).

Из схемы взаимодействия управляющей и операционной структур, отмеченной в самом начале, где операционная структура отражает информацию о состоянии региона, которая в виде наборов значений логических условий поступает на вход управляющей структуры, а также из содержания

определенных нами выше логических условий по всем индикаторам ЭБ следует, что состояние региона имеет три типа по уровням ЭБ :

- нормальное состояние, когда $\alpha_i = 1$, т.е. когда текущее значение индикатора ЭБ больше или равно целевому ориентиру;
- предкризисное состояние, когда $\alpha_i = 0$, т.е. когда текущее значение находится между целевым ориентиром и порогом безопасности;
- кризисное состояние, когда $\alpha_i = n$, т.е. когда текущее значение индикатора ЭБ опускается ниже порога безопасности.

Для формализации понятия устойчивого регионального развития (УРР) обратимся к определению этого понятия, данного в [7]: «способность региона сохранять и развивать значение необходимых параметров качества жизни в пределах (выше) порога безопасности при широких колебаниях внешних и внутренних возмущений (общественно-политического, социально-экономического, техногенного, природно-климатического и т.д. характера), грозящих падением качества жизни, определяет устойчивость регионального развития».

Для наших целей вернемся к алгоритмическим алгебрам (АА) и дадим два определения см. [16]. Вводим в АА операцию параллельного выполнения операторов, которая обозначается символом $*$. Эта операция обладает следующими свойствами:

$$\begin{aligned}(S * P)Q &= SQ * PQ & S(P * Q) &= SP * SQ \\ S * S &= S & S * \emptyset &= \emptyset * S = S & S * E &= E * S = S, \\ S * P &= P * S,\end{aligned}$$

где E и $\emptyset$ – соответственно тождественный и неопределенный операторы.

Разверткой $r(S, m, M)$ операторного выражения S на элементе m информационного множества M назовем слово в алфавите $Y = (y_1, y_2, \dots)$, которое получается в результате выполнения этого выражения S , где $y_1, y_2, \dots$ базисные операторы.

Операторное выражение S назовем применимым, если хотя бы при одной интерпретации развертка $r(S, m, M)$ конечна.

Введем также следующие логические условия:

$$\beta_i = \begin{cases} 1, & \text{если } q_i \geq c_i \\ 0, & \text{если } p_i < q_i < c_i \\ n, & \text{если } q_i \leq p_i \end{cases}$$

где q_i – текущее значение показателя i – го параметра качества жизни; p_i – пороговое значение показателя i – го параметра качества жизни; c_i – соответственно целевой ориентир.

Обозначим конъюнкцию $\beta_1 \wedge \beta_2 \wedge \dots \wedge \beta_m$ через β , где m – количество индикаторов качества жизни.

Пусть $\alpha = \alpha_1 \wedge \alpha_2 \wedge \dots \wedge \alpha_n$, где n – количество индикаторов ЭБ региона (α_i – определены выше). Дадим теперь формализованное определение УРР.

Регион обладает свойством устойчивого развития, если применимо операторное выражение:

$$\left\{ \left\{ \left\{ \alpha_i (E \vee P_1 \vee K_1) *_{\alpha_2} (E \vee P_2 \vee K_2) * \dots *_{\alpha_n} (E \vee P_n \vee K_n) \right\} \right\} N \right\}_{t=T}$$

где $\mu =_{\beta}(1 \vee 0 \vee 0)$, $\gamma =_{\alpha}(1 \vee 0 \vee 0)$, P_i и K_i – операторы, выполняемые в условиях соответственно предкризисного и кризисного состояний региона, чтобы вывести регион в нормальное состояние, N – оператор, выполняемый в условиях нормального состояния региона; T – рассматриваемый период времени, t – текущее время.

Это выражение называется нами алгоритмической формулой УРР. Как работает эта формула?

Процесс начинается с проверки условия $t = T$. Если оно ложно, то входим в цикл и проверяем $\mu =_{\beta}(1 \vee 0 \vee 0)$, т.е. условие β . Если $\beta = 1$ (текущие значения всех индикаторов качества жизни достигли целевого ориентира), то $\mu = 1$ (выходим из цикла) и регион переходит в нормальное состояние (выполняется N).

Как только β принимает значение 0 или n (регион переходит соответственно в предкризисное или кризисное состояние) μ принимает значение 0 (входим в цикл) и процесс переходит к проверке γ , т.е. к проверке условия α . Из определения α видно, что дается обобщенная оценка остроты кризисной ситуации в регионе по всем i -й индикаторам экономической безопасности (по всем α_i проверяется какое значение они принимают 1 или 0 или n).

Если $\alpha=1$, то $\gamma=1$, значит выходим из внутреннего цикла и возвращаемся к проверке μ , т.е. к оценке качества жизни населения региона. При $\mu=0$, вряд ли все α_i будут равны 1 (см. определения $\alpha_i=1$). Скорее всего в этом случае $\alpha=0$ или $\alpha=n$. Тогда $\gamma=0$, т.е. входим во внутренний цикл и переходим к параллельному выполнению операторов $\alpha_i(E \vee P_i \vee K_i)$, $i=1, \dots, n$.

В зависимости от того какое значение принимают каждое из α_i (т.е. определяется степень остроты кризисной ситуации по всем сферам и отраслям региона) в каждой i -й сфере переходим либо к программе P_i (программе выхода из предкризисного состояния), либо к K_i (программе выхода из кризисного состояния). После этого возвращаемся к проверке γ , т.е. к вопросу: преодолели ли мы состояния $\alpha_i=0$ или $\alpha_i=n$?

Если нет, то цикл повторяется вновь.

Если же да, то выходим из внутреннего цикла и проверяем μ . Этот процесс длится до тех пор, пока не станет $\mu=1$ через $\beta=1$, т.е. пока текущее состояние качества жизни не достигнет целевого ориентира. Если этот процесс заканчивается через конечное число шагов (т.е. операторное выражение применимо), то регион обладает свойством устойчивости.

ГЛАВА II. УСТОЙЧИВОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ»

1. Эффективная система отношений «центр-регионы» в России как фактор устойчивого развития

Сэмюэл Хантингтон в своей работе [3], ставшей крупным явлением в мировой политической науке, отмечает, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и экономика, а столкновение цивилизаций, которое станет доминирующим фактором мировой политики. Такое утверждение вызвало много возражений, сводящихся в основном к тому, что наиболее кровавые конфликты в истории вызывались не противоречиями между цивилизациями, а противоречиями преимущественно внутри цивилизации, и нет доказательства обратного тезиса или основания утверждать, что в дальнейшем все будет наоборот. В своем ответе критикам концепции «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон вопрошает: «Если не цивилизация, то что?» Отвечая на этот вопрос, мы утверждаем[1], что доминирующим фактором мировой политики в будущем станет не столкновение цивилизаций, а как отмечено выше, становление ГСО «Центр-Периферия». Вряд ли правомерно утверждать, что на Земле невозможно в будущем выработать механизмы диалога и мирного сосуществования цивилизаций. Следует заметить, что нарастает осознание необходимости терпимого отношения к чужим мирам, культурам и цивилизациям, а также иному видению и образу жизни, иному определению способа существования общества и места, которое занимает в нем человек.

Источниками конфликтов глобального масштаба в будущем будут не цивилизационные различия, а формирование ГСО «Центр-Периферия», где границы этих конфликтов будут пролегать не на линиях разлома между цивилизациями, а на границах, определяемых геополитическими интересами как «Центра», так и «Периферий». Справедливость такого утверждения подтверждается наиболее значимыми конфликтами в мире, произошедшими в новейшей истории. Следует заметить универсальность во многом законов

системы «центр-периферия» на глобальном и государственном уровнях. Наиболее значимые внутренние конфликты будут разворачиваться также в России (как и на глобальном уровне) в рамках столкновения «центра» и регионов. Какие же конфликтные ситуации мы наблюдаем в региональной политике России?

Понятие «региональная политика» было включено в нормативно-правовое пространство указом Президента РФ №803 от 03.06.1996 г., в котором дается развернутое определение региональной политики. Однако такая политика как предмет деятельности властных структур не закреплена ни в Конституции РФ, ни в законодательной сфере. Попытки исправления такого положения с помощью институционализации региональной политики не принесли особых успехов. На федеральном уровне все еще нет четкого определения целей регионального развития, нет также четкого определения интересов страны в развитии каждой ее территориальной части. В осуществлении региональной политики, как правило, «центр» берет на себя главную роль:

- в формировании нового облика пространственной конфигурации регионов (хотя главная роль в такой трансформации должна принадлежать бизнес-интересу и не без участия регион-интереса);

- в определении направления развития регионов (тогда как «центр» должен был ограничиваться созданием этим регионам необходимых условий для самостоятельного развития). Необходимо осуществить рациональное разделение функций этих органов.

Каждый из этих центров принятия решений по осуществлению в стране региональной политики («центр», бизнес-сообщество, регионы) должен разделять ответственность в пределах своей компетенции за эффективность региональной политики.

В этом процессе интересы «центра» представляет Министерство регионального развития РФ, которому (в отличие от регионоведческих министерств-предшественников) по указу Президента РФ от 24.09.2007 г.

№1274 предоставлены огромные ресурсы и полномочия по вопросам комплексного территориального развития, а также осуществления прав госзаказчика федеральных целевых программ экономического развития регионов и муниципалитетов.

Достаточно сказать, что под контроль этого министерства подпадает свыше 1,5 трлн. рублей бюджетных средств (это средства Инвестфонда, бюджетные средства на реализацию ФЦП, средства для развития инфраструктуры в регионах, финансирование объектов капитального строительства ЖКХ и т.д.). Но будет ли такое сосредоточение финансовых ресурсов в этом министерстве эффективным для развития регионов в условиях все еще сохраняющейся не очень эффективной модели централизованного вливания в экономику депрессивных регионов федеральных бюджетных средств? Скорее всего нет. Поэтому что касается взаимоотношений «центр-регионы», предлагаются следующие принципы:

1. Предоставление регионам больше возможности для эффективной самореализации своих конкурентных преимуществ.

2. Осуществление большей децентрализации ресурсов, полномочий и управления в стране что касается регионального развития.

3. Преодоление существующего заблуждения о том, что в федеральных министерствах разбираются в проблемах регионального развития лучше, чем в самих регионах.

4. Постепенное исключение из практики управления региональным развитием в стране распределительных механизмов, основанных на непрозрачных критериях и неформальных отношениях в рамках властной вертикали «муниципалитет-регион-центр».

5. Учет региональной компоненты при разработке «центром» всех элементов экономической политики.

6. Обязательное участие регионов в принятии проектов обновления инфраструктуры, предназначенной для регионального развития.

Процесс децентрализации властных полномочий, лежащий в основе развития федеративных отношений в России, ограничивается к настоящему времени положением о разграничении полномочий между «центром» и регионами, которое характеризуется тем, что «центр» наделил региональный и местный уровни новыми функциями в развитии своих территорий, которые не обеспечены ни ресурсами, ни финансами.

Существующая бюджетно-налоговая политика «центра» лишает с одной стороны, регионы источников саморазвития, с другой – ставит регионы в сильнейшей бюджетной зависимости от «центра». Достаточно отметить, что Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2008 год и на период 2009 и 2010 годов» на 2008 год было утверждено почти 40 видов трансфертов из федерального бюджета бюджетам регионов.

Модель централизованной бюджетно-налоговой системы и централизованного вложения средств федерального бюджета в экономику отстающих регионов без каких-либо объективных критериев, с использованием в большинстве случаев нелегитимных процедур, не приближает, а наоборот, отдаляет нас от построения в нашей стране реального федеративного государства.

Россия ставит перед собой задачу превзойти в течение 15-20 лет по душевому ВВП хотя бы такие страны как Португалия и Греция, где качество жизни не самые высокие в Европе и от которых мы отстаем сегодня по этому показателю в два раза.

В 2007 г. душевой ВВП в России составлял около 30% американского, а от Германии и Франции мы отставали в 2,5 раза.

Решить подобную задачу непросто, но возможно, как показывает пример Японии, Кореи, Сингапура, Финляндии, Ирландии и др., которые преуспели в этом, придерживаясь, что интересно отметить, концепции догоняющего развития. Опыт этих стран говорит о том, что решить такую проблему и добиться высокого качества жизни можно только при реализации стратегии развития, основанной на обязательном решении следующих задач:

1. Абсолютная поддержка и развитие частного сектора, частной инициативы, а также создание всех условий для расширения конкурентной среды;

2. Создание (воспроизводство) человеческого капитала, уровень которого соответствует экономике, основанной на знаниях.

3. Реальная (эффективная) борьба с коррупцией, обеспечение независимости судей, обеспечение безопасности граждан и бизнеса, увеличение эффективности госуправления;

4. Переход на путь создания и развития инновационной экономики.

Покажем, что модель системы отношений «Центр– Регионы» национальных государств (и особенно в такой стране, как Россия) не менее конфликтогенна, чем ГСО «Центр-Периферия». Успех России в устойчивом развитии во многом будет зависеть от того, сможет ли она выстроить эффективную систему отношений «Центр-Регионы» внутри страны.

Вся история человечества – это борьба, в конечном итоге, за выживание наций. Каждый исторический этап характеризуется выдвижением на авансцену всемирного процесса великих наций, главенствующих в развитии человеческой цивилизации. Указанная борьба низвергает с пьедестала величия то одних, то других, превращая их в малочисленные народы или вовсе подводя к черте исчезновения. Одновременно она выдвигает на следующих исторических этапах все новые и новые нации-лидеры, которые подхватывают эстафету всемирного прогресса.

До истинного познания законов, лежащих в основе такого глобального процесса, нам еще далеко, т.к. законы, определяющие поведение человека и тем более – общества, нам все еще неведомы. Однако мы не лишены возможности на тех или иных этапах этого процесса заметить некоторые особенности в судьбах участников этой поистине драматичной глобальной «игры». Россия, выдвинувшаяся на указанную авансцену как великая держава, оказала огромное воздействие на весь мир, на развитие этого мира, невольно испытав на себе, как это делали выдающиеся открыватели лекарств от разных болезней,

«тоталитарный социализм», оказавшийся чуть ли не страшной болезнью для общественного организма, что толкнуло весь остальной мир к поиску и реализации более эффективных путей общественного развития.

Но сама Россия оказалась в настоящее время в положении организма, испытавшего на себе указанное «лекарство». «Как вылечиться от этого и что будет дальше с Россией?» – этот вопрос волнует не только россиян, но и весь мир, т.к. по своему духовно-нравственному, национально-культурному, научно-техническому и ресурсному потенциалу она не лишена еще шансов выдвинуться в указанную выше нацию-лидера, которая может подхватить эстафету всемирного прогресса. Но, как мы считаем, при одном условии: Россия должна осознать, что главная опасность, грозящая ей, исходит не извне, а изнутри. И свою политику она должна строить исходя из этого. Она будет побеждена изнутри (как был повержен непобедимый извне СССР), если сегодня ясно не обозначить возможные внутренние конфликты и столкновения, способные разрушить российское государство.

На протяжении последних 30 лет с повестки дня России не снимается вопрос: каким путем идти и куда двигаться? Однозначного ответа Россия еще не нашла. Пытаясь ответить на вопрос, кто-то зовет в Европу, кто – в Азию, а третьи предлагают чисто русский путь, отличный как от Запада, так и от Востока.

Между тем истина в этом вопросе для такой многокультурной страны, как Россия, не на плоскостях Запада и Востока, а также не в поисках национальной идеи, а в эффективном выстраивании универсальных базовых отношений, на которых держится само государство и вокруг которых разворачиваются не только финансово-экономические, общественно-политические и духовно-нравственные отношения в общегосударственном масштабе, но и внутренние конфликты, сопряженные с опасностью распада государства. В сегодняшней России, которая переживает глубокий экономический кризис, как это ни парадоксально, основным источником внутреннего конфликта будет не экономика. Конфликты локального порядка

внутри государства будут возникать и на основе экономических неурядиц, но наиболее значимые и опасные для целостности государства внутренние конфликты будут разворачиваться в России в рамках столкновений Центра и регионов. Эффективное выстраивание отношений «Центр – Регионы», являющихся базовыми для России, станет доминирующим фактором ее внутренней политики.

В разных странах по-разному складывалось понятие «Центр», и Центр по-разному обрастал Периферией, зачастую принадлежащей разным культурным мирам. По тому, как Центр выстраивал свои отношения с этими мирами, определялись устойчивость и адаптационные возможности того или иного государства. Так, не сила оружия сыграла главную роль при удержании Римом (Центром) соседних варваров (Периферии). Центр (Рим) смог предложить периферии (варварам) такой проект совместной жизни, идеи которого давали периферии (каждому из них) гарантию жизненного успеха. А главную роль в сплочении народов в «коммунистической империи – СССР» сыграла также не сила (как утверждают многие), а идея Центра (Москвы) по созданию даже в самой отсталой Периферии «рая для любого народа – коммунизма». И когда выявились иллюзорность этой идеи и порочность методов создания такого «будущего», которые остро вырвались наружу в конце 80-х и начале 90-х годов, на поверхность выплыл сепаратизм в пространстве Периферий, разрушивший эту Империю изнутри, несмотря на ее огромную мощь. Сепаратизм союзных республик не заставил себя долго ждать. Империя, непобедимая извне, оказалась побежденной изнутри.

Процесс становления Центра в России и его обрастания разношерстной Периферией имеет, как и в любой многокультурной стране, свои особенности. Сможем ли мы выстроить эффективную систему отношений «Центр – Периферия», адекватную национально-культурным особенностям России, – в этом суть ее успеха. В каждой стране (как Запада, так и Востока) своя система отношений «Центр-Периферия», определяющая во многом способ существования общества и место, которое в нем занимает человек, чем в

принципе и отличается Европа от Азии (речь не идет о географии). Так, федерализм, выступающий как одна из разновидностей системы отношений «Центр – Периферия», например, в США имеет свои особенности, которые отличают его от федерализма Германии или других стран. Каковы особенности Центра и Периферий в России?

2. Природа центра и периферий в России

Российскую цивилизацию А. Тойнби в работе «Постижение истории» относит к православно-христианской или византийской, хотя Россия включает в себя еще два (из пяти указанных им в этой работе живых цивилизаций) общества: исламское и дальневосточное. В этой множественности культуры, может быть, и особенность России, что является во многом причиной наблюдающейся на протяжении всей ее истории постоянной культурной трансформации. Особенность эта характеризуется еще и тем, что православно-христианская цивилизация в России, как правило, ассоциировалась с понятием «центр», а исламская и дальневосточная – с понятием «периферия».

Центр и православие в сознании общества отождествлялись в силу того, что здесь церковь возникла по воле российской власти как средство укрепления своего влияния. Отсюда проявление насильственного навязывания православия (в истории Башкирии), и способа хозяйствования, противоречащего национальным особенностям экономического поведения (свиноводства в мусульманских хозяйствах на Северном Кавказе), что имело отрицательное влияние на межкультурные взаимодействия в многонациональной стране, где православие неспособно было в такой стране претендовать на роль Центра и главного составляющего жизни. Российской цивилизации предстоит еще выработать общее культурное основание, объединяющее все народы России, и по-новому переосмыслить понятия «Центр» и «Периферия» для России.

Эти понятия с точки зрения управления можно рассматривать как соответственно управляющую и управляемую системы, в т.ч. Центр как

средоточие административно-управленческих, промышленно-производственных, снабженческо-торговых, культурно-образовательных и т.д. учреждений и периферия как местность (часть страны, республики, края, области), отдаленная от центра (административного, промышленного, культурного, научно-образовательного и т.д.), а значит, как принято в России, отстающая от него в своем развитии. Степень отставания периферии от центра разная в разных регионах, что является порождением существующего по настоящее время единства административного и экономического районирования страны. Суть такого единства в том, что к каркасу административного районирования России (унаследованного от СССР) строго привязано и экономическое районирование, т.е. к этому каркасу пригнаны: вся инфраструктура региона, связь, дороги, транспорт, специализация сельского хозяйства, торговля, местная промышленность и т.д. Это ставит периферию в такое положение (не имеющее места в цивилизованных странах), что отдаленные от центра регионы и рядом расположенные населенные пункты, которые принадлежат разным областям, краям, республикам, имеют существенно разные уровни жизни.

В России Центр региона (республики, края, области) замещает свой регион, и он является административным центром, хозяйственным ядром и транспортно-коммуникационным узлом региона. В США, например, административный центр штата вовсе не является хозяйственным ядром, промышленным, снабженческо-торговым, культурно-образовательным и т.д. центром этого штата, и узловые экономические субъекты США не привязаны к административным границам штатов. Центр региона в России стоит над регионом. Процессы приватизации, размещения производства, выбора места жительства и т.д. могут разрешаться и осуществляться только в рамках подконтрольных Центру (области, краю, республике) Периферий. Такое ограничение, несовместное со свободной экономикой, и сопутствующая этому регионализация собственности – серьезные угрозы экономической безопасности России.

Система отношений «Центр-Периферия» в России – суть взаимоотношений Центра (Москвы) и совокупности разнотипной Периферии (регионов), охватывающей множество миров: европейский, средневосточно-мусульманский, буддистско-монгольский, дальневосточно-китайский миры и т.д. Процесс эволюции России после 1991 года характеризуется образованием системы автономизирующихся регионов (культурных миров) с реальными границами и региональными Центрами, в которых сконцентрирована региональная власть, массовая политика и которые, как отмечено выше, являются хозяйственным ядром и транспортно-коммуникационным узлом регионов.

В России Периферия регионов (провинция) была обречена на запустение в силу особенностей Центра региона: в зависимости от того, какой этот Центр и на каком расстоянии от него находится населенный пункт (специфика огромных территорий и бездорожья), определяются уровень и способ жизни. Освоенность территории, плотность населения, развитие промышленности, связи, сельского хозяйства, дорожной сети региона и т.д. спадают от Центра к Периферии (провинций). Следует отметить отсутствие в многонациональной стране культурного основания, которое объединяло бы все народы России. Скопление народов, собранных под единой государственной крышей России, при недостаточно продуманной форме государственного устройства, - это по своей сути поликультурное, полирелигиозное, полисоциальное государство с неустойчивым единством этих народов в силу разнонаправленности своих культурных устремлений. В таком государстве присутствует реальная опасность перерастания регионализма в сепаратизм. Это неизбежное следствие регионализации при отсутствии объединяющей силы государства (в форме империи или разновидностей тоталитаризма) или же реального федерализма. Почему мы утверждаем, что самые опасные внутренние конфликты (если они возникнут) будут разворачиваться в России в результате рассогласования системы отношений «Центр-Периферия»?

Во-первых. В основе распада СССР лежит все же не внутренний конфликт цивилизаций (иначе Украина и Белоруссия – части славянской цивилизации – остались бы с Центром). Вместе с тем распад стал возможным и был ускорен не без влияния цивилизационной модели. Указанное скопление народов, проживающих на своих исторических землях и собранных под единой крышей России, сегодня образует в большей степени «Россию отечеств», нежели «Отечество Россия». Распад СССР породил у них множество вопросов, один из которых: «Почему фиктивные внутрисоюзные границы республик для одних (грузин, киргизов, туркменов и т.д.) стали реальными, а для других (татар, чеченцев, якутов и т.д.) – нет?» Этот вопрос, стимулирующий сепаратизм, не исчезнет сам по себе, и он будет возникать периодически, пока Россия не станет демократической и процветающей страной. Но, с другой стороны, она не может стать процветающей, пока «Россия отечеств» не станет «Отечеством Россия».

Отмеченная выше неустойчивость единства народов, собранных под государственной крышей России, вызывается наряду с разнонаправленностью культурных устремлений этих народов, ощущением все еще несформировавшегося «Отечества Россия». Эти слова подтверждаются заранее известными ответами на приводимые ниже вопросы. Можно ли в одном и том же Отечестве малоземельным, густонаселенным, например, республикам Северного Кавказа, выделить территории за счет малозаселенных или пустующих земель соседних (или близких) краев и областей, как это сделано для Москвы за счет Московской области? Кто-то скажет, что это столица и там возникли проблемы, но кто может сказать, что проблемы Северного Кавказа менее важны для России, чем проблемы образования «пробок» на улицах столицы? Если, конечно, Россия принадлежит всем ее гражданам, независимо от национальной принадлежности. Ведь все беды на Северном Кавказе, которые длительное время ставят под угрозу целостность России, происходят в конечном итоге от малоземелья, отсутствия работы и жизненного пространства для жителей этого региона, являющихся наиболее экономически активным

населением в России. Если не занять их производительным трудом, то под влиянием многовековых традиций Северного Кавказа указанная активность перерастает в разрушительную силу, что мы наблюдаем последние 30 лет. На Северном Кавказе примеров расширения территорий одних республик за счет соседней республики немало. И такое административное деление, осуществленное большевиками произвольной нарезкой территорий, имеющей вовсе не экономические, а политические основания, не может быть признано разумным.

Любое общественно значимое дело, которое делается только для проблем сегодняшнего дня, не соизмеряя его с будущим, отзовется в будущем еще большими проблемами. Так происходит сегодня по вопросам малоземелья на Северном Кавказе. Проблема еще и в том, что сегодня ошибки большевиков повторяются. Продолжается и в настоящее время произвольная нарезка (как это делали большевики) территорий при образовании, например, Федеральных округов. Так, при образовании Северо-Кавказского федерального округа от Северного Кавказа отсекли Краснодарский край и Республику Адыгея, разделив на независимые части единый экономико-географический район и оторвав от этнотерриториального целого Адыгею и Краснодар. Чем такое административное деление отличается от большевистского? Нельзя так делать, если мы хотим выстроить в будущем эффективную систему отношений «Центр-Регионы», без которой невозможно обеспечить устойчивое развитие России.

Во-вторых. В России в общественном сознании все еще сохраняется мысль о том, что окраинные народы, а также средневосточно-мусульманские, буддистско-монгольские и другие культурные миры России с давних пор составляют варварскую периферию православной цивилизации, а значит, малоразвитые и подлежащие управлению культурные миры [27].

Однако как мы считаем, нет ни управляющих, ни управляемых, ни главных, ни второстепенных культурных миров. Присвоение излишней

значимости тем или иным культурным мирам в одной стране неизбежно приведет к конфликтам.

И в-третьих. Хотя насилие и присутствует в процессах образования больших государств (обрастания Центра Периферией), все же не оно является созидательным началом сплочения регионов и народов в одном государстве. Таким началом выступает, как правило, общегосударственный проект совместной жизни, предлагаемый Центром, который дает гарантию процветания Перифериям(в т.ч. и присоединенным к Центру народам). Две империи – Рим и СССР – тому пример. В отсутствие такого проекта однажды перестают работать основные объединительные принципы, и появляются центробежные тенденции, которые неизбежно приведут к столкновению Центра и Периферий.

Если Центр длительное время окажется неспособным выдвинуть новые планы, которые могли бы вызвать всеобщий интерес народов и граждан России и стимулировать их деятельность и если не обновлять постоянно жизненные идеи, которые могли бы сплотить вокруг Центра всю страну, то столкновение Центра и Периферий неизбежно.

3. Как избежать столкновения центра и периферий?

Всеобщая суверенизация регионов в 90-х годах привела в то время к тому, что регионы (и особенно с этническим статусом) образовали государства в государстве, в которых практически был утерян контроль со стороны Центра. Россия тогда оказалась в зоне возникновения конфликта между Центром и регионами. Чтобы избежать в такой ситуации столкновения Центра и Периферий, в работе [26] нами было предложено, что необходимо в первую очередь не дать разрушить вертикали власти, во вторую – незамедлительно приступить к выработке идей, способствующих сплочению регионов вокруг Центра, и в третью – усилить сам Центр. Тогда удалось в России избежать массового столкновения Центра и Периферий и усилить Центр, хотя и без выработки идей, способствующих указанному сплочению регионов.

Выстраивание эффективной системы отношений «Центр-Периферия» возможно только на базе построения «хорошо работающего» федерализма и такого же Совета Федерации в России.

Нами предлагается [27] концепция федерирования России на принципах субсидиарности и интегрального федерализма, которая рассматривается далее в книге.

А пока в России сохраняется, по существу, конфликтная система отношений «Центр-Периферия», которая и была на протяжении последних двух столетий.

Подтверждением этому является то, что в России в настоящее время нет и намека на выработку механизма диалога, взаимопроникновения и синтеза обитающих на ее земле разных культурных миров, что привело ранее и приведет сегодня общество к социо-культурному расколу. Без выработки такого механизма России не миновать столкновений Центра и Периферий, что станет основой грядущих конфликтов внутри страны.

Наиболее проблемной в этом контексте остается выработка механизмов диалога таких культурных миров, как Россия и Северный Кавказ. Как отмечается в [28], «...Россия, перешагнув в конце XVIII – начале XIX века Большой Кавказ, вдруг столкнулась с неожиданным явлением: сама горная страна Северного Кавказа обернулась самостоятельным миром, непонятным и плохо познаваемым культурным явлением. ...Стоит напомнить многократно зафиксированное отношение горцев к русским не как к носителям «просвещения», пусть даже «барабанного» (Грибоедов), но как к одной из самых необузданных и опасных природных стихий. ...Характерное ощущение превосходства просвещенных европейцев над «азиатами» совершенно не принималось горцами».

Чтобы вести диалог с народами Северного Кавказа необходимо знать, что и сегодня в этом они остаются (с XVIII века) при своем мнении. Здесь важно не столько объяснение этого факта, сколько понимание причин «проблемности» кавказцев и пугающей повторяемости событий на Северном Кавказе. Не всегда

это понимает Центр при попытках вести диалог с ними. В системе отношений «Центр-Периферия» если Периферия не будет признавать в указанном выше смысле превосходство Центра, то никогда в этой системе не будет покоя, что и наблюдается целых три столетия на Северном Кавказе.

Одним из важнейших факторов недопущения столкновений Центра и Периферий является наличие сильного (в смысле просвещенного, ответственного и глубокодемократичного) Центра, особенно в переходный период в России. Однако Центр в России имеет свою специфику. Здесь на протяжении веков сложилась российская традиция государственности, которая олицетворяется всегда одним человеком (это царь, генсек, а теперь и президент). То, что судьба России и ее демократических и экономических реформ и судьба построения эффективной системы отношений «Центр-Периферия» зависят, по существу, от одного человека (который может оказаться разным: сильным, слабым, просвещенным, малообразованным и т.д.) делает развитие страны абсолютно неустойчивым. России необходимо постепенно преодолевать такую традицию государственности, осуществив реальное разделение властей.

Серьезную опасность в возникновении конфликта между Центром и Периферией также несет в себе огромное отставание Периферий (провинций) от Центра по уровню и качеству жизни. Население периферий не удовлетворено не только своим материальным положением, но и состоянием дел в духовно-нравственной, национально-культурной, экологической, инфраструктурной, образовательной и других сферах. Провинция в России останется в таком положении (значит, страна будет подвержена риску столкновения Центра и Периферии) до тех пор, пока здесь не утвердятся реальная рыночная экономика и пока земля не включится в действие механизмов рынка. В провинциях России человеку еще далеко до экономической свободы.

Провинцию невозможно вывести из такого положения только административными методами. Ее можно из этого положения вывести, исходя

из опыта развитых стран, за счет автоматизма рыночной экономики. Проведение реальной земельной реформы и утверждение рынка на селе, а также широчайшее развитие малого и среднего предпринимательства в аграрной сфере – только это может спасти провинцию от дальнейшей ее деградации.

4. Периферия и земельная реформа

Россия смогла нарастить огромное пространство, но не смогла его организовать.

Н. Бердяев

Земля – основа жизни на нашей планете. Она не только основа жизни, но и основа, формирования духовности человека. Характер и душа человека несут в себе отпечаток земли, на которой рождается и растет этот человек. Земля не терпит неумелого отношения к себе. Русский писатель и философ Ф.А. Степун, давший глубокий анализ русской религиозности и социальной правды, писал: «Крепостное право не внедрило в крестьянское сознание влечение к тщательной, заботливой, любовной работе на земле... С такой упроченной традицией неряшливого вымогания у неухоженной земли ее благ вошел русский народ в свою новую жизнь, в жизнь, если и несвободного, то все же освобожденного хозяина своей общинной земли... Вряд ли можно оспаривать, что на пути к культурному устройению крестьянского хозяйства община была, скорее, тормозом, чем толкачем».

С такой упроченной традицией и подошел крестьянин к дням Октябрьской революции. Имей другую традицию, основанную не на общинной, а на частной земельной собственности крестьян, победа этой революции была бы невозможна, т.к. в этом случае большевики не смогли бы обмануть крестьян, используя лозунг «Земля – крестьянам». А без крестьян и солдат (бывших крестьян) не могло быть революции. И Россия пошла бы без потрясений по нормальному капиталистическому пути развития. Интересно обратить внимание на следующие парадоксальные повороты истории. Если

указанная общинно-земельная традиция по существу привела в 1917 году к власти в России большевиков, то по существу она же (ее правопреемница колхозно-земельная традиция) и привела к гибели саму же коммунистическую тиранию в 1991 году. Социализм, который лежал в основе существования СССР, в самых своих истоках носил откровенный авторитарный характер и ставил своей целью насильственное установление духовной власти, основанной на методах принуждения. Лозунги: «Фабрики – рабочим, земля – крестьянам» были великим обманом тех, кто собирался строить социализм. Рабочие и крестьяне получили от коммунистов насильственную национализацию промышленности и кровавую коллективизацию сельского хозяйства. Социализм оказался на пути не к свободе, а к диктатуре и рабству для крестьян. Когда сегодня мы начинаем упрекать нынешних послеколхозных жителей села в отсутствии интереса к производительному труду, в пьянстве, в нежелании брать землю в аренду и во многих других грехах, сразу возникает возражение: а что же вы хотели видеть в людях, которые перемолоты в жерновах крепостничества, а затем пережили поголовное истребление наиболее способных и приспособленных к земле крестьян (кулаков), напрочь выбили из их голов дух свободы, насильственно вселили в эти головы рабство и дух абсолютного подчинения теперь уже другому, более изощренному «рабовладельцу» – авторитарной власти, послушание которой каралось немедленным лишением свободы или расстрелом.

У старшего поколения и сегодня в памяти арест матерей-кормилиц за пучок пшеничных колосьев, спрятанных под юбкой, чтобы спасти от голода своих детей, насильственное снятие черепиц, даже зимой, с захудалых крыш колхозников, которые не смогли заплатить непосильный крестьянский налог, поголовная вырубка на их земельных участках плодоносящих деревьев (несмотря на свирепствующий голод) за неуплату тех же непосильных налогов и т.д. Колхозное бесправие (которое было немного ослаблено в 70-х годах) продолжалось до самого начала XXI века, пока любой колхозник оставался в экономической зависимости от председателя колхоза – гвардейца репрессивной власти. Самый страшный итог социалистического эксперимента с сельским хо-

зяйством – раскрестьянивание села, а значит, уничтожение источника духовной составляющей быта и жизни народа. Вместе с уничтожением традиционного крестьянского двора исчез и сам крестьянин в истинном понимании этого слова. Оставшихся в живых после указанного кровавого эксперимента нельзя назвать крестьянами, это подневольные работники на земле, к бесплатному (а значит, рабскому) труду привыкшие настолько, что их пугало одно даже упоминание, о свободном, независимом от власти частном землевладении.

Государственные планы по посеву и урожайности колхозам устанавливались, как правило, исходя из политических установок, не считаясь с их реальными условиями хозяйствования. Отсюда у колхозов забиралось продукции в соответствии с планом больше, чем они могли сдавать. Забирали, в том числе, и семенной фонд. Поскольку планы были нереальными и не выполнялись, колхозу записывался долг, который нарастал из года в год. Колхозы вынуждены были брать ссуды для покупки у государства своего же зерна в качестве семенного фонда. Система изъятия финансовых ресурсов была при этом такой, что ссуды никогда не могли быть погашены. В 50-х годах государство снизило репрессивные меры по отношению к колхозам, но сохранило все-таки базу для образования долгов у колхозов. Колхозы обязывали брать кредиты и направлять средства туда, куда считала сама власть целесообразным их направить. Таким образом, долги крестьян государству были нереальными, а бумажными, однако эти фиктивные долги легли в основу великого обмана государством крестьян о том, что «какое хорошее государство, которое прощает им все время «долги». Что касается мифа о дотационности сельхозпроизводства, следует отметить, что сельхозпродукцию обязывали сдавать по ценам ниже себестоимости производства, а покупать промтовары – по выгодным для государства ценам. Существовали «ножницы» цен. Они сохранены и сегодня (сравните стоимость литров молока, бензина и воды). Хотя продразверстка была заменена продналогом, все же основную часть продукции государство продолжало брать у крестьян по ценам ниже себестоимости производства, обеспечивая себе огромные доходы. Не государство оказывало финансовую

поддержку сельскому хозяйству (как всегда любят говорить), а колхозы, наоборот, финансировали государство.

Обман по поводу постоянной задолженности сельского хозяйства государству нужен был коммунистической власти не только для закрепощения крестьян, использования почти бесплатной рабочей силы, изъятия прибавочного продукта из сельского хозяйства, но и (это даже более важно) для поддержания низкой оплаты труда во всем народном хозяйстве.

Схема взаимодействия крестьянства с остальной частью населения была проста. Большую часть населения (крестьян) загнали в колхозы (сначала истребив «непослушных» кулаков) и заставили продавать сельхозпродукцию за бесценок, чтобы остальная часть населения (работающая в городе) имела возможность покупать на свою мизерную зарплату эту продукцию (т.к. государство не могло и этой части населения дать нормальные условия). Так создавалась видимость нормального управления обществом.

Но так долго продолжаться не могло, т.к. все это не вписывалось ни в какие рамки экономических законов. Такая система не могла не привести к полной потере в сельском хозяйстве мотивации к труду. И в конце 80-х годов сельское хозяйство уже не в состоянии было прокормить страну. Все помнят тогда пустые полки продмагов, длинные очереди за куском мяса, масла, безобразные драки в очередях за водкой и т.д. Нежизнеспособность общественного землепользования, основанного на колхозно-рабской системе, обнажилась полностью. И никакой не Б. Ельцин, не Е. Гайдар и не ГКЧП разрушили страну. Все они оказались просто в нужном месте в нужное время. Страна была близка к голоду. И как только мы открыли экономическую границу, порочная экономическая система СССР рухнула, а за ней рухнуло и само государство.

После падения СССР и социалистического лагеря все восточноевропейские страны за короткий срок успешно распустили колхозы и восстановили нормальное сельское хозяйство, основанное на частной собственности на землю. В прибалтийских странах не побоялись даже вернуть землю прежним хозяевам. А мы все размышляем с 1990 года: «Переход к

частной собственности на землю требует очень взвешенного и всесторонне продуманного подхода». Конечно, требует, но когда, наконец, «взвесим» и «всесторонне продумаем»? К 2020 или 2030 году? Не будет ли поздно тогда? Выдержит ли земля до 2020-2030 гг. такого безобразного отношения к себе?

Почему все-таки аграрная реформа в нашей стране до конца так и не осуществлена до настоящего времени, а в восточноевропейских странах потребовалось для этого всего несколько лет? Укажем на один из факторов сдерживания реформы в России. С 1991 г. в России, безусловно, произошли огромные перемены – разрушены тоталитаризм и командно-административная экономика. Однако разрушение еще не означает построение. Если разрушение можно было осуществить силой федеральной власти, то для построения по всей стране новой экономики необходима была повсеместно такая региональная власть, которая состояла бы из людей новой формации. Как всегда бывает в России, здесь было сделано все наоборот: в регионах остались у власти все те же люди, которые довели село и страну до развала и которые в свое время получили жесткое воспитание в высших партийных школах в духе неприятия и ненависти к той жизни, которую предстояло дальше строить. На какую реформу после этого могли рассчитывать Россия и ее регионы? Конечно, только на криминальную. Мы и получили ее. Отсюда все наши беды. Сельское хозяйство окончательно на сегодня ими добито. В селах сплошная безработица и сплошное увлечение пьянством. Земля не обрабатывается как положено, общественное животноводство ликвидировано. Происходит деградация не только земли, но и жителей села. Идет разрушение природного и культурного ландшафта. Прервана преемственность в смене поколений и культур, и, как следствие всего этого, случайность, неожиданность негативных перемен, происходящих в том или ином селе. Местный администратор, как туземный вождь, то ли продает, то ли уступает за взятку землю, которой распоряжается.

Теперь же после всего этого жителю села дают землю в аренду. И жалуются, что многие не берут землю в аренду. Тот же местный администратор твердо стоит на своем: ни в коем случае нельзя жителям села отдавать землю в собственность,

регион спасет только аренда земли. Но кто теперь ее возьмет и как ее обрабатывать – сельхозтехника раскурочена, растащена; агротехническое, агрохимическое, научное обеспечение села сгинуло, и если бы даже они были, то крестьянин не может с ними расплатиться, а долгосрочное (и краткосрочное тоже) кредитование крестьян, мягко говоря, на сегодня утопия. Да и взять-то уже и нечего – почти все земли в каждом населенном пункте успели захватить чиновники, а основная масса жителей села, не имея средств на арендную плату, осталась ни с чем, что приведет рано или поздно к взрыву их терпения. В этой ситуации те, которые успели захватить землю, все делают, чтобы она не перешла в собственность жителям сел. **Россия имеет будущее только тогда, когда сегодня ее граждане осознают, что в историческом соревновании победило свободное частное землевладение и без создания свободных предпринимательских хозяйств невозможно вернуть крестьянину потерянное за последнее столетие любовное отношение к насиженной земле.**

За четыреста лет (после освобождения от монгольского ига) территория России расширилась в 36 раз. Обладая самой большой территорией в мире, Россия была и остается единственной страной, где крестьянин до сегодняшнего дня не имеет своей земли сельхозназначения. Поистине, как сказал поэт: «Умом Россию не понять...» Более того, этот крестьянин, прошедший все круги ада крепостничества, после Октябрьской революции попадает в следующие, еще худшие круги ада – колхозное рабство со своими присущими каждому рабству законами: работать на земле почти бесплатно; сдавать всю свою продукцию собственнику земли, иначе тюрьма или расстрел; поголовное истребление наиболее способных крестьян и т.д. Эти круги ада не прошли даром: из крестьянского сознания за все эти годы напрочь выветрено влечение к заботливой, любовной работе на (не своей) земле.

И сегодня остро стоит как всегда вечный для России вопрос: что делать?

Видимо, все дело в российской истории, в головокружительном быстром росте в свое время территории России, определившем собою, как писал Ф.А. Степун, «не только стиль российского земельного хозяйствования, но и стиль

всякого российского делания и творчества... Тяга к земле на горизонте характерна для крепостного сознания вряд ли меньше, чем для сознания колонизаторского. Не в меньшей степени, чем народ-колонизатор, тянется крепостной народ всеми помыслами души от своей насиженной земли к какой-то не своей, далекой земле». И потому насиженная земля остается в нашей стране без любовного к ней отношения. Пример тому – Центральная Россия с покинутыми опустевшими деревнями. Вечная тяга к земле не своей, далекой, к земле на горизонте не могла не порождать каждый раз вечного вопроса: что делать? Отсюда же и «стиль всякого российского делания»: не отвечая основательно на сегодняшний «что делать?», шагаем дальше, где нас ждет тот же вопрос. И так из столетия в столетие.

Гибель и уход с исторической сцены в 1917 году буржуазной капиталистической России и в 1991 году – коммунистической России (СССР) имеют по существу, как уже сказано, одни и те же корни: общинно-земельная и колхозно-земельная традиции.

Только в России могло родиться такое нехарактерное явление, как «тяга к земле на горизонте», и причина этому – сохранение здесь веками общинно-земельных традиций. Общинно-земельная и колхозно-земельная традиции не в состоянии обеспечить продовольственную, а значит, государственную безопасность страны. Доказано это дважды: в 1917 году и в 1991 году, но выводы до сих пор не сделаны. Видимо, это и есть «стиль всякого российского делания».

Сохранение и дальше этих традиций и игнорирование мирового опыта в землевладении приведет Россию в недалеком будущем (с потерей устойчивости нефтедолларов) к историческому тупику в очередной раз. Мы обязаны не допустить, чтобы этот «очередной раз» был повторением 1917 г. и 1991 г. Не должно быть очередного раза вообще. Для этого проведение приватизации земли необходимо поставить на уровень особой государственной важности, как это было в свое время сделано в Японии.

Страна стоит твердо на ногах только тогда, когда ее граждане твердо стоят на своих собственных землях.

Можно удивляться тому, что Россия (СССР), уже подкошенная обезземеливанием крестьян и созданием колхозного рабства, смогла продержаться до конца XX века. Если она в таком подсеченном состоянии смогла победить в Отечественной войне, то можно представить себе возможную ее мощь в другом хорошем состоянии. Но какой бы мощной ни была крона, подрезанное дерево рано или поздно рухнет.

Так и произошло с СССР. СССР, непобежденный извне, оказался побежденным изнутри внутренним устройством: невозможно было и дальше держать на своих руках эту махину гражданам, не имеющим твердую почву (суть - свою землю) под ногами.

Нет пока в мире примера, где частное землевладение проигрывало бы общественному. В самый пик расцвета колхозов, совхозов наивысшие надои молока у нас составляли 3-4 тыс. кг в год от одной коровы, тогда как в странах с частным землевладением корова с надоем 8-10 тыс. кг выбраковывается как низкопродуктивная. Такая же ситуация по урожайности основных сельхозкультур в земледелии. Но тогда почему не переходят к частному землевладению в России?

В этом есть и политические причины. Основные неудачи в экономике мы терпим из-за того, что все время политика опережает экономику. Так, выборная слабая региональная власть могла продержаться в регионе долго во многом и потому, что сохранила как можно дольше колхозы (изменение вывески виде АО – не в счет), чтобы обеспечивать себе на выборах любой нужный процент голосования.

Но сегодня после отмены выборов такая необходимость отпала. Казалось бы, теперь уже можно приступить к работам по приватизации земли.

Вокруг приватизации земель идет дискуссия по всей стране. Противники приватизации прибегают к ссылкам на отдельные авторитеты (от священного писания до великого писателя Л. Толстого), мнения которых зиждятся на голых псевдонаучных абстракциях и схемах типа, что земля – дар природы и как воздух принадлежит всем и каждому, а потому не может быть предметом

частного владения и купли-продажи. И если разрешить куплю-продажу земли, то богатые люди закупают, мол, все земли, а жители села вынуждены будут стать у них батраками. Абсурдность таких утверждений видна на примере большинства стран мира. Например, в Японии было введено ограничение, где по закону запретили продавать землю тем, кто не будет сам работать и жить на этой земле. Что же касается аренды земли, если говорить предметно, то истина состоит в следующем.

Во-первых, краткосрочная и среднесрочная аренды разорительны и опасны для общества.

Во-вторых, долгосрочная аренда с правом наследования, хотя и создает стимулы для разумной, долговременной интенсификации хозяйства, все же станет тормозом развития рыночного землеоборота. Кроме того, она содержит в себе зерна серьезных социальных и экономических конфликтов между арендаторами и владельцами земли – представителями государства. Источник этих конфликтов – необходимость регулярного пересмотра величины арендной платы из-за неравномерного изменения ценности денег и производительности земли, что связано с еще большей коррумпированностью чиновничества (на сколько кому повысить и т.д.) и расширением практики насилия в разрешении конфликтов. Аренда же после приватизации земли – обычная практика в цивилизованном мире.

Таким образом, нет альтернативы частной собственности на землю, и это доказано мировой практикой.

С чего тогда начать приватизацию земли? Надо осознать, что для этого требуется серьезная подготовительная работа. Об этом забывают сторонники немедленной раздачи земли. Эта работа по завершению необходимой законодательной базы, созданию развитой производственной инфраструктуры в сельской местности, увеличению объема инвестиций в сельхозпроизводство и на восстановление земли, созданию системы средне- и долгосрочного кредитования, земельных банков, ипотек и иных объектов инфраструктуры земельного рынка, ускорению создания автоматизированной системы

государственного земельного кадастра и организация на ее основе единой комплексной информационно-аналитической системы «Земля» и т.д. Государство должно выполнить взятые на себя обязательства по осуществлению крупномасштабных работ в сельской местности, направленных на ликвидацию экологических разрушений земельного фонда и восстановление плодородия почв на сельхозземлях, создание современных транспортной и коммуникационной систем.

Словом, должна быть очень серьезная проработка комплекса мер, необходимых для перехода на систему частного землевладения. Параллельно с этим должна начаться работа по определению собственников земельных долей и имущественных паев и передаче им земли и имущества.

В стране разработан механизм реорганизации хозяйств и вступления собственников земли в свои права. Этот механизм основан на принципах добровольности, справедливости и ясности. Земля и имущество бесплатно передаются жителям села на основании личных земельных долей и имущественных паев, получаемых каждым, кто имеет право на это. После этого собственники долей и паев, по своему усмотрению объединяя свои доли и паи с долями и паями членов семей, родственников, друзей, могут создать любые новые сельхозпредприятия (товарищества, кооперативы, крестьянские хозяйства). Никто не может им диктовать сверху, какие предприятия им создавать. Предусматривается также избежание дробления сельхозземель на слишком мелкие участки. Здесь нет возможности описать все принципы приватизации земли, но важно знать, что этот механизм отработан во многих регионах России.

Существует у многих опасение, что приватизация порождает только единоличных фермеров и исключает создание крупных коллективных хозяйств с индустриальными методами производства. Эти опасения напрасны. Процесс кооперации собственников земли – обычное явление в развитых странах. Этот процесс зачастую порождает крупные хозяйства, членами которых являются

частные собственники земли, обладающие свободой выхода из этих хозяйств со своей собственностью.

Но надо понять, что такая свобода экономическая, являющаяся предпосылкой всякой другой, в т.ч. и политической, не может быть свободой от экономических забот. Это есть свобода экономической деятельности, неизбежно влекущая за собой риск и ответственность, связанные с правом выбора.

Регион имеет будущее только тогда, когда сегодня его граждане осознают, что в историческом соревновании победило свободное фермерское и предпринимательское хозяйство, а многовековой опыт человечества убедительно доказывает, что свобода личности (которую мы получили, уходя от советского колхозного рабства) есть не только высшая духовная ценность, но и основа самого рентабельного способа организации как производственной, так и общественной жизни, а значит устойчивого развития региона и страны.

5. Федерализм (одна из форм отношений «центр-периферия») и устойчивое развитие. Каким быть завтра федерализму в России

Конец второго тысячелетия можно назвать эпохой федерализма. На повестку дня поставлена широкомасштабная задача федерирования и регионализации Европы — имеется в виду переход к новой модели объединения стран континента на основе соблюдения принципа субсидиарности (взаимодополнительности властей), предполагающего передачу в ведение общеевропейских наднациональных структур тех задач, которые не могут быть выполнены лучше на уровне национальных государств, сохраняя при этом полную юрисдикцию последних и невмешательство в сферу их компетенции. Осуществляется переход к федеративному устройству и в России.

Федерализм сегодня – наследие унитарного государства

Нельзя не видеть, что федералистский путь, выбранный Россией, объективно несет в себе много противоречий. И это понятно: трудно в

одночасье сбросить с себя историческое прошлое и груз тоталитаризма. И какие бы идеологические одежды ни облачалась государственность России, сущность ее остается неизменной во все времена с точки зрения отношения власти к обществу. Государственность в России воплощала в себе неизменно одно свойство: она всегда была неконтролируема обществом, ни с кем не хотела делить свою власть и всегда сверху навязывала обществу очередное его «спасение», не согласиться с которым не имел право никто. Российское государство пребывало в таком состоянии столь долго, что объективно это не могло не повлиять на его государственность, наделив ее наследственными качествами, сохраняющими во многом самовоспроизводящуюся систему.

Можно назвать четыре признака правления (имперских по характеру), оставленных России в наследство от СССР.

Первый. Отсутствие эффективного контроля за действиями центральной власти.

Второй. Отсутствие адресности в расходовании отчислений субъектами Федерации в федеральный бюджет (нет перечня федеральных органов и программ, на содержание которых каждый субъект (по общему согласию) должен отчислять свою долю).

Третий. Неопределенность процедур вступления в действие Основного закона Федерации на территории Федерации.

Четвертый. Наличие федерального МВД, численность личного состава которого превысила уже аналогичную цифру бывших МВД и КГБ СССР вместе взятых (это в сущности громадный репрессивный аппарат, присущий империям, что отличает Россию от США, где вообще нет федерального МВД, а охрану правопорядка взяли на себя сами штаты).

Как видим, в России практически ни один из основных принципов существования федерации не действует. Что же это за принципы?

Самый важный принцип, являющийся основой всего остального, заключается в следующем: субъекты Федерации осознанно и добровольно, понимая, что объединяться на федеративных началах им выгодно как

экономически, так и политически, создают Центр, и они же (а не Центр себя) наделяют его четко оговоренными полномочиями и определяют его компетенцию. Любой другой сценарий формирования федерализма, направленный на повышение роли Центра в этих процессах, будет связан с нарушением принципа субсидиарности – неперемного условия федерализма.

Однако в России исторически сложилось так, что, кроме создания федерализма «сверху», не было другого пути. После распада СССР на существующую сетку административного деления просто наложили процесс образования субъектов Федерации, что раздробило огромную страну на множество «маломощных» автономизирующихся территориальных и этнотерриториальных образований¹.

Создавать субъекты Федерации на таких территориях равносильно образованию крупных коллективных хозяйств на базе приусадебных участков, огороженных заборами и обрабатываемых только ручным способом.

Если обратиться к политической философии, в основе которой лежит идея, что все беды государства проистекают от его гигантизма (что, вообще говоря, верно), то федерализм, призванный преодолеть пороки гигантизма, в нашем случае (без малого сто субъектов Федерации) приводит к еще большему усложнению государственности России с точки зрения управления².

И естественно, что сложившееся сейчас на пространствах России государство народов требует особой «конструкции» федерализма.

После известного призыва Президента РФ Ельцина Б.Н.: «Берите суверенитета столько, сколько сможете», многие республики РФ провозгласили полный суверенитет. В результате Россия тогда превратилась в заведомо неустойчивое квазигосударство с десятками государств внутри нее.

¹ Структура этой сетки и размеры территориальных образований определялись в свое время большевиками очевидно, не из соображений создания прочного федеративного государства, а исключительно из достаточности партийных ячеек для удержания власти.

² Появляются дополнительные функции по обеспечению связей элементов и сохранению единства системы, состоящей из огромного числа автономизирующихся регионов, многие из которых пронизаны еще и другими субъектами, субстраты которых образованы этническими интересами.

Регионы были превращены в партнеров Центра, и в этих условиях «политика» стала игрой в системе регионов с одновременным разрушением иерархической системы управления.

Впрочем, такое нарушение вертикальной целостности управления страной не представляет опасности, когда федерализм строится «снизу».

Но когда федерализм, как в России, строится «сверху», такое нарушение (в условиях наблюдающейся непредсказуемости субъектов Федерации) абсолютно недопустимо.

Страна практически была неуправляема. Не говоря уже о Чечне, конституции большинства республик не соответствовали Основному закону РФ.

В сложившихся условиях тогда (когда внутри страны множество суверенных государств, что было закреплено в конституциях республик) в отсутствии механизмов восстановления вертикальной целостности страны, опасность ее развала сохранялась.

Страна тогда преодолела эту опасную черту и Чеченский кризис, хотя и с большими жертвами.

Но, чтобы подобное не повторилось, необходимо знать причины, породившие такую ситуацию.

Северокавказский кризис 90-х годов как результат непонимания местных особенностей

Ф. А. Хаеик писал: «Мы все окажемся в выигрыше, если нам удастся создать мир, в котором будет удобно жить небольшим странам». Перефразируя эти слова, скажем: Россия окажется в выигрыше, если ей удастся создать новое государство, в котором будет удобно жить «малым» народам. Осознается ли это в сегодняшнем российском обществе? Ответ отрицательный. России свойственно извечное несоответствие между внешним оформлением и внутренним содержанием действительности.

Так было и в СССР, где формально провозглашалась федерация (в РСФСР), а, по сути, мы жили в унитарном государстве.

И сегодня – сколь велика Россия размерами, столь же беспредельно она непредсказуема, а появившиеся в последнее время у «малых» народов надежды на предсказуемость своего будущего в одночасье рухнули в связи с событиями 90-х годов на Северном Кавказе.

После позора в первой чеченской войне отрезвления не произошло. Реакцию Москвы на известное высказывание Президента Калмыкии, связанное с бюджетными взаимоотношениями Центра и регионов, к примеру, нельзя было назвать адекватной. Хотя и необходимо было осудить проявление сепаратизма, с чьей бы стороны оно ни исходило, но окрик из Москвы «не смей!» должен быть направлен не только в сторону республик. Так, например, слова губернатора Хабаровского края: «Надо признать: сама власть и сама столица виноваты в провоцировании сепаратистских настроений на территориях России... Мы без Москвы выживем, но пусть там задумаются: выживут ли они без нас?» («Известия» от 5 марта 1998 г.) не вызвали почему-то реакцию, аналогичную той, которая имела место в случае с Калмыкией, когда против нее требовали принять чрезвычайные меры.

Подобная двойственность позиций делает государственность России неустойчивой. Еще совсем недавно каждая крупная нация, сумевшая создать великую культуру, считала, что, кроме нее, все остальные нации – это варвары, а обратить их в свою веру можно только силой. Нельзя сказать, что в современном мире подобное отношение изжито. К великому сожалению, прослеживается оно и в высказываниях ряда российских ученых, публицистов и политиков.

Так, в статье «От империи к национальному государству», напечатанной в сборнике «Рубежи» (1995 г., № 2), Б. Славный пишет (и это в разгар Чеченской войны): «Некоторые регионы нынешней России, в первую очередь Кавказ, населены народами, которые с давних пор составляли варварскую периферию православной цивилизации. Сегодня данная периферия де-факто постепенно превращается во «внешних» варваров империи... Несмотря на относительно широкое вовлечение их в современные виды экономической деятельности, в душе они

остались теми, кем были на протяжении веков: воинами, разбойниками, охотниками... Они остаются плохими земледельцами... Экономика этих народов давно и прочно является дотационной... и дотации постепенно превратились в форму замаскированной дани, которую цивилизация вынуждена платить варварам...

Пора понять, что проблемы Кавказа не разрешить с помощью прогрессивных законов и политических реформ³».

Однако можно утверждать, что это — непонимание народов Северного Кавказа частным лицом.

Обратимся к позиции общественно-политического движения «Союз реалистов», которое тогда возглавлял бывший руководитель аппарата Президента РФ Ю. Петров. В книге «Чеченский кризис», выпущенной этим движением, отмечается, что «к сожалению, правда о Кавказской войне была искажена усилиями прогрессивной русской интеллигенции, которая нередко видела в горах романтических героев, а не грабителей и разбойников». А если добавить к движению «Союз реалистов» КПРФ, ЛДПР, которые в своё время открыто поддержали силовое решение чеченской проблемы, то можно оценить масштабы непонимания ситуации, сложившейся на Северном Кавказе.

И наконец, обратимся как бы к последней инстанции (в смысле компетентности) — к высказываниям известного специалиста по национальным вопросам, бывшего министра РФ по этим же вопросам, научного руководителя Института этнологии и антропологии РАН, академика В. А. Тишкова: «Для большинства жителей России, в том числе и для нового поколения российских политиков многое на Северном Кавказе кажется сегодня непонятным. Но так ли уж уникален этот регион и так ли уж радикально отличаются его жители от остальных россиян? Позволю усомниться, что особая драматическая история, а тем более этнокультурный фактор являются причиной проблем и конфликтов в регионе» (статья «Вперед, назад или в никуда», — «НГ» от 22.01.98 г.).

³ Полемизируя с автором статьи, можно привести цифры советских времен о поставке во все регионы СССР большей части семенной кукурузы, например, из Кабардино-Балкарии и отметить, что дотационность (чем страдают 80% регионов нынешней России) — не национальный признак, а следствие госплановского территориального «размещения производительных сил».

По утверждению В. Тишкова, жители северокавказских республик, которые в силу отсутствия на их территориях соответствующих природно-климатических условий и минеральных ресурсов обречены жить беднее в индустриальной стране, почему-то живут лучше, чем остальная Россия.

Как он говорит, «это, пожалуй, самая главная загадка Северного Кавказа, плохо понимаемая политиками и учеными». И разгадывая ее, автор сам оказывается в числе этих плохо понимающих главную загадку Северного Кавказа политиков и ученых.

Оказывается, причина более благополучной жизни здесь в том, что северокавказские народы, «потрудившись и свое время на «шабашках», на рынках крупных советских городов и на ниве обслуживания курортников, выработали особые качества предприимчивости и поведенческие нормы и по навыкам и психологии оказались более подготовленными к рыночным реформам...». То есть из народов-«шабашников» прямо в народы-реформаторы». В. Тишков (правда, другими словами), как в «Рубежах», по сути повторяет, что народы Северного Кавказа никакие не земледельцы, раз они сплошь — шабашники. По утверждению автора, жизнь в бедном ресурсами регионе, но в большой стране выработала «...среди не русских жителей и региона психологию и поведенческие нормы, ориентированные на социальное преуспевание». Трудно понять В. Тишкова, только что выражавшего сомнения относительно нерусских жителей: «Так ли уж радикально отличаются эти народы от остальных россиян?» Такое противоречие в суждениях является следствием непонимания в Москве этнокультурной психологии северокавказских народов⁴.

⁴ Дальше В. Тишков поучает адыгский народ и вообще лидеров северокавказских республик больше думать не о том, как переселить на свою историческую родину адыгов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов, шапсугов), изгнанных во время Кавказской войны из своих земель, называя их не соотечественниками, а неуважительно всего лишь «иностранцами адыгского происхождения», а о том «как сохранить в республиках русских и русскую культуру, благодаря которым этот регион имеет целостный и европейский облик» [29, с.10]. А как же тогда с наличием европейского облика у 7 млн. адыгов (черкесов), изгнанных из своих земель и проживающих в Турции, которые с вхождением Турции в Европейский союз, обретут раньше, чем адыгов, оставшихся на своей Родине, настоящий европейский облик? В 2004 году турецкая газета «Ueni Safak» оценила численность черкесов в Турции в 7 млн. [30, с.135]. Здесь нельзя не заметить В. Тишкова подтекст: если бы эти народы опирались на свою культуру (культуру, которой, по мнению автора, нет), то не видать бы им «европейского облика». Это, по сути, повторение той же мысли насчет «варварской периферии православной цивилизации», но более тонкое.

Никто не отрицает выдающуюся роль для развития народов Северного Кавказа русской культуры, русской литературы и русского языка, знание которых помогло им приобщиться к мировой культуре.

Только не надо за это требовать от этих народов стоять в вечной позе благодарного поклонения. И не надо каждый раз поучать их, как жить. Русский язык здесь дети знают лучше, чем свой. Те адыги (черкесы), которые живут на своих исторических землях, без русских не представляют себе свою жизнь. Все мы обречены жить вместе, а значит, важное значение имеют только братство, только уважение к русской культуре и культуре каждого народа.

Русская культура останется на Кавказе надолго, если таких «нравоучений» будет меньше, которые настраивают «периферию» против «центра».

Итак, где разгадка того, что современные, как пишет В. Тишков, «балкарские, ингушские и чеченские поселки лучше, чем русские станицы в регионе, а чем более чем рязанские или якутские села?» Во-первых, это не всегда так, а во-вторых, даже если это утверждение и соответствует действительности, то этому есть свое объяснение. Обратимся к некоторым примерам.

Еще в 70-х годах прошлого века по причине малоземелья Центральным комитетом КПСС дагестанцам и чеченцам было разрешено арендовать земли в центральной России и переезжать туда.

Спустя 4-5 лет они, работая в таких же условиях, что и коренное население, стали жить намного лучше. Выросли хорошие дома на этих землях.

Коренное же население вскоре выгнало их из тех земель, т.к. они стали жить лучше. «Шабашками» там они не занимались, а значит, не это послужило причиной выработки «особых качеств предприимчивости и жизненной соревновательности за благополучие», а нечто более фундаментальное, что стимулирует эти народы к лучшей жизни.

Есть один универсальный закон общественной жизни, который формулируется нами следующим образом: если уровень материального достатка человека достигает нормы, общепринятой в среде его обитания (в селе, поселке, районе, области, крае), то дальше стимуляция к увеличению этого уровня для

данного человека может перестать действовать, «Я живу в достатке и больше мне ничего не нужно». Ясно, что такая норма для разного общества имеет различную шкалу ценностей. Для одного – лишь бы была крыша (пусть и захудалая) над головой, а для другого обязательной нормой считается, например, добротный дом, автомобиль и такие же дома для сыновей, хорошее приданое для всех троих дочерей и т.д.

Советская действительность приучила людей довольствоваться совсем малым: «есть что сегодня перекусить и слава богу, лишь бы не было войны». Тем самым указанная норма была сведена к абсолютному минимуму, обуславливающему по указанному закону минимальный стимул к труду. Однако жизнь одних народов вписывается в эту норму, а для других советские нормы вошли в противоречие с выработанными веками обычаями и традициями, духовно-нравственными и культурными ценностями и оказались несовместимыми с их этнокультурной психологией. Иначе говоря (опускаясь на бытовой уровень), в республиках Северного Кавказа не иметь добротный дом и жить бедно считается позором. Отпуск здесь, как правило, берут для того, чтобы строить дом, забор, пристройку и т.д. Так во всем. Другими словами, указанная шкала, исходя из необходимости соблюдения выработанных веками обычаев, традиций и необходимости сохранения культурных ценностей, здесь намного выше, чем во многих регионах России, что стимулирует к труду, а значит, к лучшей жизни. Этим во многом и объясняется, что данный регион обладает самым мощным потенциалом – конкурентным человеческим материалом. Но важно при этом знать (как раз в этом суть «главной загадки Северного Кавказа, плохо понимаемой политиками и учеными» в Москве), что если такое стремление (какие бы препятствия ни возникали) к лучшей жизни не заполнить трудом, то указанный потенциал может перерасти в разрушительную силу.

Непонимание Москвой этой загадки и послужило во многом причиной трагедии, развернувшейся тогда в северокавказском регионе. Поэтому здесь как нигде необходима реформа.

Народы этого региона должны, казалось бы, жить лучше по своему конкурентно-человеческому потенциалу, но живут, к сожалению, сегодня хуже, чем остальная Россия. Конкурентный человеческий материал все же важнее, чем ресурсный потенциал, подтверждением чему является, например, уровень жизни в богатейшей огромной России по сравнению с уровнем жизни бедных ресурсами островков, называемых Англией и Японией. Когда все население республик Северного Кавказа еще до развала СССР было занято работой в промышленности, сельском хозяйстве и других сферах народного хозяйства, этот потенциал действительно лег в основу более высокого жизненного успеха в этом регионе. Но при рыночной экономике, когда этот фактор, казалось бы, намного возрос в своем значении и должен обеспечить еще более высокий жизненный уровень республикам Северного Кавказа, он не может проявить себя в условиях избытка рабочих рук (что было свойственно этому региону и раньше) и катастрофического развала промышленности, сельского хозяйства и производственной инфраструктуры. А отсюда – повальная безработица населения. Потому-то сегодня в этом регионе живут хуже, чем в остальной России.

Из всего сказанного следует, что глубокий кризис на Северном Кавказе – производное от интеллектуально-морального кризиса в Москве и непонимания этнокультурной психологии народов Северного Кавказа.

Как повернуть Северный Кавказ от разрушительных тенденций к созидательным? Нами были предложены в [26,27] в качестве ответа на этот вопрос некоторые меры. Они остаются актуальными и сегодня.

Первая. Переход от эйфории суверенизации регионов к реальным шагам создания единого российского государства. Будущее малочисленных народов не столько в абсолютном суверенитете, сколько в их достойном экономическом и экологическом обеспечении. В первую очередь, конституции всех республик (и не только на Северном Кавказе) следует держать все время в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Без этого разговоры о сохранении целостности России не имеют серьезной основы. Кроме того, в

России демократическая власть переходного периода должна опираться (до установления гражданского общества) на обязательный (возведенный в ранг закона) контроль общества за властью как в Центре, так и в регионах. Механизмы такого контроля не сложно выработать. Для России гибельна слабая (любая недемократическая власть в конечном итоге оказывается слабой) центральная власть. **Без сильной (признающей только силу права, а не право силы) центральной власти Россию ожидает судьба СССР.**

Вторая. Предоставление реальной экономической свободы каждому жителю Северного Кавказа. Учитывая значимость установления спокойной обстановки на Северном Кавказе для сохранения целостности России, проведение реформы в этом регионе – общероссийская проблема. Поэтому центральная федеральная власть должна взять ее под жесткий контроль, так как это уже дело не только местных властей.

При этом не надо долго мудрствовать и ссылаться на общероссийские трудности, требуется-то всего ничего: дать реальную экономическую свободу каждому, кто захочет делать свой маленький бизнес, дать реальную свободу частному сектору, частной собственности. Далее свое дело сделает упомянутый выше высокий конкурентный человеческий потенциал. Сегодня такой свободы нет. Необходимо перейти от разрешительной к регистрационной системе организации производственной деятельности. **Без целенаправленной политики по реформированию экономики на Северном Кавказе спасти этот регион от неблагополучия невозможно.**

Третья. Обеспечение перелома в восприятии российским обществом народов Северного Кавказа. Необходимо провести целенаправленную работу, цель которой заключается в признании обществом того факта, что на Северном Кавказе существует особое культурное пространство, отличное от общероссийского, и потому требующее особого подхода.

Четвертая. Создание единого экономического пространства Северного Кавказа. Неуправляемый процесс регионализации приводит к углублению разрыва единства экономического пространства в границах

административного деления Северного Кавказа. Эти границы, образованные в советское время зачастую росчерком пера вождей, превращаясь сегодня в реальные границы автономизирующихся регионов, содержат в себе серьезный конфликтогенный потенциал. Но и передел этих административных границ в настоящее время невозможен. Выход здесь один: разрушить унаследованное от СССР единство административного и экономического районирования России. В чем суть такого единства?

Размеры нынешних субъектов Федерации на Северном Кавказе определялись, как уже сказано, произвольной зачастую «нарезкой» территорий. И к этому каркасу административного районирования жестко привязывалось и экономическое районирование, т.е. к этому каркасу пригнаны производственная и социальная инфраструктуры, связь, транспорт, дороги и даже специализация сельского хозяйства. Процессы приватизации, размещения производства, выбора места жительства и т.д. могут разрешаться и осуществляться только в рамках указанных границ. Такое ограничение несовместимо со свободной экономикой и ее принципом свободного размещения производства на любой территории. Выход из положения – **создание единого экономического пространства (ЕЭП) Северного Кавказа**, суть которого в том, чтобы освободить экономическое районирование Северного Кавказа от внутренних административных границ республик, краев и областей, что повлечет за собой их глубокую интеграцию. Но это невозможно: без выработки концепции ЕЭП и экономической реформы в целом на Северном Кавказе; без правового, политического и административно-управленческого обеспечения ЕЭП; без решения Правительства РФ о создании ЕЭП Северного Кавказа, согласованного с республиками, краями и областями этого региона; без программы реализации концепции ЕЭП и органа федеральной исполнительной власти, ответственного за ее реализацию.

Пятая. Безотлагательная реализация комплексной программы восстановления хозяйства Чечни. Это было предложено нами в [26,27] и сегодня восстановление Чечни идет полным ходом. Наше предложение и в настоящее

время остается актуальным. Разрушенная Чечня гораздо опаснее для России, чем Чечня благополучная. В любом случае только восстановленная Чечня выгодна России и особенно народам Северного Кавказа и только такая политика имеет шанс в будущем сохранить Чечню в едином российском экономическом и политическом пространстве.

Будет ли благополучным Северный Кавказ или нет - во многом будет зависеть от того, хватит ли у центральной власти способности осуществить указанные выше меры.

Россия завтра: федерация федераций или союз многонациональных республик

Итак, современный Российский федерализм ставит целостность государства в неустойчивое положение. Необходим его пересмотр.

В соответствии с какими принципами следует теперь подходить к решению задачи? Сформулируем перечень необходимых условий, образующих как бы систему аксиом строительства федерализма.

Первое. Право территориального (экстерриториального) образования на создание федерации может быть основано только на: возможности развития полноценного регионального рынка в границах этой территории; способности этого территориального образования самостоятельно решать большую часть своих социально-экономических, общественно-политических и национально-культурных проблем.

Второе. Федерация имеет смысл в большей степени тогда, когда она разрешает сложные проблемы управления большим государством (проблемы гигантизма). Число субъектов Федерации должно быть соизмеримо с порогом эффективности управления государством.

Третье. Одной из главных причин создания федерации является наличие крупных межрегиональных проблем, отрешения которых зависит развитие каждого из субъектов и которые не могут быть эффективно решены, без создания федерации.

Четвертое. Необходимыми условиями эффективности федерации являются: общность судьбы, а также культурных и исторических традиций объединяющихся в федерацию единиц; заинтересованность в глубокой экономической интеграции объединяющихся в федерацию единиц.

Пятое. Федерация состоится только тогда, когда у каждого народа, вступающего в нее, появится большая возможность в сохранении и развитии своих национально-культурных и духовно-нравственных ценностей.

Шестое. Федерацию эффективно могут создать только те субъекты, территории которых образуют единую природно-биологическую систему, и чтобы эту систему сохранить и развивать, требуется превратить ее в единую политико-экономическую систему.

Седьмое. Процесс деволюции крупных государств должен наделить субъекты Федерации достаточной самостоятельностью, т.е. правом распоряжаться налоговыми поступлениями, достаточной юрисдикцией и т.д.

Ни в коей мере не претендуя на полноту такой системы аксиом, замечу, что с ее помощью можно выстроить конструкцию будущего федерализма в России.

Начну с того, что существующая сетка административного деления России, на базе которой образованы нынешние субъекты Федерации, не соответствует ни одному из перечисленных условий.

Выполнение второго условия требует пересмотра этой сетки, т.к. она не только не разрешает проблему сложности, но еще больше усложняет управление страной. Тогда для государства такого масштаба, как Россия, напрашивается двухуровневая федерация. Это при условии, что число субъектов Федерации должно быть соизмеримо с порогом эффективности управления государством.

Коротко о структуре этих уровней.

Первый уровень – нынешние субъекты Федерации в соответствии с 3—7 необходимыми условиями объединяются добровольно и образуют новые крупные административные единицы, в которые они сами входят на принципах субсидиарности, т.е. взаимодополнительности властей, суть которой в создании этих административных единиц для решения крупных межрегиональных

проблем (условие 3) и поддержки нынешних субъектов Федерации, соблюдая при этом принцип невмешательства в сферу компетенции последних.

Второй уровень – союз таким образом созданных административных единиц или федерация таких федераций образует Российское государство.

В предлагаемой схеме сохраняется обретенная на сегодня самостоятельность нынешних субъектов Федерации. Тем не менее для ее реализации придется вернуться к идее авторитарной модернизации, возникшей два столетия назад, суть которой в том, что государство должно взять на себя роль активного проводника в жизнь схемы реструктуризации административного деления России.

Ясно, что здесь торопливость не приведет к успеху, но и сохранять долго существующее сегодня внутреннее устройство значит каждый день подвергать опасности целостность России.

За основу указанных административных единиц можно было бы взять крупные экономические районы России, образованные с учетом их природных и экономических особенностей (это было нами предложено в [26,27]). Например, таких:

Северо-Западный (территория (Т) – 196,5 тыс. кв. км., население (Н) – 8,1 млн. чел).

Северный (Т – 1466,3 тыс. кв. км., Н – 6 млн. чел.).

Центральный (Т – 483 тыс. кв. км., Н – 30 млн. чел.).

Волго-Вятский (Т – 265,4 тыс. кв. км., Н – 8,5 млн. чел.).

Центрально-Черноземный (Т – 167,7 тыс. кв. км., Н – 7,9 млн. чел.).

Северо-Кавказский (Т – 355,1 тыс. кв. км., Н – 17,7 млн.чел.).

Поволжский (Т – 536,4 тыс. кв. км., Н – 16,9 млн. чел.).

Уральский (Т – 824 тыс. кв. км., Н – 20,5 млн. чел.).

Западно-Сибирский (Т – 2427,2 тыс. кв. км., Н – 15,1 млн. чел.).

Восточно-Сибирский (Т – 4122,8 тыс. кв. км., Н – 9,2 млн. чел.).

Дальневосточный (Т – 6215,9 тыс. кв. км., Н – 7,6 млн. чел.).

Автор на примере Северо-Кавказского экономического района уже пытался показать необходимость начала интеграционных процессов в регионах[26]. По сути это было предложение о необходимости создания федеральных округов. Северный Кавказ рассматривается в ней с позиции экономико-географической целостности. Ставятся задачи:

- создания единого экономического пространства (ЕЭП) Северного Кавказа;

- создания правового поля, единого для всего Северного Кавказа, которое не позволит зажать свободное предпринимательство в административных границах республик, краев и областей;

- превращения Северного Кавказа (являющегося сегодня единой природно-биологической системой) в единую политико-экономическую систему путем создания федерации (необходимые условия 4,5,6,7) первого уровня на принципах субсидиарности (рассматривается схема формирования всей политической системы с учетом этнических факторов в строительстве федерализма в России).

Таким образом, концепция «интегрального федерализма» подходит к российской действительности в большей степени, чем федерализм США. Американский федерализм основан на суверенитете народа, что в конечном итоге приводит к государственной централизации. А интегральный федерализм базируется на суверенитете федерирующихся единиц. В предлагаемом нами федеративном устройстве основой является двойной суверенитет: суверенитет федерации (например, северокавказской) и суверенитет ее членов (республик, краев и областей). А это и есть главный принцип интегрального федерализма.

Реструктуризация административного деления России

Политическую систему мы рассматриваем как своеобразную игру многих участников, каждый из которых стремится к выигрышу. Это предполагает наличие правил, регламентирующих поведение участников игры.

Первым и, наверное, основным политическим «правилом устойчивости» является введение конституционных правил «игры», обеспечивающих достижение общественного согласия. Любые решения политических институтов, субъектов федерации и региональных структур не должны противоречить этим правилам, иначе это будет означать отход от принципов гражданского согласия. Здесь возникает весьма важный вопрос об эффективности этих конституционных правил. В связи с этим должны быть сформулированы принципы эффективности этих правил и определено, насколько эти правила соответствуют принципам, закрепленным в действующей Конституции РФ. Эта задача – одна из важнейших, т.к. заложенные в существующей сегодня Конституции РФ правила «игры» являются, на наш взгляд, правилами государства - системы властных структур, а не гражданского общества и далеко им еще до правил устойчивого развития России. До тех пор пока мы не выработаем такие конституционные правила и не внедрим в практику эти правила «игры», обеспечивающие гражданское согласие и устойчивое развитие, Россия будет оставаться в неустойчивом состоянии.

В настоящее время становление правового государства тормозится резким отставанием формирования структур гражданского общества. Отчуждение народа от власти ни к чему хорошему не приведет. Интеллектуальные ресурсы России как были не востребованы ранее, так и остаются таковыми сейчас. Принимаемые законы и указы не имеют механизма реализации, что приводит к утере правосознания и, как следствие, массовому нарушению правопорядка.

Отсутствие механизма реализации правовой базы приводит к социальному расслоению общества и создает условия нестабильности и опасности социальных конфликтов. При такой политической системе говорить об устойчивом развитии России нет смысла.

Действующие в настоящее время конституционные правила «игры» впервые за всю историю России определили игровое поле, называемое

«федеративной формой государственного устройства». Но для «игры» на этом поле, важен не только выбор места «игры», но и то, как оно будет огорожено, обустроено и какие принципы «эксплуатации поля» заложены в его основу. Иначе говоря, конституционные правила «игры» должны закрепить эти принципы «эксплуатации» (существования) федерации.

При определении этих принципов часто обращаются к опыту США, где они отработаны наиболее глубоко. Но при этом забывают, что как само «игровое поле», так и составные части (штаты) этого поля на американском континенте качественно отличаются от «поля» в Евразийском пространстве и его «разбивки» на части (субъекты федерации), полученной в наследство от СССР в виде краев, областей и автономных образований, размеры которых определялись отнюдь не соображениями создания субъектов федерации.

Самый важный принцип федерализма США, на котором зиждется все остальное, – это то, что субъекты федерации осознанно и добровольно, понимая, что объединяться на федеративных началах им выгодно как экономически, так и политически, создали Центр, и они же (не сам Центр себя) наделили его четко оговоренными полномочиями и определили его компетенцию.

В этом принципиальное отличие федерализма США (и не только) от того, что закрепляется конституционными правилами «игры» в сегодняшней России, где все делается наоборот: Центр фактически, как хочет, устанавливает полномочия сам себе. А в практикуемом подписании договоров с субъектами федерации о разграничении полномочий (если учесть, что почти все эти субъекты находятся в экономической зависимости от Центра) Центр определяет «что позволено субъекту федерации, а что нет». И было бы наивно полагать обратное в России, которая не может сразу сбросить с себя унаследованное от СССР централизованное государственное устройство.

Признаков пребывания России в состоянии неустойчивого развития немало.

Углубляющаяся регионализация, которая ложится на существующую, унаследованную от СССР, сетку административного деления страны, привела к разбиению России на множество «маломощных» автономизирующихся кусочков, на базе которых невозможно создавать подлинную федерацию. Плюс к этому административное деление России, образующее каркас регионализации РФ, претерпевает изменение в сторону дробления полиэтнических регионов.

Административные границы республик, краев и областей автоматически превратились в реальные границы автономизирующихся регионов, что породило множество экономически несостоятельных субъектов федерации. Федерализм, основанный на таких субъектах, – абсурд. Такая федерация устойчива настолько, насколько имеющиеся 10-15 субъектов-доноров смогут выдержать «федеративную нагрузку». А это крайне неустойчивая система.

Такое положение делает неустойчивой Российскую Федерацию и ставит необходимым условием **проведение реструктуризации административного деления России**, т.е. изменение унаследованного от СССР административного районирования России. Такая реструктуризация необходима не только для целей осуществления Центром контррегионализации, т.е. для противодействия разрушению единой иерархической системы управления страной, но и для целенаправленного «проектирования» подлинной федерации путем образования новой системы субрегионов – будущих субъектов федерации новой России. Субрегион образуется как союз существующих республик, краев и областей по типу независимых кантонов в Швейцарии. Речь не идет о ликвидации (помимо воли этих субъектов) административных границ (особенно республик). Административные границы в долговременной перспективе могут исчезнуть внутри субрегиона.

Признаками образования новой системы субрегионов являются:

1. Экономико-географическая целостность с позиции завершенности основных энерго-производственных циклов.
2. Достаточность размера для обеспечения эффективного использования инструментов экономического регулирования.

3. Целостность с точки зрения водного и топливно-энергетического баланса.

4. Наличие крупных межрегиональных проблем, от решения которых в значительной степени зависит социально-экономическое развитие частей.

5. Включенность частей в этнорегион.

6. Общность истории региона и его частей.

7. Этнокультурная и конфессиональная специфика населения.

В соответствии с этими признаками субрегионы – это либо то, что в СССР назывались крупными экономико-географическими районами, либо составные части этих районов. Одним из таких районов является и Северный Кавказ. Чтобы направить процесс регионализации в управляемое русло, можно пойти разными путями. Одним из таких путей может стать следующий сценарий:

1. Страна условно разделяется, как отмечено выше, на крупные экономико-географические районы (Северо-Западный, Центральный, Поволжье, Северный Кавказ, Урал, Дальний Восток и т.д.) и создаются новые зональные органы исполнительной власти России, руководители которых в ранге министра или заместителя Председателя Правительства РФ или остаются существующие Федеральные округа, но наделенные большими, чем сегодня, политическими и хозяйственными полномочиями.

2. Субъекты федерации добровольно принимают все условия формирования федерации будущего и не оказывают противодействие в образовании новой системы субрегионов, понимая выгодность (политическую, экономическую) этого процесса для себя и для России в целом.

3. Основная задача новых территориальных органов исполнительной власти РФ – экономическая интеграция субъектов федерации, расположенных на территориях, управляемых ими, и постепенное формирование новой системы субрегионов – субъектов федерации будущего в соответствии с указанными выше признаками, которых может быть несколько в одном экономико-географическом районе.

4. При формировании парламента РФ ныне существующие принципы образования избирательных округов изменяются так, чтобы избирательные округа не совпадали с границами нынешних субъектов федерации.

5. Объявляется схема реструктуризации административного деления России и образования новой системы субрегионов на всем российском пространстве, основанной на указанных выше признаках.

Предлагаемая схема будет корректироваться в зависимости от решения того или иного нынешнего субъекта федерации - в какой ему войти союз.

6. Формируются исполнительный и представительный органы власти этого союза и вырабатываются конституционные правила существования такого союза.

7. Субрегионы после окончательного своего формирования образуют подлинную (может быть как в США) федерацию.

Очевидна схематичность описанного сценария, но в принципе такие варианты обустройства России не лишены смысла. Сегодня понятие «Северный Кавказ» размыто - в СКФО не включены регионы Северного Кавказа – Адыгея и Краснодарский край (мы считаем, что Ростовская область географически не относится к Северному Кавказу).

В соответствии с указанными выше признаками образования новой системы субрегионов, на Северном Кавказе, например, возможны следующие варианты:

I. Один союз, куда входят все республики и края Северного Кавказа.

II. Два субрегиона: 1) Дагестан, Чечня, Ингушетия; 2) Краснодарский, Ставропольский края, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания.

III. Два субрегиона: 1) Краснодарский, Ставропольский края; 2) Повторение образования Горской Республики (созданной 17 ноября 1920 г.) по составу, но на новых принципах. Состав: Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня, Дагестан.

IV. Три субрегиона: 1) Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания; 2) Краснодарский, Ставропольский края; 3) Дагестан, Чечня, Ингушетия (преобладание признаков 5, 7, 6).

V. Три субрегиона: 1) Краснодарский край, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария; 2) Ставропольский край, Северная Осетия-Алания; 3) Дагестан, Чечня, Ингушетия.

Первый вариант, на наш взгляд, наиболее предпочтителен с экономической точки зрения.

Реализация второго и пятого вариантов наиболее вероятна. Здесь в субрегионах сильны все семь признаков.

Насколько реальна предлагаемая нами реструктуризация административного деления России?

Чтобы она стала реальной необходимо выполнить, по крайней мере, следующие четыре условия:

1. Осуществить реальное разделение властей (исполнительной и представительной) как в регионах, так и в Центре.

2. Перейти на новые принципы экономического районирования страны.

3. Осознать реальность регионализации как необратимого процесса и необходимость направления этого процесса в управляемое русло.

4. Выработать новую национальную политику в России, которая гарантирует каждому малочисленному народу при любой реструктуризации административного деления России, свободное развитие и полное удовлетворение своих духовно-нравственных и национально-культурных интересов.

Итак, предлагается концепция дезинтеграции гигантского российского государства на части (сами образующие федерацию) как условие для последующего федерирования России на принципах субсидиарности и интегрального федерализма. Будущее России, как мы считаем, именно за такими федеральными структурами и ассоциациями суверенитетов, противостоящими распаду хозяйственных связей, национальной, региональной и политической нетерпимости.

ГЛАВА III. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

1. Еще раз о реформе экономики и экономической безопасности

Экономическую систему страны, которая при любых колебаниях воздействия на нее как извне, так и изнутри сохраняет (во взаимосвязи с политической системой) управляемость, а также способность к самовоспроизводству и росту, будем считать системой, обеспечивающей экономическую безопасность страны.

Любая открытая экономическая система (после распада СССР экономика России стала открытой) будет устойчивой только тогда, когда общественная производительность труда устойчиво сохраняет уровень выше мирового среднего. Иначе инвестиции будут обходить ее стороной. Если исходить из этого жесткого универсального закона, экономическая система России, характеризующаяся отсталостью в использовании новейших технологий, вряд ли в настоящее время может претендовать на концентрацию капитала в ней (на мировых рынках высокотехнологичной продукции Россия занимает сегодня менее 0,3 %). Негативное воздействие на экономику России извне будет иметь место постоянно и отсюда экономическая безопасность страны будет подвергаться опасности до тех пор, пока мы не преодолеем технологическую отсталость. Здесь нельзя все время видеть только злой умысел «Заговорщиков» и развитых стран.

Преодоление внешних факторов, влияющих на экономическую безопасность страны, зависит не столько от самих внешних факторов, сколько от «внутренних болезней» как самой проводимой реформы, так и экономической и политической системы России, которые сегодня выступают как главная угроза экономической безопасности страны.

«Внутренним болезням» проводимой сегодня реформы экономической системы России посвящена обширная литература. Нет необходимости повторять перечень этих «болезней» и множество взглядов на проблему выхода из создавшегося тяжелейшего кризиса в экономике России. Множество

взглядов на проблему выхода страны из кризиса, при всем их разночтении, различаются лишь по степени приближения к двум полярным суждениям: подчиниться ли автоматическим действиям рынка или вернуться в той или иной степени к государственному регулированию экономических процессов, что разделило наших экономистов и политиков на, так называемых, «рыночников» и «государственников».

Но какие бы разумные предложения не выдвигались и той, и другой стороной, они страдают, на наш взгляд, одним общим недостатком: отсутствием системности во взглядах. Это приводит к концептуальной пустоте реформы в России, а также отсутствию признаваемого всем обществом выбора главных звеньев в проводимой реформе, ухватившись за которые становится возможным, с одной стороны, провести «операцию» по ликвидации указанных «болезней» и с другой – выбрать правильный «послеоперационный» путь выздоровления экономики.

Одним из таких главных звеньев в России выступает инновационный малый и средний бизнес.

Поддержка инноваций, как правило, ориентирована на малый и средний бизнес, т.к. они больше гибки и склонны к рискованным проектам. Апробированные ими инновации затем в массовом масштабе легче внедряются крупными предприятиями.

Развитию малых и средних предприятий (МСП) необходимо придать особое значение. Значимость МСП основана на двух моментах:

- опыт развитых стран показывает, что уровень развития МСП определяет во многом становление рыночной экономики, т.е. рыночная экономика входит в свои права (начинает в полной мере функционировать) лишь при определенной критической массе малых и средних предприятий;

- на территориях, где преобладает экономически активный человеческий материал, МСП становится локомотивом экономического роста на этих территориях при проведении целенаправленной экономической политики.

Можно выделить ряд первоочередных мер, необходимых для поддержки МСП в регионе:

1. Государство создает механизмы использования специальных программ предоставления гарантий банкам в случае неспособности МСП вернуть кредит. Государство содействует в получении банковских кредитов. Создаются правительственные структуры по делам малого и среднего бизнеса, призванные содействовать созданию и работе мелких фирм.

2. Государство обеспечивает правовые основы деятельности МСП и защиту их интеллектуальных и других прав. Оно осуществляет помощь в поиске новых возможностей для бизнеса, в получении МСП необходимой аналитической информации.

3. Поощряется создание малых инновационных предприятий (МИП) при вузах и академических научных учреждениях, а также инкубационных центров (ИЦ) в частном секторе, которые (МИП и ИЦ) взаимодействуют друг с другом.

4. Предлагаются услуги МСП по финансированию из разных источников (банки, инвесткомпании, венчурные фонды) и по маркетингу продаж товаров. Создаются центры обучения и подготовки кадров для МСП.

5. Оказывается содействие в выживании и развитии малых предприятий, в привлечении новых технологий, в стимулировании выхода МСП на мировой рынок, а также в развитии электронной торговли.

Однако меры по поддержке МСП, намеченные в стране в середине 90-х годов, не доведены до конца. Специальная федеральная программа поддержки МСП не была профинансирована в 1996-1997 годах. Основная тяжесть господдержки малого бизнеса практически перенесена на региональный уровень, где финансово-экономические возможности в плане поддержки МСП незначительные. Спецассигнования из федерального бюджета с 1996 г. на поддержку МСП не дошли до нужных адресов, а налоговые льготы упразднены. В этих условиях законы о поддержке МСП субъектов РФ практически не работают. Основная трудность в решении проблем развития МСП связана с разрастанием теневой экономики и скрытой деятельности в

регионе. Вместе с тем следует осознать, что критическая масса МСП для работы рыночной экономики в регионе наступит при занятости в этой сфере не менее 50% трудозанятого населения. Примеров стран и регионов, где МСП стали локомотивом экономического роста, множество. На Тайване, например, МСП составляют больше 90% общего количества фирм. МСП там свыше 1 млн., где работают 78% всего занятого населения. Ежегодно здесь число МСП увеличивается на 30 тыс.

Малые инновационные предприятия (МИП) должны быть положены в основу создания инновационной экономики в регионе. Этому служит появление в 2009 г. соответствующего постановления Правительства РФ, которое разрешает создание МИП при вузах и академических институтах. В регионе следует предусмотреть превращение вузов и академических институтов, в вузы и институты, окруженные сотнями МИП, которые видят в этих научных и образовательных учреждениях источник своих успехов. В Массачусетском и Стэнфордском университетах, например, если выпускник не создал своего дела, то он считается неудачником.

Фундаментальная основа рынка – подлинное повсеместное открытое предпринимательство, не знающее административных и территориальных границ, основанное на конкуренцию и, как правило, на частной собственности.

Хотя в начале книги было отмечено, что модель развития, с помощью которой развитые страны пришли к своему благополучию, не является устойчивой для богатых и не может быть повторена бедными, все же следует осознать, что это верно на долговременную (в историческом плане) перспективу.

Человечество еще не имеет более гениального изобретения, чем свободный рыночный механизм, основанный на частной собственности, для достижения благополучия людей. Глубина экономических реформ, на наш взгляд, определяется степенью развития частного сектора. Она является также мерилom для серьезного иностранного инвестора при принятии решения по инвестиционным вложениям. Фундаментальное значение вопроса развития

частной собственности не только в моменте обеспечения материального благополучия, но и в том, что ликвидация частной собственности при всепоглощающей власти государства, сопряжена с потерей человеком политической свободы.

Поэтому с развитием частного сектора в «Центре» и в регионах не особенно и торопятся. Чтобы понять глубину экономических реформ в России, приведем требования, которые являются существенными для развития частного сектора (по определению Я. Корнаи) :

1. Частный сектор надо полностью и по-настоящему освободить от сотен новых постановлений с их суетой вокруг модифицирования бюрократических ограничений и бесконечными разговорами, в чем надо ослабить узду, а в чем ее сохранить. Главный принцип: как правило, на частный сектор не должны распространяться вообще никакие запретительные меры (за исключением запрещенных законом видов деятельности и ограничений, основанных на экономических соображениях).

2. Выполнение частных контрактов должно гарантироваться законом.

3. Нужно объявить абсолютную защиту частной собственности.

4. Налоговая система не должна ограничивать частных инвестиций.

5. Частные капиталовложения, образование и рост частного капитала нужно поощрять при помощи кредитов. При этом надо учесть неодинаковые стартовые условия и сложившееся неравенство возможностей между частным сектором и государственным сектором (с его огромной политической и экономической властью).

Кроме того, приоритет надо отдавать не тем, кто называет себя «предпринимателем» и тратит средства государства и требует затем возместить эти потери.

Предпринимателями следует называть только тех, кто рассчитывает только на себя, а не на государство, при возникновении финансовых затруднений.

6. Частный сектор должен уважаться обществом.

Главные изменения в экономике и в вопросах социального преобразования, в т.ч. и рождение нового среднего класса – гаранта стабильности в обществе, могут произойти, как отмечает Я.Корнаи, только после выполнения вышеуказанных шести требований. В России эти требования практически не выполняются.

Никакой иностранный инвестор не будет вкладывать в нашу экономику большие средства только лишь потому, что мы создаем ему сегодня льготные условия. Он знает, что эти условия легко и отменить. Не это важно, когда мы стараемся привлечь иностранный капитал в Россию.

Из опыта других стран видно, что серьезный иностранный инвестор принимает решение о серьезном вложении своих средств только тогда, когда он убеждается в твердом положении, занимаемом в экономике частным сектором и отсюда чувствует себя в безопасности от массы бюрократических посягательств на свою собственность.

Настроение иностранных предпринимателей в этом плане характеризует разговор академика В. Коптюга с южнокорейским бизнесменом, который состоялся, когда он был в Южной Корее в составе делегации. На вопрос об инвестициях в российскую экономику южнокорейский бизнесмен ответил: «У вас все нестабильно. Страшновато... Мы лучше в Китай вложим, хотя он и коммунистический. Какая у вас демократия? Вот когда вы, как мы, пару премьеров посадите на скамью подсудимых и они ответят за все сделанное, тогда я скажу: «Да, у вас есть демократия...»

В начале 90-х годов региональная элита и «партия власти» абсолютно не признают частную собственность. Затем они начнут поддерживать лозунг: «За частную собственность», но за такую, которая им подконтрольна и при этом без права частной собственности на землю. Спустя немного времени, когда в сферу приватизационных интересов региональной элиты войдет наконец и земля, из состояния «неприятия» права частной собственности на землю она перейдет в состояние: «разрешаем иметь это право».

Такое состояние характерно и сегодня для российской реформы, которая находится в сильной зависимости от желания или нежелания чиновников, находящихся у власти.

Поэтому частное предпринимательство, являющееся «мотором» свободной экономики и одновременно предоставляющее человеку возможность обрести политическую свободу, не может найти желаемого развития в регионах и в целом в России. Человек, открывающий свое дело, не должен быть зависим от подписи чиновника, чтобы заняться своим делом. Он должен просто сообщить в соответствующие службы об открытии своего бизнеса и его обязаны зарегистрировать, если он не занимается запрещенным законом видом деятельности. При достижении определенного высокого уровня благополучия, появляются другие критерии качества жизни, другие ценности и стимулы жизни, а старые становятся препятствием к дальнейшему развитию и появляется потребность в новых экономических теориях и в выработке новых принципов морали и нравственности, соответствующих грядущим экономическим реалиям.

Но каждая страна и каждое общество должны пройти этапы достижения такой черты благополучия и нет пока (во всяком случае мы не знаем) другого пути ее достижения, кроме повторения в главном моделей развития, приведших развитые страны к благополучию. И не надо себя обманывать идеями о “чисто русском” пути создания свободной экономики, хотя понятно, что следует учесть социо-и этнокультурные особенности России. Поэтому в качестве указанного главного звена в начале реформы следовало выбрать путь стимулирования и развития частного предпринимательства, обязательно соблюдая принципы обеспечения всем равных возможностей и равных стартовых условий. Соблюдение этих принципов еще возможно было в начале реформы.

Из опыта других стран известно, что в результате естественной рыночной селекции из числа собственников этих мелких и средних предприятий в конечном итоге появляются основатели крупных предприятий. Этот путь не

отрицает сохранение потенциала крупной промышленности в той ее части, которая оставалась эффективной в руках государства.

Либерализация цен и монетаристская концепция (может быть нужная в тот момент, но необходимая только вместе с развитием частного сектора), выбранная в начале реформы в качестве главного звена, якобы способная «поставить все на место», в условиях полного отсутствия конкурирующих товаропроизводителей и подавления частного предпринимательства, могла привести не к излечению указанных выше «болезней» экономики, а наоборот – к увеличению их количества, к чему мы и пришли.

Именно развитие повсеместного частного предпринимательства, которое выгодно менее обеспеченным (а их большинство), и следование этому пути способно было ликвидировать пусть не все, но «болезни» российской экономики и сделать ее «послеоперационный» период действительным выздоровлением экономики. Доказательством этого стало бы появление среднего класса; ликвидация криминогенности процесса приватизации и утверждение открытости и справедливости этого процесса; осуществление реальной структурной перестройки экономики; стимулирование производства; сведение к минимуму коррупции и экономической преступности и т.д..

Но выбор такого пути в качестве главного звена реформы стал бы началом конца чиновничьего клана в России. Поэтому он и не мог позволить, чтобы реформа пошла по этому пути.

И в настоящее время все большее влияние на экономику в регионах и в «Центре» обретают «государственники», что является, вообще говоря, симптомом постепенного свертывания процесса перехода к свободной экономике. Но этот путь ведет в никуда.

«Государственники», доказывая тезис о необходимости все большего вмешательства государства в экономические процессы, не приводят (и не могут привести) никаких фактов провала системы свободного предпринимательства в России. Основная причина здесь, говоря словами Ф. Рузвельта, «не в том, что система свободного предпринимательства, ставящего своей целью получение

прибыли, в нашем поколении провалилась, а в том, что ее еще не пробовали применять».

Сегодня главным является ответ на вопрос: какая идеология в качестве основной должна быть принята в России в принципе? Здесь и начинается концептуальная пустота провозглашенной в России реформы, которая сопряжена с потерей управляемости процесса проведения реформы, а значит и управляемости страны. Нельзя путать «управление экономикой» в смысле идей «государственников» с «управлением страной» в нашем смысле «управление процессом реформирования экономики и общества». Но и дальше находиться в такой «пустоте», значит загонять Россию в тупик. Вместе с тем, интеллектуальная часть (ученые, инженеры, юристы, экономисты, учителя, врачи и т.д.) и другая активная часть общества, которые возглавили бы курс развития предпринимательства, сегодня оказались в неодинаковых стартовых условиях (полное отсутствие стартового капитала) с теми, кто уже успел «прихватить» всю бывшую общенародную собственность либо грабежом (прямо или косвенно), либо находясь у власти в регионах или в «Центре», в процессе так называемой «приватизации» государственной собственности, по существу, теневой, криминальной.

Нельзя не обратиться, в связи с этим, к словам, сказанным в работе [31]: «...Русская личность не в состоянии «морально негодовать», громогласно «обличать» – это возможно только как элемент притворства, «заговора», в лучшем случае – «корпорации». Не в силах сопротивляться потоку жизни, она покорно проходит все круги ада... Но при всем том она мучительно переживает собственную слабость, то, что она – несостоявшаяся личность.

...Поэтому лишь на первый взгляд Россия сейчас все больше и больше скатывается к веселому обществу латиноамериканского типа... На самом деле, например, посреди карнавала «советской приватизации» именно в сегодняшней России в любой момент могут поставить вопрос о приватизации настоящей – о возвращении имущества реальным собственникам (народу) при одновременном лишении собственности членов «внутренней партии» (т.е. «партии власти»).

Разгром находящихся у власти может начаться на пустом месте и в любой момент...»

Существует критическое мнение, будто проведенная в России приватизация предоставила узкому кругу частных лиц возможность осуществлять над акционированными предприятиями реальный контроль в отличие от миллионов рядовых владельцев акций, которые не могут реализовать свои контрольные функции в силу распыления своих имущественных прав.

«Государственники» – авторы такого мнения, которые отрицают преимущество частной собственности над другими ее формами и говорят, что она себя исчерпала, как правило, ссылаются в пользу своих тезисов на указанную выше форму акционирования предприятий, говоря: «Видите, к чему приводит приватизация?»

Но такое положение не оттого, что провели приватизацию, а наоборот – оттого, что не провели ее. Так называемые «акционированные предприятия» – всего лишь смена вывески. «Партия власти» этим узаконила свое положение «хозяев», а миллионы рядовых работников как были бесправны, так и остались ими. Так что «государственники» могут быть спокойны.

Акционерные общества и предприятия не создаются «сверху» как у нас, а образуются «снизу» миллионами не «советско-ваучерных», а реальных частных собственников. И утверждение о том, что частная собственность становится тормозом развития крупной промышленности, не выдерживает критики. Крупная промышленность требует особых форм организации производства, отличных от малого и среднего производства, связанных иногда с установлением оптимального соотношения функций собственности и управления. Вместе с тем, нельзя отрицать, что крупные (как правило, автоматизированные) промышленные предприятия в руках государства могут быть эффективны. Поскольку нет другого пути, кроме как начать реальную реформу, у России в настоящее время остается один выход: мирным путем устранить с этого пути все, что мешает такому началу.

К внутрироссийским главным угрозам экономической безопасности, препятствующим экономическому росту страны относятся: инфляция; высокие процентные ставки (для высокоэффективных проектов деньги становятся недоступными); бюджетный дефицит; государственный долг (накопленные бюджетные дефициты прошлых лет, связанные с долговым кризисом, отбрасывающим страну на годы и десятилетия назад); непосильные государственные расходы (выступают надежным инструментом, ведущим к устойчивой деградации отечественной экономики); непомерные налоги (вызывают теневую деятельность и отток капитала из страны); косвенные налоги (включаются в цену товаров и потому более всего ударяют по бедным); косвенные налоги на внешнеэкономические операции (ограничивают информационный обмен, что способствует усилению отсталости страны); налогообложение валютнообменных операций; разные препятствия пересечению физическими лицами границы (всякий зарубежный выезд – это увеличение информированности, а значит обогащение, т.к. информация является важнейшим стратегическим ресурсом мирового развития, а мы препятствуем этому).

Так как все это имеет место в проводимой нынешним российским государством политике, то спрашивается: «От кого исходят главные угрозы экономической безопасности страны?»

Углубляющаяся регионализация российского пространства, связанная с усилением различий экономических условий регионов может привести к столкновению интересов, а значит осложнению отношений между регионами, которое, при ослаблении влияния «Центра» на регионы, будет не в пользу целостности России:

1) интересы близких к границам регионов, экономически “тяготеющих” к своим соседям – могущественным странам как Востока (Китай, Япония, Южная Корея и т.д.), так и Запада (Финляндия, Швеция, Норвегия, Германия и т.д.) и благодаря территориальной близости налаживающих все более тесные

экономические связи с ними, могут резко разойтись с интересами регионов, расположенных далеко от границ;

2) интересы регионов, которым в наследство (от планового хозяйства СССР) досталась экономическая структура, наиболее адаптированная к условиям рынка и потому более эффективная, могут также резко разойтись с интересами регионов, которым досталась малопригодная к условиям рынка экономическая структура.

Отсюда видно, что наблюдающаяся тенденция перехода к чисто региональным возможностям выхода из кризиса может привести к серьезным последствиям, из чего следует необходимость *установления* в России оптимального согласования принципов развития свободной экономики и территориальной организацией общества, ограничивающей в той или иной степени такое развитие в связи с углублением регионализации собственности.

Универсальных решений по этой проблеме пока в мире не найдено.

Когда мы говорим о полном восстановлении управляемости страны, речь также ведем о том, что государство ни в одной модели общественного устройства не может бездействовать и *не влиять* эффективно на процессы реформирования экономики и общества. Оно не может позволить себе быть *слабым*, особенно в переходный период. Даже создав эффективную конкурентную систему, если государство не поставит эту систему в разумно организованные и постоянно корректируемые *юридические рамки*, то она из эффективной перерастет в криминальную. А в сегодняшней России мы наблюдаем все признаки четырех “слабостей”:

1. Слабая проработка вопросов согласования. Согласование принципов в системе «свободная экономика – территориальная организация общества» не только не проработано, но такая проработка еще и не поставлена как задача ни в научном, ни в практическом плане;

2. Слабое влияние на процессы. Осознаваемая сегодня всеми концептуальная пустота реформы говорит о степени влияния нынешнего российского государства на процессы реформирования экономики и общества.

3. Слабое государство. Неуправляемый процесс регионализации российского пространства привел к тому, что (как отмечено выше) «Центр» практически потерял контроль за регионами в части ускорения экономической реформы в регионах и, в частности, проведения земельной реформы.

4. Слабое правовое пространство. Если говорить о разумно организованных и постоянно корректируемых юридических нормах, то как при наличии первых трех «слабостей» можно в разумно организованные юридические рамки поставить «путь в никуда»? Отсюда, кроме всего прочего, и неэффективность деятельности современных российских, а также региональных законодательных органов.

2. Система «регион-рынок»

В условиях наблюдающейся регионализации экономических реформ, с одной стороны, и с другой – перехода на принципы федерализма проблема согласования законов рыночной экономики и территориальной организации общества обретает первостепенное значение. Эта проблема имеет три аспекта: социально-экономический, общественно-политический и организационно-правовой.

1. Социально-экономический аспект характеризуется ответом на вопрос: «Как организовать функционирование хозяйствующих субъектов на данной территории, чтобы, не войдя в противоречие с законами рынка, которым подчиняются действия этих субъектов, обеспечить максимум благополучия общества на этой территории?» Ясно, что законы рынка и региональные интересы накладывают друг на друга определенные ограничения и условия. Противоречия, которые возникают при этом, не могут быть преодолены в самой системе отношений: «рыночная экономика-регион», поэтому в федеративном государстве вырабатываются правовые нормы и механизмы регулирования экономических отношений в этой системе (процедуры и формы регламентации деятельности хозяйствующих субъектов, региональные

налоговые и бюджетные системы, регулирование отношений собственности и т.д.).

2. Общественно-политический аспект характеризуется тем, насколько согласуется действующая на данной территории организация экономики и общества с соблюдением конституционных прав и свобод человека, а также свободы действия хозяйствующих субъектов.

3. Организационно-правовой аспект характеризуется наличием разумно организованных и постоянно корректируемых правовых норм, а также механизмов регулирования экономических отношений в системе “свободная экономика – территориальная организация общества”.

При достаточно глубокой проработке этих трех аспектов в системе отношений: «регион-рынок», выравнивание социально-экономических условий регионов происходит на основе автоматического действия рынка. Так, в США выравнивание регионов произошло на такой основе, хотя там специальной региональной политики не было.

России предстоит еще решить немало проблем (о которых сказано выше), чтобы окончательно перейти на путь автоматического воздействия рынка на выравнивание условий своих регионов. Однако, став на этот путь, необходимо выработать принципы разумного сочетания законов рынка и требований регионального развития. В таблице 1 приводятся функции тех или иных субъектов в рамках отношений: «регион-рынок», которые могли бы стать основой практических действий.

Таблица 1

Организация экономики и обще- ства Уровни управления	ЭКОНОМИКА		Территориальная организация общества
	Государственный сектор	Частный сектор	
1. Государство (федеральный уровень)	- Виды экономической деятельности, обеспечивающие общенациональные интересы и территориальную целостность страны. - Функции управления государственной собственностью. - Поддержка регионального развития. - Правовые нормы и экономические механизмы.	Провозглашение шести (указанных выше) принципов развития частного сектора. Обеспечение соблюдения этих принципов по всей стране. Управление процессом реформы в стране.	Правовое обеспечение процесса реализации принципов свободы личности предпринимательства и свободного развития национально-культурных и духовно-нравственных ценностей народов, образующих данную территориальную общность. Соблюдение принципов федерализма и территориальной целостности страны. Непрерывный мониторинг уровня безопасности страны.
2. Субъект Федерации	- Управление собственностью субъекта. - Самостоятельное решение проблем регионального развития. - Развитие производственной и социальной инфраструктуры. - Поддержка территорий на муниципальном уровне.	Обеспечение реализации принципов развития частного сектора. Создание условий для развития частного сектора. Бюджетно-налоговые отношения.	Регламентация хозяйственной деятельности в соответствии с интересами региона. Обеспечение социально-экономической, экологической безопасности региона. Обеспечение свободного развития национально-культурных и духовно-нравственных ценностей народов региона. Соблюдение принципов федерализма и принципов разделения функций субъекта федерации и местного самоуправления.
3. Местное самоуправление.	Поддержка видов деятельности представляющих государственный интерес. Развитие общественного транспорта, дорожной сети, сети связи и коммуникаций. Обновление инфраструктуры	Развитие малого и среднего предпринимательства. Размещение выгодных производств. Воздействие на процессы реорганизации производственного потенциала.	Влияние на процессы занятости населения. Упорядочение землепользования, природопользования, бюджетно-налоговых отношений, взаимоотношения с хозяйствующими субъектами. Использование ресурсов (чем располагает местная власть) исключительно в интересах развития данного места. Организация общества как часть территориальной общности субъекта федерации.
4. Хозяйствующий субъект	Исполнение государственных заказов.	Свобода предпринимательства. Беспрепятственное движение капитала, товаров и труда.	Взаимодействие с региональными властными структурами. Регламентация хозяйственной деятельности в интересах региона. Содействие развитию региона.
5. Человек	Соблюдение конституционных прав и свобод независимо от места работы.	Соблюдение конституционных прав и свобод независимо от мест жительства. Свобода предпринимательства. Удовлетворение материальных и духовных потребностей.	Критерий эффективности территориальной организации общества: - нежелание человека менять свое место жительства; - свободное развитие национально-культурных и духовно-нравственных ценностей каждого человека; - реализация принципа индивидуальной, экономической достаточности для развития указанных ценностей

Интересы перечисленных субъектов рассматриваемых отношений переплетаются, как в разрезе взаимодействий по уровням управления, так и в системе отношений «рынок-регион» и интегрируются в блоке, стоящем на пересечении последних строки и столбца таблицы, во имя удовлетворения которых выстраиваются все остальные взаимосвязанные и взаимодействующие блоки.

Этот основной узел таблицы достигим только в такой системе, где высшей ценностью является (см. последнюю строку) свобода личности, основанная на институте частной собственности. Превосходство такой системы еще раз доказано на примере конкурирующих экспериментов, проделанных над одними и теми же народами (немцами, корейцами), и давших в абсолютно одинаковой этнической среде совершенно противоположные результаты.

Как указано в работе [32] «и рыночная экономика, и реальный федерализм, и местное самоуправление – явления, соединимые лишь в особом режиме... Именно здесь неизбежно появление взаимозащитительных формул отказа от неограниченности действий и признание справедливости ограничений».

Согласование принципов отношений «рынок-регион» мы уподобляем системе орошения полей, где неограниченный полив (ничем неограниченное действие рынка) конкретного земельного участка (в регионе) может загубить урожай и привести к засолению почвы (может войти в противоречие с интересами регионального развития). И, наоборот, если чрезмерно ограничивать полив (действие рынка), то необходимого урожая не будет (развитие региона замедлится). Речь идет о том, когда и сколько воды надо подавать на каждый участок земли с учетом состояния на данный момент почвы, чтобы получить максимум урожая. Иными словами, как и какую выстроить систему ограничений в действиях рынка на данной территории, с учетом состояния на данный момент его готовности к рыночным условиям, чтобы эти действия максимально служили интересам территориальной организации общества.

Эту задачу можно формализовать и выстроить имитационную модель процесса развития системы отношений: «регион-рынок» с использованием аппарата нечетких множеств и нечеткой логики (наподобие модели Главы I раздела 4 данной книги). В основе такой абстрактной модели лежит рассмотренное впервые в монографии автора [16] понятие нечетких алгоритмических алгебр и алгебр параллельных процессов. Процесс развития системы «регион-рынок» рассматривается как взаимодействие двух структур: операционной и управляющей. Операционная структура (ОС) отражает информацию о состоянии региона, которая в виде наборов значений логических условий поступает на вход управляющей структуры (УС). Множество состояний ОС представляет из себя нечеткое множество (отражающее готовность экономической структуры региона к условиям рынка, например, насколько отработаны такие аспекты проблемы, как отношения собственности, земельные и природопользовательские, бюджетно-налоговые, территориально-хозяйственные, система государственной поддержки региона и т.д.), а логические условия являются элементами многозначной логики и отражают степень принадлежности данного конкретного состояния ОС нечеткому множеству, характеризующему развитие указанных отношений. УС обобщает средства выработки соответствующих преобразований указанных состояний ОС для поддержания функционирования экономики региона в зоне допустимых отклонений. УС выдает последовательность операторов (мер, мероприятий, конкретных действий, актов и т.д.), поступающих на вход ОС. Взаимодействие такого рода может быть формализовано средствами нечетких алгоритмических алгебр, как особого рода математических моделей, предназначенных для описания экономических процессов не только детерминированных, но и стохастических.

Структурная схема имитационной системы оценки эффективности взаимодействия «регион-рынок» приводится ниже. Здесь мы используем методику структурно-алгоритмического анализа систем, рассмотренную в указанной работе автора. Сначала определяется общая методика выявления

цели системы и ее подсистем.

Анализ системы (подсистемы) начинается с ее системного описания, которое разделяется нами на три направления:

- 1) аспектное;
- 2) уровневое;
- 3) временное.

В первом случае при анализе системы (подсистемы) должны быть рассмотрены следующие аспекты: целевой, ресурсный, отраслевой, продуктовый, социальный, экологический, финансовый, научно-технический, административно-хозяйственный, управленческий, структурный, общественно-политический и т.д.

В случае уровневого описания системы (подсистемы) должны быть рассмотрены межгосударственный, государственный, субъекта федерации и человека уровни.

Третье направление охватывает временной горизонт развития системы:

- долгосрочный – 10-20 лет;
- среднесрочный – 5-7 лет;
- краткосрочный – 1-2 года.

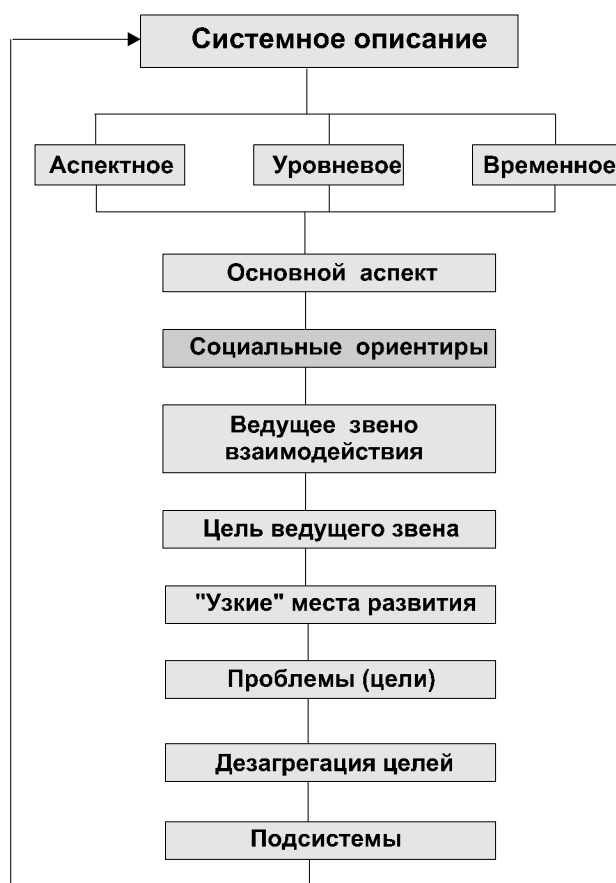
Несущей конструкцией и содержанием анализа и прогноза развития системы «регион-рынок» является ее аспектное описание. Кроме того, аспекты взаимодействия ее подсистем формируют типы проблем и целевых программ. В указанном перечне аспектов должен быть выделен основной аспект, который выступает связующей экономической основой других аспектов. В социально-экономических системах в качестве такого аспекта может выступить социальный. Тогда естественным продолжением такой цепочки будет выбор социальных ориентиров, через связи которых друг с другом многообразными экономическими характеристиками и измерениями можно охватить почти все другие аспекты взаимодействия.

Следующим этапом после определения социальных ориентиров является выделение ведущего звена взаимодействия, «ухватившись» за которое можно

«тянуть всю цепь» в направлении пропорционального экономического роста региона и определять основу выбора направлений и средств экономической, структурной и научно-технической политики развития региона. После выделения ведущего звена взаимодействия определяется цель этого звена.

Ответ на вопрос: «как достигнуть цели ведущего звена?» должен содержать этап определения «узких» мест в развитии исследуемой системы «регион-рынок». На основе определения «узких» мест формируется цепь проблем, реализация которых приведет к достижению сформулированной цели.

После этого можно приступить к построению автоматизированной имитационной модели (АИМ) развития «регион-рынок». В АИМ все элементы сложной системы должны описываться единообразно в виде некоторого модуля, в качестве которого необходимо выбрать динамическую систему, охватывающую как детерминированные, так и стохастические объекты. А схема сопряжения, содержащая множество контактов всех элементов системы, и операторы сопряжения на всех уровнях должны быть приведены к стандартному виду.

Реальные элементы системы обычно описываются математическими схемами, в общем случае отличающимися от выбранного модуля, в связи с чем следует предусмотреть возможность автоматического преобразования математических моделей элементов к виду, определяемому выбранным модулем. Поэтому существенным в построении АИМ является выбор модуля для описания элементов системы. В отличие от работы [33], где в качестве модуля для АИМ выбирается кусочно-линейный агрегат, нами в таком качестве выбирается абстрактная модель взаимодействия операционной и управляющей структур, описываемая средствами нечетких алгоритмических алгебр (назовем это R-моделью), для которой имеется возможность автоматического преобразования как дискретного преобразователя так и вероятностного автомата к виду, определяемому R-моделью. Примеры выбора конечных и вероятностных автоматов в качестве модуля для имитационной модели в экономике известны [34]. Поэтому интерес представляет выбор в качестве модуля R-модели, которая охватывает как детерминированные, так и вероятностные автоматы. Взяв R-модель в качестве модуля для АИМ, дальше АИМ можно построить в соответствии с методологией, предложенной в [19], где АИМ выступает в роли испытательного полигона, на котором проверяется эффективность управления объектом.

В направлении развития методов применения АИМ в управлении процессами нами предлагается включение имитационной модели объекта в контур обратной связи системы управления объектом по типу адаптивной системы с идентификатором (АСИ) [23]. В отличие от автоматической АСИ, строящаяся нами АСИ будет автоматизированной, так как в уточнении модели объекта и выработке управляющих воздействий на объект в режиме диалога с компьютером будет принимать непосредственное участие лицо, принимающее решение (ЛПР). Принципиальная схема автоматизированной АСИ приведена в Главе I разд.3 данной книги.

В оперативном идентификаторе на этой схеме происходит уточнение модели объекта и дальше отслеживание «поведения» системы.

В рамках такого оперативного отслеживания «поведения» системы можно осуществлять мониторинг уровня безопасности региона, который охватывает комплексную оценку:

- экономического потенциала (производственного, ресурсно-сырьевого, инфраструктурного, инновационного, потребительского, интеллектуального, институционального потенциалов);
- степени адаптированности экономической структуры региона рыночным условиям;
- экологического состояния и уровня экологической безопасности;
- состояния межнациональных отношений в регионе;
- общественно-политической ситуации;
- степени влияния на общество центробежных и национал-сепаратистских сил;
- степени регионализации власти, права, хозяйственных функций государства и т.д.
- уровня социальной напряженности;
- криминогенной обстановки и уровня коррупции и преступности в регионе;
- степени дифференциации в доходах населения;
- состояния в целом общества на данной территории;
- уровня информатизации общества и информационной безопасности;
- уровня готовности региона к чрезвычайным ситуациям и т.д.

3. Основные принципы организации системы «регион-рынок»

1. Принцип достаточности экономико-географических границ

В согласовании принципов в системе: «регион-рынок» возникает вопрос: в каких экономико-географических границах наиболее эффективно могут быть использованы основные инструменты рыночного регулирования? Пороговые значения размеров подавляющего большинства нынешних субъектов фе-

дерации недостаточны для эффективного функционирования институтов рынка, что будет видно ниже на примере Северо-Кавказского региона.

Реализация, например, федеративных принципов управления экономикой, сформулированных в [32], предполагает как минимум наличие у региона экономического потенциала, достаточного для самостоятельного регулирования экономических отношений. А у большинства регионов такого потенциала нет, т.к. «субъекты федерации» в СССР (в бывшей РСФСР) создавались совсем не для таких целей.

Инвестиционный потенциал регионов, определяется как совокупность потенциалов:

- производственного (совокупная хозяйственная деятельность региона);
- ресурсно-сырьевого;
- инфраструктурного;
- потребительского;
- институционального;
- интеллектуального;
- инновационного.

В интегральном рейтинге инвестиционного потенциала каждого региона, например, республики, края и области Северного Кавказа занимают следующие места:

- Краснодарский край – 8-е;
- Ставропольский край – 46-е;
- Адыгея – 73-е;
- Карачаево-Черкесия – 78-е;
- Кабардино-Балкария – 68-е;
- Северная Осетия–Алания – 42-е;
- Ингушетия – 75-е;
- Чечня – 79-е;
- Дагестан – 61-е.

Необходимость экономической интеграции этих регионов очевидна, иначе ни один из них (кроме, может быть, Краснодарского края) не удовлетворяет возможностям эффективного использования основных инструментов рыночного регулирования. Более того, целесообразно объединение (естественно на добровольных началах) тех или иных субъектов федерации (как это предлагается нами в предыдущем параграфе) для обеспечения эффективного функционирования институтов рынка и отсюда обеспечения благополучия народов, проживающих на этих территориях.

Образование новой системы субрегионов в России можно было бы начать с объединения регионов, обладающих наименьшими интегральными рейтингами.

Таким образом, одним из главных принципов эффективности системы «регион-рынок» является принцип достаточности экономико-географических границ региона для эффективного функционирования институтов рынка.

2. Принцип трансформации субъекта федерации, как региона.

Иерархия административного деления региона (республика, край, область, район, город) являясь административной, одновременно является промышленно-производственной, торгово-снабженческой, культурно-образовательной и т.д., что и определило советский принцип экономического районирования, о котором сказано выше.

Каждый регион состоит из регионов более низкого ранга (районов) со своими районными центрами-городами. К такому делению пригнано все хозяйство региона – в границах такого деления разрываются дороги, связь, меняется специализация сельского хозяйства, практически вся производственно-хозяйственная и культурно-образовательная сферы, что порождает огромное различие в организации жизнедеятельности. Такая региональная организация общества, образованная соображениями отнюдь не экономическими, в условиях рыночной экономики должна трансформироваться в регион, где принципы экономического районирования определяются законами свободной экономики, а не схемой административного деления страны.

3. Утверждение в регионе системы, где высшей ценностью является свобода личности, основанная на институте частной собственности.

Как отмечено выше, превосходство такой системы еще раз доказано на примере конкурирующих экспериментов, давших в одинаковой этнической среде (у немцев и корейцев, например) совершенно противоположные результаты. Без реализации этого принципа система «регион-рынок» не может быть эффективной.

4. Принцип развития инвестиционной привлекательности.

В развитых странах региональная политика строится в расчете на привлечение в регион инвестиций путем развития инфраструктурного потенциала и «человеческого материала». Добиться того же мы можем, только усилив государственные капитальные вложения в инфраструктуру региона и сферу образования, науки и обеспечения занятости населения. Стабилизация ситуации в регионе связана с тремя факторами: с развитием рыночной инфраструктуры; с реформированием отношений собственности; с экономической, правовой и организационной поддержкой частного предпринимательства.

Насколько учитываются эти три фактора в регионе и насколько придерживаются в регионе вышеуказанному принципу 3, настолько и инвестиционно привлекателен данный регион. Других более важных критериев для потенциального инвестора нет, хотя немалое значение имеют расчеты по инвестиционному потенциалу и риску в регионе.

5. Принцип необходимости прогнозирования региональных последствий федеральной политики и разделения ответственности между федеральными и региональными органами власти и управления за такие последствия.

Сюда входят кроме всего прочего и федеративные принципы управления экономикой, сформулированные в [32] (приводятся в кратком изложении):

– разделение действий, ответственности, ресурсов (регион должен иметь сферу самостоятельного регулирования экономических отношений);

- правовая регламентация (ответственность перед законом в деятельности всех органов и в распоряжении владений, и использовании своей собственности);
- содержание и пределы регулирования (регламентация хозяйственной деятельности в регионе с учетом интересов территориального развития);
- взаимные гарантии (обеспечение сохранности и развития экологических, национально-этнических и иных ценностей);
- предмет регулирования (системное упорядочение отношений собственности, природопользования, (включая землепользование), бюджетно-налоговых отношений, взаимоотношений региона с хозяйствующими субъектами);
- специфика местного хозяйствования (использование имеющихся в распоряжении региональных властей ресурсов только для развития региона);
- пределы коммерциализации (жестко регламентированные правовые ограничения региональных органов власти в части коммерческого использования бюджетных средств и региональной собственности);
- потребности и ресурсы (выбор самообеспеченных и требующих поддержки сверху направлений регионального развития на основе баланса действительных потребностей региона и всей совокупности имеющихся ресурсов);
- межуровневые отношения (признание необходимости единого подхода к организации взаимодействий между региональными уровнями власти и управления в сфере их деятельности, полномочий и компетенции);
- дифференциация режимов хозяйствования (признание природно-климатических, социально-экономических, национально-этнических и других различий между регионами в качестве предпосылок для развития разных моделей регионального регулирования экономики);
- механизм взаимодействия (взаимодействие всех субъектов экономических отношений в регионе в сфере совместных интересов преимуще-

ственно на основе механизмов делегирования полномочий, доверительного управления собственностью и договорно-согласительных процедур);

– адекватность управленческих структур (соответствие организационно-институциональных структур Федерации и ее субъектов целям системной организации экономических отношений).

6. Принцип сохранения в регионе разумного баланса основных составных частей, определяющих прогресс: экономики, экологии и социального положения людей и их духовного мира.

Современная экономика все еще опирается на принцип неограниченного и ничем не сдерживаемого роста и потребления. Хозяйственная деятельность человека, основанная на этих принципах, приводит, с одной стороны, к разрушению природной среды, выражающееся, например, в нарастании «парникового эффекта» с возможным потеплением климата на Земле, уменьшении озонового слоя, сокращении лесов и истощении почв, разрушении экосистем загрязнением среды химическими и радиоактивными веществами, быстрым сокращении биологического разнообразия и, с другой – беспрецедентному уровню благополучия богатого меньшинства, что не является, как сказано выше, устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху. Достаточно сказать, что на долю 20% наиболее богатой части населения планеты приходится 83% мирового дохода, а на долю остальных 80% населения – 17%, причем на долю 20% беднейшей части населения мира – всего 1,4%. Разрыв между 20% наиболее богатых и 20% беднейших быстро растет (30 : 1 в 1960 году и 60 : 1 в 1990 г.). Этот разрыв еще больше сегодня, что ведет к соответствующему нарастанию социального напряжения как внутри стран, так и особенно между развитыми и развивающимися странами, чреватого глобальным социальным взрывом. Такой финал неизбежен и в регионе, если не обеспечить указанный разумный баланс.

4. Северокавказский регион: экономико-географическая целостность

Рассмотрим Северный Кавказ с позиции эффективности организации системы «регион-рынок» и сформулируем основные критерии эффективности.

1. Экономико-географическая целостность Северного Кавказа с позиции завершенности основных энерго-производственных циклов.

Такая целостность определяется наличием на территории Северного Кавказа подавляющего объема ресурсов и производств для сырьевого и энергетического обеспечения базовых отраслей специализации, а также наличие производства продуктов, обладающих обмениваемостью и позволяющих закупать недостающие ресурсы для его развития в процессе межрегионального обмена. При незавершенности основных энерго-производственных циклов любой регион не может рассматриваться как целостная экономико-географическая система, т.к. темпы его развития задаются темпами и пропорциями развития внешней ресурсной и энергетической базы. С указанной точки зрения целостность рынка отдельно взятого субъекта федерации (республики, края, области) недостаточна.

2. Пороговые значения размеров Северо-Кавказского рынка обеспечивают эффективное использование инструментов экономического регулирования.

Инструменты экономического регулирования имеют свой масштаб эффективного применения по отношению к управляемой системе. Например, инвестиционные банки развития, товарные биржи предполагают масштаб деятельности, достаточный, в первом случае – для формирования значительного ссудного фонда с целью осуществления крупных долгосрочных проектов, а в другом – достаточный для развития конкуренции на товарных и финансовых рынках. Пороговые значения размеров отдельно взятых республик, краев и областей Северного Кавказа также недостаточны для эффективного функционирования указанных институтов.

3. Целостность Северо-Кавказского региона с точки зрения водного баланса.

Для республик, краев и областей с крупными водопотребляющими хозяйственными комплексами наличие практически **полностью контролируемого речного стока** является важнейшим фактором экономико-географической целостности. Распределение стока важнейших рек между несколькими регионами значительно снижает степень их экономико-географической целостности, поскольку ставит темпы и пропорции развития территориального хозяйственного комплекса в полную зависимость от политики водопотребления в смежных регионах. Поскольку масштабы и направления водопотребления непосредственно затрагивают возможности развития определяющих отраслей и существенно воздействуют на социальные условия жизни населения, данные вопросы, как правило, не могут регулироваться через системы разовых соглашений заинтересованных сторон, а требуют непосредственного включения в целостную систему регулирования регионального развития, т.е. в конечном счете **они выступают фактором интеграции в более крупные региональные системы.**

4. Наличие на Северном Кавказе крупных межрегиональных проблем и степень зависимости социально-экономического развития каждого региона от их решения.

Для формирования мощных и эффективных межрегиональных программ, от реализации которых в определяющей мере зависит развитие каждого региона, нужны предпосылки для более глубокой интеграции и развития целостной системы регулирования в межрегиональном масштабе. В качестве таковых выступают: чрезвычайно актуальная для республик, краев и областей Северного Кавказа проблема обеспечения межнационального согласия; экологические проблемы; проблемы развития инфраструктуры; рекреационного комплекса; транспортной артерии; информатизации; проблемы создания единого рынка новых технологий и интеллектуальных услуг и т.д.

Исходя из сформулированных четырех критериев, можно сделать вывод, что системам региональных свободных экономических зон (СЭЗ) соответствует масштаб экономического района, который отличается **экономико-географическим** единством территории, **завершенностью базовых энерго-производственных циклов**, высокой степенью **контроля над использованием водных ресурсов** и достаточной **производственной и финансовой мощью**. Такой **территориально-хозяйственный комплекс** может самостоятельно использовать основные инструменты рыночного регулирования.

С этой точки зрения, представляется перспективной постановка задачи формирования РЕГИОНАЛЬНОЙ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ (РСЭЗ) В ГРАНИЦАХ УКАЗАННЫХ ВЫШЕ СУБРЕГИОНОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА.

Северный Кавказ и предполагаемые субрегионы соответствуют сформулированным критериям возможности развития регионального рынка в рамках РСЭЗ. Хозяйственный комплекс Северного Кавказа отличается высокой степенью завершенности базовых энерго-производственных циклов. **Основу его специализации составляет агропромышленный комплекс**, объединяющий на единой территории все звенья от производства до конечной переработки сельскохозяйственной продукции, а также **рекреационный комплекс**, основанный на природно-климатических условиях и рекреационных ресурсах Черноморского и Каспийского побережий, источниках минеральных вод и горных курортов. Энергетика региона вполне соответствует, и даже отчасти превосходит потребности указанных комплексов, а также отдельных, преимущественно неэнергоёмких производств, не образующих районного производственного комплекса и играющих дополняющую роль (машиностроение, цветная металлургия, химия и т.д.). В то же время имеются потенциальные возможности расширения энергетической базы на основе дальнейшей разработки гидроэнергоресурсов, а также нефтяных месторождений в республиках и развития малой гидроэнергетики в горных районах.

Следовательно, Северо-Кавказский регион обладает **энерго-сырьевой базой** для развития отраслей специализации, прежде всего агропромышленного и рекреационного комплексов. С другой стороны, основная продукция, производимая регионом, обладает **свойством безусловной обмениваемости на любые товарные ресурсы** на межрегиональном российском рынке, поскольку представляет товары народного потребления продовольственной группы. Иными словами, **рассматриваемый регион обладает своего рода «внутренней валютой первой категории»**, что практически гарантирует ему обеспечение любыми ресурсами пропорционально росту объема производства в рамках межрегионального обмена. С учетом появившейся возможности реализовать сельскохозяйственную продукцию на внутреннем рынке за свободно конвертируемую валюту рост производства базовых отраслей региона представляется еще менее зависимым от внешнего ресурсного обеспечения.

Наличие **собственной энерго-сырьевой базы**, достаточной для развития базового хозяйственного комплекса региона, а также высокая ценность его основной продукции на российском рынке создает **основу экономической самостоятельности, т.е. возможность самостоятельного регулирования темпов и пропорций развития хозяйственного комплекса региона независимо от внешних поставщиков ресурсов**. В условиях высокой рыночной ценности основной продукции данная сбалансированность может быть обеспечена на основе автоматического действия законов рынка.

Целостность регионального производственного комплекса Северного Кавказа определяется также относительной замкнутостью водного баланса. Он полностью включает сток Дона и Кубани, а также, отчасти, Терека. Кроме того, интегрирующим фактором регионального хозяйственного комплекса является **использование Дона и Кубани, как важнейших транспортных артерий, имеющих выход к Черному морю, что придает целостность транспортному комплексу региона** и обеспечивает меньшую зависимость Северо-Кавказского района от работы железнодорожных коммуникаций.

Наконец, важнейшей предпосылкой формирования региональной СЭЗ в рамках Северного Кавказа является наличие производства экспортных товаров и оказание услуг за иностранную валюту, особенно с учетом потенциальных возможностей. Прежде всего, это касается использования рекреационных возможностей региона в части освоения Каспийского побережья и горных курортов с активным привлечением иностранного капитала и ведущих зарубежных фирм в области организации туризма.

Разумеется, экономико-географическое обоснование требует специального исследования с точки зрения потенциальных возможностей комплексного использования всех ресурсов региона, а также с точки зрения его внутренней целостности, в частности экономических отношений между «степным» Севером и «горным» Югом, существенно различающихся по природным условиям, отраслевой структуре хозяйства, системе расселения и национальному составу населения. Однако уже на данном этапе можно с достаточной степенью уверенности утверждать о больших потенциальных возможностях развития РСЭЗ в указанном регионе.

Было бы целесообразно выделить в ряде стран территории, устойчивое развитие которых имеет особое значение как в национальном, так и в международном плане, чтобы движение по пути устойчивого развития шло, хотя бы на примере отдельных регионов. Они могли бы стать модельными образцами устойчивого развития. В частности, было предложение для этих целей объявить Байкальский регион территорией устойчивого развития, находящейся в сфере особого внимания государства и ООН.

Отмечая особую необходимость сохранения Байкала, хотел бы дополнить такое предложение территориями, неустойчивость в развитии которых может поставить Россию в опасное положение, а международному сообществу создать серьезные проблемы.

В связи с этим, учитывая особое для России геополитическое и геоэкономическое значение Северного Кавказа и последствия войны в Чечне, превращение этого региона в зону устойчивого развития обретает

общероссийское значение, а для мирового сообщества – становится гарантом стабильности России. Кроме того, Кавказ, особенно Центральный и Западный Кавказ, служат центром биоразнообразия Европы и всей Северной Палеарктики, сохранение которого является важнейшей задачей не только России, но и международного сообщества.

Поэтому целесообразно объявить Северный Кавказ территорией устойчивого развития, находящейся в сфере особого внимания России и ООН.

5. О едином экономическом пространстве Северного Кавказа

Процесс регионализации управления приводит к углублению разрыва экономического пространства на части в границах административного деления Северного Кавказа (в границах республик, краев и областей). Превращение этого региона в единое экономическое пространство (не обязательно означающее изменение административных границ нынешних субъектов федерации) предполагает:

- изменения существующего единства административного и экономического районирования Северного Кавказа (необходимого и для других экономико-географических районов России);
- углубления интеграционных процессов республик, краев и областей Северного Кавказа;
- выработки новой концепции экономической интеграции и определения сути и цели интеграции республик, краев и областей Северного Кавказа.

Одним из препятствий в создании единого северо-кавказского экономического пространства является проявляемая региональными и национальными элитами осторожность в принятии радикальных решений из-за боязни потерять в предстоящей интеграции и реструктуризации свой статус и свое положение.

Нет другого пути у народов, населяющих Северный Кавказ, к выживанию, кроме реального движения в сторону адаптации к мировому рынку, а значит создания единого северокавказского экономического

пространства, в рамках которого и только в этих рамках может быть эффективен комплекс отношений «регион-рынок».

Будущее «малых» народов не столько в «абсолютном суверенитете», сколько в достойном экономическом и экологическом обеспечении жизни этих народов. Но такое обеспечение невозможно реализовать в границах одной республики (области). Экономическая «независимость», к которой якобы ведут свои народы региональные и национальные элиты, – не более чем популистские заявления, которые в долговременной перспективе приведут к экономической автаркии и региональным конфликтам. В сегодняшнем (и тем более в будущем) мире нет и не будет экономически независимых не только «малых» народов, но и великих стран, образованных великими нациями. Об этом сказано выше. Единственный путь к выживанию народов Северного Кавказа – в интеграции экономического потенциала всех этих народов. Необходимо осознать, что с каждым годом будет возрастать степень зависимости социально-экономического развития каждой республики и области, каждого края Северного Кавказа от решения крупных межрегиональных проблем и общих для всех задач в условиях надвигающейся экологической (как отмечено в главе I) катастрофы.

Каковы эти проблемы, в решении которых крайне заинтересованы все республики, края и области Северного Кавказа, и интегрирующие факторы, способствующие созданию единого северокавказского экономического пространства?

1. Создание и развитие северокавказской транспортной артерии с выходом на «внешний мир», а также к Черному и Каспийскому морям, позволяющей избежать разрушительных последствий возможной блокады железной и автомобильной дороги и сохранить экономическую безопасность каждого субъекта. Необходимость в такой транспортной системе особенно остро возникла в связи с последствиями Чеченской войны, когда Дагестан практически был отрезан от других северокавказских субъектов, что было связано с большими потерями в экономике.

Создание единой системы грузоперевозок и грузопереработки (с мощными региональными терминальными комплексами, где сосредоточены все виды грузоперевозок: автомобильных, железнодорожных и воздушных) на основе единой информационной системы, единого грузосопроводительного документооборота и единых высокоэффективных технологий, а также перестройка всей инфраструктуры грузоперевозок (стык магистрального транспорта и транспорта подвоза-развоза грузов).

2. Создание единой системы водопотребления и контролируемого речного стока, непосредственно включенного в целостную систему регулирования развития северокавказского региона.

3. Создание единой северокавказской энергетической системы, обеспечивающей энергетическую безопасность каждой республике, области и каждому краю при любых воздействиях как извне, так и изнутри на энергетическую систему этих субъектов федерации.

4. Создание единой северокавказской системы обеспечения экологической безопасности региона. Разработка системы экономических льгот для тех субъектов, которые размещают у себя экологически “грязное” производство.

5. Создание инфраструктуры единого рынка и инвестиционного банка развития Северного Кавказа.

6. Создание единой северокавказской информационной сети и банка социально-экономической, коммерческой, научно-технической, технологической информации для всех республик, краев и областей Северного Кавказа. Создание единого банка данных занятости населения по всему Северному Кавказу.

7. Создание единой системы рекреационного хозяйства, единых туристических маршрутов, совместное освоение рекреационных ресурсов, и комплексное рекреационное освоение межгорных котловин.

Совместное решение следующих научных и практических задач:

– ретроспективный социально-экономический анализ природопользования (хозяйственное освоение территорий в будущем, размещение населения, экономические связи с системами других поясов и долин, памятники истории, культуры и др.);

– оценка природных ресурсов Северного Кавказа (климатических, водных, почвенно-растительных) при решении задач развития аграрного сектора экономики для обеспечения рекреационных объектов;

– анализ особенностей рельефа котловин для размещения рекреационных объектов, строительства коммуникаций, размещения объектов сельскохозяйственного производства и т.д.;

– анализ наиболее перспективных направлений комплексного развития хозяйства и социально-экономическая оценка рекреационного потенциала.

8. Создание единой образовательной системы. Выработка единой политики подготовки кадров для всего хозяйства Северного Кавказа.

9. Создание северокавказского рынка новых технологий, научно-технической продукции и интеллектуальных услуг.

Глубокий кризис экономики, объективные сложности перехода к рынку и политическая нестабильность не могут не отразиться на экономике регионов, в т.ч. республик, краев и областей Северного Кавказа. С каждым днем необходимость решения сиюминутных частных экономических задач из-за нарастания остроты социальных проблем отодвигает на второй план меры серьезного экономического возрождения, которые должны быть основаны на применении новейших научных и технологических достижений.

Процесс разгосударствления собственности, приватизации и другие меры переходного периода вызвал распад многих научных и научно-технических коллективов. Вместе с тем развивается (хотя и медленно) другой процесс – создание альтернативных инновационных структур. Этот процесс отражает тот факт, что происходит осознание необходимости объединения усилий производственных, кредитно-финансовых и научных структур для экономического выживания путем совместного освоения новейших технологий.

Процесс перехода к новой экономической модели займет жизнь целого поколения. Поэтому для нас не в меньшей, а, может, в большей степени, важно преодолеть, начав уже сегодня, технологическую, инфраструктурную и прочую отсталость, включая неадекватный уровень подготовки кадров, который завтра станет существенным тормозящим фактором вхождения в реальный рынок.

Сегодня уже все осознали, что научно-технический прогресс превращается в определяющий фактор экономического роста. В стране рано или поздно начнет формироваться рынок научно-технической продукции и интеллектуальных услуг, как в развитых странах. В этот рынок эффективно войдет тот регион, который уже сегодня начнет преодолевать технологическую и инфраструктурную отсталость. Для этих целей в настоящее время, когда заинтересованность предприятий в использовании достижений НТП минимальна (действует принцип: «не до науки, лишь бы выжить»), а значит ослаблено реальное движение в сторону адаптации к мировому рынку, необходимо создание новых региональных организационно-экономических структур, формирующих рынок товаров и услуг.

Речь идет о создании республиканских, краевых и областных технологических рынков, которые в силу ограниченной возможности научно-технических потенциалов этих республик, краев и областей должны будут выйти за пределы своих территорий и объединяться в общий Северо-Кавказский рынок технологий, призванных активно содействовать социально-экономическим преобразованиям республик, краев и областей. Необходимо объединение научно-технических потенциалов республик, краев и областей Северного Кавказа в целях совместного выхода на рынки других стран, а также усиление по всему региону ориентации на конкретные, не имеющие аналогов новые технологии и виды продукции, что вызовет интенсивное обновление номенклатуры изделий и повысит коммерческую отдачу от реализации результатов НИОКР.

Целесообразно создать Северо-Кавказский фонд науки и технологического развития. Из этого фонда основной формой финансирования

НИОКР должна стать система грантов и контрактов с последующим расформированием временных научных коллективов по завершению работ и переоценкой приоритетов в научных исследованиях. Нужно расширить кооперационные связи между крупными корпорациями (предприятиями) Северного Кавказа, заинтересованными в однотипных новых технологиях и изделиях, что ведет к сокращению параллелизма по региону и сроков разработки. Необходимо наладить связи НИИ и ВУЗов со средними и мелкими фирмами и изменить форму поддержки инновационной деятельности: нужно прямое финансирование, льготная кредитная, налоговая и ценовая политика.

Важным элементом региональной северокавказской экономической политики должна стать всемерная поддержка мелких и средних фирм, занимающихся НИОКР. В передовых странах эта цель реализуется созданием инкубаторов бизнеса и технопарков. Основное их назначение – поддержка новых фирм. Технопарки концентрируют усилия на передаче передовых технологий предприятиям, а инкубаторы бизнеса – на создании новых фирм. Они взаимодействуют с мелкими и средними предприятиями региона и берут на себя функции информационных и консультационных центров, а также центров технических услуг (коммуникации, административные услуги) и передачи технологий.

Промышленные предприятия, научные организации, ученые Северного Кавказа, объединяя усилия образуют на территориальной основе научно-технические комплексы (технопарки), деятельность которых ускоряет процессы разработки и освоения новшеств во много раз. Технопарки обычно создаются, как акционерные компании, которые сами создают небольшие предприятия (инкубаторы бизнеса) для первичного внедрения достижения науки и техники и передают затем действующим предприятиям отработанную технологию.

Они оказывают услуги в области маркетинга, материально-технического снабжения и сбыта, налаживают научные и производственные контакты с зарубежными организациями. Менеджеры технопарка, работая с индивидуальными фирмами, будут вовлекать в сферу своей деятельности

многие предприятия региона, что будет способствовать возникновению синергетического эффекта в экономике Северного Кавказа.

Только во взаимодействии фирм, предприятий с окружающим единым региональным экономическим пространством вместе с технопарками и региональными органами власти и управления можно формировать мощную северокавказскую информационно-инновационную сеть. В ней технопарки будут занимать центральное место. В эту сеть инновационной и хозяйственной деятельности должны быть вовлечены предпринимательские структуры, кредитно-финансовые учреждения, фонды рискованного капитала, а также органы управления. Наряду с функцией стимулирования научного и технологического развития, технопарки на первое место в своей деятельности будут ставить и предпринимательский аспект. Для технопарка новая технология не самоцель, для него важно успешное экономическое развитие фирм и предприятий.

В ходе разработки и реализации рыночной стратегии используются также следующие функции технологического менеджмента:

1. Инвентаризация технологических ресурсов (под технологией имеется в виду не только новейшие производственные технологии, но и информационные);
2. Формирование фонда коммерчески перспективных технологических ресурсов;
3. Оптимизация использования технологических ресурсов;
4. Непрерывное пополнение указанного фонда;
5. Обеспечение информационной безопасности (защита технологического достояния);
6. Слежение за изменениями в пространстве новейших технологий.

Однако успех во всем этом будет зависеть от хода политических и экономических реформ в республиках, краях и областях Северного Кавказа.

Глубокая экономическая интеграция республик, краев и областей крайне необходима всем народам, населяющим Северный Кавказ. Эти народы так переплетены и расселены на всем северокавказском пространстве, что друг без

друга им не обойтись: казаки, например, компактно проживают вместе со всеми народами, начиная от Черного и Азовского морей до Каспийского моря, адыги (черкесы) компактно проживают в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и в этих же регионах – с карачаевцами, балкарцами, абазинами, ногайцами, осетинами.

Именно такое расселение народов Северного Кавказа делает объективно необходимым превращение северокавказского региона в единое экономическое пространство. Наличие этих факторов, в случае перехода России к новой системе субрегионов, делает вполне вероятным образование нового субрегиона в составе Краснодар, Ставрополя, Майкопа, Черкесска, Нальчика и Владикавказа, образующего единое экономическое пространство.

ГЛАВА IV. НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

1. Национальный вопрос в России

...но крепок оказался этот орешек (нация) для жерновов интернационализма. Вперерез марксизму явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями? И в этом гранении на нации – не одно ль из лучших богатств человечества? И – надо ли это стирать? И – можно ли это стереть?

А. Солженицын

Национальный вопрос для России есть главный, определяющий, решающий, от которого зависят судьбы населяющих ее народов. Как сказал А.И. Солженицын, нашу страну очень легко поджечь национальной ненавистью, она почти наготове к этому самовоспламенению, и поэтому наши заботы должны быть направлены к тому, чтобы острейшую эту проблему, особенно острую в России, не допустить до взрыва. Когда эти слова говорил писатель, еще не было в 90-х годах Чеченской войны. И те, по вине которых разразилась эта война, не слышали (скорее всего не хотели слышать) эти слова. Из всех аспектов, рассматриваемых в книге, национальный аспект устойчивого развития является самым главным, самым определяющим. Для любого народа, особенно малочисленного, наиважнейшей является проблема своего сохранения. «Малые» народы в решении этой проблемы уступают более многочисленным народам по формально-количественному потенциалу и с точки зрения экономических, социоимущественных и политико-социокультурных возможностей, а также отсутствием зачастую условий для культурно-исторического воспроизводства и хозяйственного самообеспечения.

Вместе с тем, историческая дееспособность национальных меньшинств во многом определяется их прошлым и настоящим, а также по тому, как в «настоящем» строится отношение между крупными нациями и этими

национальными меньшинствами. Мировая практика еще не выработала четкие принципы регулирования отношений между большими и малыми народами, живущими в одном государстве. Поэтому исторических примеров принудительной национальной политики немало. А примеров трагических последствий такой политики, не говоря уже о других странах, в России (СССР) достаточно.

Обратимся к недавней истории.

Принудительная национальная политика в многонациональном СССР (как и во всех многонациональных странах) с централизованной системой управления имеет экономическую основу. Планирование экономики в масштабах огромной страны означало одно: небольшая группа (руководство КПСС) силой навязывает всем народам с совершенно различными идеалами и ценностями тот уровень жизни и те виды занятости, которые те, кто планируют, считают подходящими для этих народов.

Проявленное за все эти годы полное пренебрежение к идеалам и стремлениям малочисленных этносов не только признак особой порочности планирующей группы: на деле это неизбежное следствие поставленной ею перед собой задачи – создание централизованного хозяйства («Все общество будет одной конторой и одной фабрикой...». В.И. Ленин, 1917 г.) на огромной территории и одного единственного народа-нации: советского. Любые виды территориального планирования, известные у нас под названием «развитие Севера», «размещение производительных сил и освоение природных ресурсов в национальных окраинах» и т.д., влекут за собой навязывание тем, кому мы пытаемся помочь (национальным меньшинствам), определенных идеалов и ценностей. Объективно при этом происходит так, что эти идеалы и ценности не могут не принадлежать в большей степени главенствующей крупной нации.

Как было сказано выше, каждый исторический этап развития человечества характеризуется выдвижением на авансцену всемирного процесса великих наций, главенствующих в развитии цивилизации. Этот процесс низвергает с пьедестала величия то одних, то других, одновременно выдвигая

на следующих исторических этапах все новых и новых нации-лидеров, которые подхватывают эстафету всемирного прогресса. Далеко нам до научного ответа на многие вопросы, которые перед нами ставит этот глобальный процесс: В частности, на самый важный вопрос: сможет ли человечество найти общее согласие в создании общепланетарной стратегии выживания в условиях указанного выше надвигающегося экологического кризиса, отбросив (всеми государствами) политические, экономические и военные разногласия? Первые шаги в этом направлении все же делаются. В частности, на указанной выше Конференции в Рио-де-Жанейро принятием «Повестки дня на XXI век» сделан шаг. Однако говорить об общем согласии еще рано.

Природа падений и выдвижений наций-лидеров кроется в одной закономерности, которая действует в человеческом обществе практически и по настоящее время и, которая переводит как большие, так и небольшие нации все время в неустойчивое состояние. Такая закономерность выражается в сравнении человечества, как это делает Г. Хардин [35], с обитателями нескольких спасательных шлюпок (что приравнивается богатым странам – великим нациям), затерянных в океане и окруженных многочисленным тонущим населением бедных стран (малых народов). Так как вместимость шлюпок жестко ограничена, помогают лишь тем, кого можно взять на борт без угрозы жизни уже сидящих в лодках. Жестокость этого принципа очевидна, но кто считает такой принцип безнравственным, пусть уступит плавающему в океане свое место. Вот закон, который и по сей день действует в мировом сообществе. И вот почему еще рано говорить об общем согласии в мире. Но все же человечество и страны близки к осознанию, что этот закон не может привести к устойчивому «плаванию» этих спасательных шлюпок (богатых стран–великих наций) и, более того, этот закон может в конечном итоге привести к затоплению лодок вместе с пассажирами.

Поэтому, пока мы не «тонем», надо думать не о том, как попасть в такой ситуации в шлюпки, а как не допустить такую ситуацию и обеспечить «живучесть судна», где мы сейчас находимся, т.е. планеты.

В этом контексте нас больше всего интересует какое место в глобальном процессе будет занимать Россия и к какой организации общества мы должны стремиться, чтобы Россия заняла одно из лидирующих положений во всемирном прогрессе и какая возможна в российских условиях? Об особенностях России говорят много, но в чем их суть – нет еще полной ясности.

Вот слова Чаадаева П.Я. по этому поводу: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилась» [36].

Ответ на неудачи и странном пренебрежении (в замыслах Провидения – по Чаадаеву П.Я.) судьбой великого народа он находит в тайном предназначении России – трудной мессианской роли [37]. Он формулирует по другому идею Одоевского о превосходстве «свежего народа» как преимущество отставших народов, к которым относит и российский. С гипотезой о преимуществе отставших народов соглашался и К.Маркс. Славянофилы увидели в этой мысли указание на мессианское призвание России. На этой мысли разошлись дороги славянофилов и западников, которые и в начале XXI века не могут сойтись на определении путей развития России.

Однако, как нам представляется, следует все же вернуться к идее «преимущества отставших народов». Преимущество отставшей России как раз и состоит в том, что она имеет возможность (т.к. она сегодня в начале пути) в отличие от развитых стран, выбрать другой путь. И этот новый путь должен быть основан на выработке новых теорий (экономических, национальных и т.д.). Существующие экономические системы и взгляды на национальные вопросы в России не соответствуют требованиям устойчивости страны.

Необходимо стимулировать разработку новых парадигм экономической теории, а также теории национальных отношений, которые учитывали бы, в первом случае – тупиковость (на долговременную перспективу) нынешней модели экономического процветания развитых стран и во втором – опасность

как для России, так и для мирового сообщества продолжения ныне существующей парадигмы национальных отношений. Так, мировое сообщество сегодня осознало: чтобы выжить, необходимо сохранить биоразнообразие. Но, как это ни парадоксально, человечество еще не дошло до осознания необходимости сохранения этнического разнообразия и разнообразия национальных культур в такой же степени, в какой необходимо сохранить биоразнообразие. Это ярко проявляется в том, что до настоящего времени в мире не выработаны соглашения по регулированию отношений между крупными нациями и национальными меньшинствами, расселенными на территории единого государства.

Можно считать Россию ставшей на путь устойчивого развития только тогда, когда будет решен национальный вопрос в стране. Этот вопрос важнее других для России.

В сохранении малых народов и их развитии существенную роль играет путь, избираемый Россией в решении национального вопроса. В этом вопросе мы исходим из того, что сохранение ныне существующей национальной политики (скорее всего ее отсутствие) приведет Россию к историческому тупику. Еще не осознано, что российское общество уже стоит на пороге перехода к принципиально иной, отличной от существующих взглядов и представлений, форме взаимоотношений наций и народностей. У России, мы считаем, хватит мудрости перешагнуть этот порог, и она перейдет на подлинный федерализм, что сохранит ее как единое государство. И с другой стороны, у малых народов тоже хватит мудрости, осознать, что в диалоге культур внутри единого государства, как и во взаимоотношениях между странами, существует один закон: сильные цивилизации бросают вызов остальному миру, а ответы на этот вызов зависят в конечном итоге от творческих возможностей той или иной культуры более слабых. В этом процессе универсальных стратегий не бывает. Ответом на такой вызов для малых народов может быть выбор одного из двух путей: либо вернуться к традициям предков и не «пускать» сюда никаких элементов чужой культуры,

либо трезво, признав превосходство навязываемых идеалов и ценностей, идя на компромиссы и маневры, стремиться сохранить какие-то элементы традиционной культуры, религию и т.д.

Выбор этих путей предстоит и для самой России. Как отмечено в работе [38], история цивилизаций показала, что оба ответа обречены перед лицом вызова сильной цивилизации. Первый ответ не может избежать печальной участи самоуничтожения, а второй, нося подражательный характер, в лучшем случае может повторить элементы копируемого общества. Но это длительный процесс. Попытка ускорения этого процесса обречена на неудачу. Процесс исчезновения малочисленных народов не подлежит ускорению. СССР тому пример. Национальный вопрос, считавшийся в СССР решенным, наоборот, был загнан в угол идеологического примитивизма, суть которого в том, что отмирание наций неизбежно, а вместо них образуется одна новая социалистическая нация – советский народ. Поэтому не имеет значения, кому какую автономию предоставили и кто в какой республике живет, - все равно эти средние нации скоро исчезнут. И эта глупость считалась вершиной марксистско-ленинской научной мысли по национальному вопросу. Однако есть примеры других ответов на вызов агрессивной культуры – например, Япония. Но и этот ответ не является универсальным, т.к. «научно-техническая революция властной рукой мощных технологий (мощные коммуникации, всемирные информационные системы, спутниковая связь, средства электронного контроля и т.д.) уже очертила новые рамки диалога цивилизаций, в условиях которых облучение сильной культуры становится всепроникающим» [38]. В информационном обществе стратегия изоляции абсурдна.

Сможет ли найти Россия свой достойный ответ на этот вызов? В этом суть сегодняшнего времени как для России, так и для малых народов России.

2. Основные принципы нового подхода к решению национального вопроса

Мы все окажемся в выигрыше, если нам удастся создать мир, в котором будет удобно жить небольшим странам.

Ф.А. Хаейк

Россия окажется в выигрыше, если ей удастся создать новое государство, в котором будет удобно жить «малым» народам.

Известное изречение о том, что умом Россию не понять, олицетворявшее долгое время многосложность и загадочность этой огромной (не только в смысле территориальном, но и охвата множеств народов, живущих на своих исторических землях) страны, не может и сегодня оставаться своеобразной преградой к поиску ответа на извечный вопрос: а что есть Россия? В поисках ответа на этот вопрос надо проявить нам всем, как сказал А.И.Солженицын, «великую мудрость и доброту, приложить все силы разумности и сердечности, чтобы утвердить плодотворную содружность наций и цельность каждой в ней культуры и сохранность каждого в ней языка».

Но где найти эту великую доброту в обществе, непрерывно обманываемом и ожесточенном в постоянном поиске «хлеба насущного»? Где найти эту мудрость и доброту в так называемых «малых» народах, растерявших на пути к созданию единого «советского народа» свою самобытность, культуру, свой язык? Где, наконец, найти эту мудрость и доброту в народе, составляющем сердцевину России, – в русском народе, еще больше обманутом в надежде построить «светлое будущее» для простого русского человека?

И все же эта мудрость и доброта должны исходить, прежде всего, от русского народа, как великого народа, несущего историческую ответственность за судьбы малочисленных народов, некогда присоединенных (кого насильно, а кого добровольно) к России. Но великая мудрость появляется не в один миг, а приходит вместе со страданиями, которыми полна история России. Однако, следует признать, что признаков умудрения, к сожалению, в настоящее время в России немного, особенно в том, что касается решения национального вопроса.

Выдающийся русский философ В.С.Соловьев в своей книге «Национальный вопрос в России» отмечал: «Исполнит ли Россия свою нравственную обязанность – мы предсказать не можем. Одно только мы знаем, наверное: если Россия не выполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины – она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних». Не в этом ли причина отсутствия сегодня у нас прочного успеха и признаков умудрения, что Россия все еще, говоря словами В.С. Соловьева, «не отреклась», «не отказалась» и «не возжелала».

Россия сегодня подошла к той черте (это особенно видно по тем социально-экономическим и национальным событиям, которые сотрясают ее), когда нужна новая стратегия общественного развития, основанная на национальной множественности бытия, новая парадигма национального сосуществования, основанная на отказе, как сказал В.С.Соловьев, от права силы и утверждения приоритета силы права, и на правде об историческом прошлом.

В связи с этим возникает вопрос: готово ли сегодняшнее российское общество понять и принять новую парадигму, которая должна стать неким новым феноменом истории национальных отношений?

Можно утверждать, что в целом наше общество осознает необходимость перехода к новым взглядам и представлениям в национальном вопросе в России. Вместе с тем, от осознания необходимости выработки новых взглядов в национальном вопросе и до перехода к их реализации лежит нелегкий путь. Обществу за это время придется преодолеть в себе много того, что осталось еще от имперского мышления, и выработать новое отношение к прошлому. На этом пути ожидаются препятствия, порождаемые определенными силами, которые можно разделить на три группы.

1. Силы в России, которые разжигают ненависть к другим народам, видя в происходящем в стране беспорядке, сдерживании реформы экономики,

коррупции и разгуле преступности происки врагов, пытающихся извести русский народ и Россию. Это выражается в форме антисемитизма и антипатий к «инородцам», а в последнее время, к так называемым, «лицам кавказской национальности». Любая фобия сегодня опасна для нашего общества. Русофобия же тем опасней, что она во многом способствует порождению сепаратизма и вместе они, усиливая друг друга, могут привести к осложнению межнациональных отношений.

2. Силы, которые склонны навести «порядок» в России с помощью «твердой руки», которая только и может поставить на «путь истины» национальные меньшинства, да и «инородцев», эксплуатирующих и «грабящих» Россию. По их мнению, они и только они могут всех наставить на «путь истины» и только в их руках «абсолютная истина». Следует вспомнить, что в разные времена многое в мире определялось чувством обладания «абсолютной истиной»: осуществление геноцида целых народов, сжигание на кострах инквизиции «инакомыслящих», создание концлагерей и ГУЛАГа и т.д.

Все разновидности этого направления можно было бы объединить определениями «шовинизм», «авторитаризм», имеющими разную окраску: красную, коричневую, националистическую, а также гибридные оттенки.

3. Крайний шовинизм во всех его проявлениях в «больших» нациях и воинствующий национализм в «малых» народах. Самовозвеличивание «большой» нации, равно как и гипертрофированный национализм «малых» народов – это разновидности одной болезни и все они одинаково губительны для России. Процесс внедрения в течение долгих лет всей мощью советской пропаганды в общественное сознание «величия» бывшего СССР, а сегодня – «величия» России, переходящее, как правило, в массовом сознании в самодовольство и самолюбование, не могло не перерасти в головах большинства людей в веру в особую миссию России, которая должна построить для всех окружающих народов «светлое будущее», независимо от того, хотят они этого или нет.

Это не могло также не перерасти в самовозвеличивание нации. Вообще

говоря, это и есть корень нездорового национализма больших народов. Последнее имеет принципиальное отличие от национализма «малых» народов, который проявляется обычно как реакция на национальную дискриминацию, на невозможность реализовать свое право на самоопределение, на нанесенные национально-психологические травмы и т.д. Не разобравшись в каждом конкретном случае в глубоких корнях национализма, проявляющегося то в одном, то в другом регионе России, мы не сможем преодолеть эту болезнь.

Академик А.Яковлев писал («Известия» от 06.08.94 г.) по этому вопросу: «...Государство всегда паразитирует на национальных чувствах. Если сотни миллионов людей во всем мире так или иначе подвержены национализму, значит, он входит в суть человеческой природы, удовлетворяет какие-то нужды и потребности личного и общественного характера. И потому было бы аморально требовать силового «искоренения» национализма. Но можно и нужно сделать все, чтобы помешать перерастанию естественных национальных устремлений в националистические уродства, в ненависть к другим».

К сожалению, как раз не все в этом вопросе делается в России. Важно заметить, что националистические уродства в большей степени проявляются не столько в национальных республиках, сколько в различных гибридах общественных движений России, а зачастую и в высших коридорах власти. Это заставляет всерьез задуматься над вопросом: не перерастет ли это в государственную политику при определенных условиях? Такая тревога небезосновательна, если иметь в виду реализацию огосударствления общественного движения казачества, по сути, означающую противопоставление одних народов другим. Почему огосударствлено только одно общественное движение? После этого удивляемся - почему национальные общественные движения в республиках не в ладу с властью? Политики, чьими руками осуществляется такое противостояние (особенно на Северном Кавказе), либо ничего не видят, либо сознательно работают на ослабление и развал России.

Признаками, свидетельствующими о необходимости новой парадигмы

национальных отношений, являются появление в обществе национальных проблем, разрешение которых невозможно в рамках существующих теорий, объясняющих этнополитическую, этносоциальную и этнокультурную природу этих проблем.

Сегодня в России таких признаков множество. Основные этноконфликтные зоны России четко вырисовываются, но практически отсутствует какая-либо удовлетворительная теория и практика разрешения этих конфликтов. Разнообразные территориально-этнические притязания насчитываются в России десятками, а попытки их разрешения носят поверхностный характер, не имеющий ничего общего с научным подходом.

Такая политика во многом является порождением все еще сильного влияния на российское общество и на высшее руководство России указанных выше сил с их чувством мессианского предназначения России для окружающих народов. Скорее всего, этим и объясняется наблюдавшееся (совершенно ненормальное для здорового общества) спокойствие российского общества, с которым оно взидало на братоубийственную войну в Чечне в 90-х годах.

Необходимо выработать для каждой этноконфликтной зоны России политику, прогнозирующую возможные этнические конфликты, особенно на Северном Кавказе. В свою очередь, в масштабах России такие очаги межнациональной напряженности существуют не только здесь. Не проста обстановка на юге Восточной Сибири, Волго-Уральском регионе с периодически возникающей идеей объединения Татарстана с Башкортостаном (численность татар в Башкортостане больше, чем башкир). С геополитической точки зрения им выгодно избавиться от анклавного положения и получить возможность прямого контакта со Средней Азией. Этнокультурные и территориальные проблемы стоят и в республиках Марий Эл, Чувашия, Калмыкия, Астраханской области. Сравнительно спокойный в настоящее время Волго-Уральский регион может стать в будущем (если не выработаем новую стратегию развития) вторым Северным Кавказом (имея в виду чеченский кризис 90-х годов) с непредсказуемыми последствиями.

Следующей по степени важности этноконфликтной зоной является юг Восточной Сибири. Тува, Бурятские автономии, Хакасия и Республика Алтай в этом регионе могут стать очагами межнациональной напряженности, в основе которой лежит тяготение, например, тюркоязычных тувинцев-буддистов к Монголии, стремление воссоздать Бурят-Мангольскую Республику, объединяющую все бурятские автономии и т. д. Эти примеры достаточны, чтобы доказать несостоятельность сложившихся взглядов и представлений в вопросах решения национальных проблем России. Еще не осознано, что российское общество уже стоит на пороге перехода к принципиально иной (отличной от существующих взглядов и представлений) форме взаимоотношений наций и народностей. Либо у России хватит мудрости перешагнуть этот порог, и тогда она будет спасена, либо, будучи не в состоянии его перейти, окажется в крайне неустойчивом состоянии, так и не поняв, что она была традиционно не страной преимущественно какого-то народа, а страной народов.

Сохранение форм и методов решения национальных проблем, сложившихся в настоящее время, приведет Россию в скором времени к историческому тупику.

Однако сегодня, в силу сложности проблемы, можно говорить не столько о выработке законченной системы новых взглядов и представлений о национальном вопросе в России, сколько об общих контурах новой парадигмы национальных взаимоотношений, которые основаны на осмыслении наблюдающихся кризисных явлений в этом вопросе. Разработка законченной системы государственной национальной политики требует объединенных усилий ученых, властных структур, общественности. Наша задача скромнее – очертить контуры новой парадигмы национальных взаимоотношений, не претендуя на полноту охвата и бесспорность выводов.

Выработка новой парадигмы связана с теоретическим обобщением исторического опыта и перемен, происходящих сегодня в сознании народов не только России, но и других стран. Каковы основные принципы, которые

должны быть заложены при выработке указанных контуров новой парадигмы национального вопроса в России? Остановимся на пяти из них, являющихся необходимыми условиями формирования новой парадигмы национальных отношений.

1. Преодоление самовозвеличивания.

Прежде всего, в межнациональных взаимоотношениях предстоит преодолеть господствующее в теоретических трудах и в массовом сознании представление о мессианском призвании России, о разделении испокон веку живущих здесь народов на «великих» и на «менее великих». Его истоки – в имперском мышлении, которое еще до сих пор в явном или скрытом виде пропагандируется властью предержащими. Еще в конце XIX века В.С. Соловьев, всю жизнь веровавший в такое призвание России, к концу жизни горько разочаровался в мессианском ее предназначении.

Для такой многонациональной страны, как наша, разделять народы по принципу «великие» и «невеликие» и выделять какой-либо народ, каким бы великим он не считался, в качестве истинного носителя общечеловеческих ценностей крайне опасно. Только так мы можем прийти к признанию истинного равенства и самоценности всех народов России: и многочисленных, и малочисленных. Любой народ, каким бы малочисленным он ни был, должен чувствовать себя равноправным со всеми остальными не только на словах, но и на деле. Пора переориентировать массовое сознание нашего общества на то, что величие России определяет, в первую очередь, социально-экономическое благополучие всех ее граждан.

2. Сохранение и развитие этнических традиций, терпимость к этническому разнообразию.

По утверждению Л.Н. Гумилева, усвоенные стереотипы (исторические традиции) составляют наряду с языком основные специфические черты этноса. Исторические традиции передаются следующим поколениям как специфические нормы и правила поведения, отличающие этносы друг от друга. Когда традиции разрушаются революционным путем, насильственно

навязываются чуждые для этого этноса стереотипы, вакуум в духовно-нравственной сфере неизбежен.

Любой народ в процессе своего естественного развития обретает смысл своего существования, выражающийся в развитии выработанных веками национально-культурных и духовно-нравственных ценностей. Вторжение, искусственное привнесение в самобытный мир того или другого народа умозрительных идей, далеких от национальных традиций, не имеющих исторических корней и не вписывающихся в его культурное наследие, может повлечь за собой потерю этого смысла. Становление национально-культурных и духовно-нравственных ориентиров эволюционно по своей природе. Любое революционное вмешательство в этот процесс, насильственное внедрение идеалов извне губительно для национальных культур и этноса, утрачивающего свою идентичность. Навязанные таким образом умозрительные идеи трансформируются в идеалы и овладевают массами, как правило, там, где наблюдается низкий уровень общественно-экономического развития.

Так произошло с революционными идеями в России после 1917-го года. Потому и насильственные революции наиболее вероятны в слаборазвитых странах. В такой среде не возникает вопроса о реальности идеалов. Эти вопросы встают позже, по мере развития общества. Тогда происходит ломка навязанных идеалов (состояние России в конце 1980-х и начале 1990-х гг.), что проявляется очень болезненно. Во время подобных процессов (это происходит сегодня в России) увеличивается вероятность того, что общество пойдет, как говорится, «вразнос», теряя во многом ценностные ориентиры.

Вот почему нужно не только не разрушать, но и всячески оберегать и сохранять национальные традиции, если даже они не нравятся другим. Россия в своем развитии и в своих реформах продвинется вперед только тогда, когда найдет такие формы проявления исторических традиций у всех без исключения народов России, которые отвечают современным условиям и общечеловеческим требованиям. Не будут найдены такие формы – не будет глубокой реформы в России, как бы мы не подражали Западу. В этом и состоит

особенность России.

3. Выработка нового отношения к прошлому.

Будущее России во многом зависит от того, сумеет ли она переосмыслить прошлое и выработать новое отношение к прошлому. Как ни в одной стране мира, России необходимо такое переосмысление. Пусть мы вызовем неудовольствие нынешних славянофилов, но мы должны в связи с этим обратиться к словам одного известного их представителя в прошлом А.С. Хомякова [39], которого трудно заподозрить в нелюбви к родине. Он говорил, что история призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, но вместе с тем предупреждал, обращаясь к России:

Но помни: быть орудьем Бога,

Земным созданием тяжело.

А на тебя, увы! Так много

Грехов ужасных налегло.

Прошлое тесно связано с настоящим и пренебрегать этим нельзя. А это никак не учитывается в решении национального вопроса в Российской Федерации.

А.Г. Здравомыслов [40], ссылаясь на опыт Германии в выработке нового отношения к прошлому, подчеркивает, что стремление отбросить прошлое жестоко мстит за себя. Освободиться от чувства комплекса вины следует не за счет забвения прошлого, а путем его критической переработки. Это помогло немецкой нации (несущей на себе вину двух мировых войн) прийти к раскаянию – очищающему и плодотворному, возродившему германский народ с его признанными во всем мире успехами, раскаянию, которое явилось основой наблюдающегося сейчас внутреннего свободомыслия и функционирования демократических институтов власти. Это раскаяние – не словесное, не в уверениях, а в реальных поступках и в больших уступках.

А.И. Солженицын [41] глубоко раскрывает вопрос о необходимости для России выработки нового отношения к прошлому. Россия прошла через ряд

жестоких периодов – крепостничество, период имперского чванства, тоталитаризм и возврат (после 1930 г.) крепостного права еще худшего типа, в результате чего она потеряла дар раскаяния в общественной жизни. И если не вернем себе этот дар, то Россия вряд ли обретет устойчивое развитие. Выдающийся писатель и истинный патриот призывает к каждому из нас вернуть этот дар. Нет смысла делать исторический обзор по поводу грехов России, о которых говорил А.С. Хомяков. География получилась бы обширная, начиная с коренных народов Сибири, народов Северного Кавказа и кончая поляками.

Национальный вопрос в России, на наш взгляд, можно считать решенным только тогда, когда Россия повторит путь Германии по переосмыслению прошлого. Иначе мы никогда не построим нормальное общество в России при сохранении затаенно-мстительных отношений наций (а это не угасает веками), которые будут прорываться периодически, ввергая Россию в хаос и беспорядок. Для России важнее этого вопроса на сегодня нет.

4. Самоограничение и самостеснение нации.

Путь к новой парадигме теории национальных отношений лежит через постижение проблемы самоограничения и самостеснения нации, которая является совершенно новой проблемой. Она и возникнуть не могла до нынешних времен, т.к. не было в мире такой вынуждающей силы к самоограничению наций, народов, государств и других человеческих сообществ. Любое сообщество людей (будь это народность, нация, партия, союзы или государства и т.д.) всегда ставило и ставит задачу своего безграничного развития. И самоограничение, вообще говоря, противоречит природе таких сообществ. Но сегодня мир приходит к, казалось бы, парадоксальному выводу: чтобы выжить, необходимо самоограничение.

Ограниченность жизненного пространства не позволяет, не затрагивая интересы окружающих, бесконечно развиваться любому сообществу. Однако сегодня уже невозможно безнаказанно ущемлять интересы какого бы то ни было другого народа. Поэтому неизбежно формирование новой нравственности, в рамках которой придется перейти на новую систему

национальных отношений, основанную на заповеди: желай другому народу того же, что желаешь своему. Реализация такой заповеди невозможна без самоограничения и самостеснения. «Поворот к развитию внутреннему (самоограничению), перевес внутреннего над внешним, если он произойдет, будет великий поворот человечества, сравнимый с поворотом от Средних веков к Возрождению» – считает А.Солженицын. Самоограничение в материальной сфере, которое становится обязательным условием для экологического выживания любого народа или государства и которое не до конца осознано ими, должно быть сегодня перенесено и на другие сферы (политическую, национальную). Самоограничение и самостеснение нации, например, в реализации (безусловно справедливого) ее права на самоопределение может стать в большинстве случаев единственным способом избежания сепаратизма и межнациональных конфликтов.

5. Учет в проводимых реформах национальных традиций и стереотипов экономического поведения – необходимое условие долговременного межнационального спокойствия в России и успеха самих реформ.

Для любого народа (этноса), особенно малочисленного, наиважнейшей является проблема своего сохранения. Тем не менее, этнос имеет свой срок жизни. Средний срок жизни этноса по Гумилеву – полторы тысячи лет. Вместе с тем стремление каждого этноса к самосохранению вполне объяснимо. Причиной ускорения процесса ассимиляции могут быть разные факторы, среди которых отметим насильственное навязывание этносу не только чуждых ему умозрительных идей, как сказано выше, но и способа хозяйствования, противоречащего национальным особенностям экономического поведения.

Любая хозяйственная система, наряду с универсальными общечеловеческими цивилизованными принципами ее построения, содержит в себе и этническую специфику. В основе ее лежат общие моральные ценности и стимулы, а также национальные стереотипы экономического поведения, присущие только данному этносу. Точно так же, как человек не может быть

органично включен в систему, противоречащую его природе и его морали, так и этнос, в чуждой ему экономической системе, теряет свои ценностные ориентиры, а также этнические моральные стимулы и рычаги экономического развития. Кроме того, критерии оценки эффективности такой экономической системы, как правило, входят в противоречие с национальными интересами развития этнической территории. А это связано с нарастанием межнациональной напряженности, с одной стороны, и с другой – распадом в конечном итоге самой хозяйственной системы.

Бывшая советская экономика этой болезнью и страдала. Ее распад был предопределен несоблюдением объективных экономических законов, одним из которых и является игнорирование в экономике национальных стереотипов поведения и вековых традиций народов. Русский и узбек, якут и кабардинец – все должны были, условно говоря, одинаково любить и поросенка, и овцу, и горного тура, и оленя (разведение которых не могло, очевидно, не учитывать национальных вековых традиций). В советское время под угрозой лишения партийного билета заставляли разводить в колхозах свиней, например, в мусульманских республиках Северного Кавказа, где это противоречило национально-религиозным традициям этих народов. Именно учет национальных особенностей, характера и традиций народов США, Японии, Франции и других развитых стран, а также сформированный в этих странах симбиоз рыночных отношений с национальными стереотипами поведения, привели экономику этих стран к большим высотам.

Что касается России, нельзя здесь не учитывать исторически сложившуюся множественность традиций в хозяйствовании, обусловленную экономико-географическими особенностями и тем, что Россия, в отличие от многих стран, является страной народов, проживающих на своих исторических землях. Это и есть отличительная особенность Российской национальной модели экономического развития. Экономическая реформа, которая основана только на универсальных принципах рыночной экономики без учета национальных (всех народов России) традиций, а, значит, на «революционной

ломке» этих традиций, не может быть успешной в длительном плане. Вся сложность российских реформ состоит в том, как осуществить эффективное сочетание универсальных рыночных отношений с национальными особенностями этой уникальной страны народов и как встроить в эти рыночные отношения российского с деформированным экономическим сознанием человека, используя не только этнические традиции и стимулы, но и другие психологические основы хозяйствования – общечеловеческие нормы морали и инстинкты.

Вместе с тем мы не разделяем мнение, выраженное в словах Л.Н.Гумилева о том, что «ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция».

Интеграция с Западной Европой необходима, несмотря на ее сегодняшние экономические санкции против России, которые носят (а иначе и нельзя), как мы считаем, временный характер. Чтобы избежать то, о чем нас предостерегает Гумилев, должно быть организовано разумное сочетание общечеловеческих норм и российских национальных традиций.

Такая интеграция нужна не только с экономической точки зрения, она сегодня неизбежна для совместного поиска новой экологической ниши и стратегии выживания человечества. Об этом нельзя забывать и ударяться в другую крайность – чрезмерно увлекаться чисто национальной стороной хозяйственно-экономических систем.

Мы сегодня оказались перед необходимостью выработки принципиально новых взглядов и представлений в национальном вопросе. Важно, чтобы они легли в основу разрабатываемой концепции национальной политики России. Если такая концепция не будет опираться на новые взгляды и представления, то она, не имея серьезных основ, станет очередной пустой надеждой народов России на установление предсказуемого пути своего развития. От того, как мы используем открывающиеся (в связи с демократическими преобразованиями в России) перед нами возможности, зависит многое. Но если даже мы примем

самую сверхсовременную, сверхнаучную концепцию национальной политики России, это будет лишь началом нового долгого и трудного процесса, в ходе которого, как все мы надеемся, постепенно будет создаваться российский многонациональный мир, существенно отличающийся от того, что мы имеем на протяжении последних двух столетий. На сегодня вряд ли возможно точно и подробно расписать, какой это будет мир, каково при всем этом будет внутреннее устройство российского общества.

Сейчас же важно прийти в российском обществе к соглашению относительно новых принципов межнациональных отношений и освободиться от ошибочных взглядов, которыми направлялись наши действия за последние 100 лет. При этом также важно не «планирование» развития конкретно взятого народа, а создание условий, благоприятствующих естественному свободному развитию каждого народа.

Необходимо нам всем избавиться от уверенности, что все, совершенное нами за эти годы в национальном вопросе, было неизбежно. Умудрение российского общества, о котором сказано выше, произойдет не раньше, чем оно поймет, что многое из нами сделанного в национальном вопросе (в прошлом и в настоящем) было очень неразумно.

3. Межнациональное спокойствие на Северном Кавказе как фактор устойчивого развития России

В исторической жизни России есть определенная непредсказуемость и недетерминированность, вызывающая, с одной стороны, неустойчивость и нестабильность ее развития, а с другой – возможность творческих прорывов в жизнедеятельности. Эти две взаимоисключающие составляющие во многом определяют судьбы народов, населяющих Россию, историческое прошлое которых наполнено до настоящего времени отсутствием устойчивого успеха в делах как внутренних, так и внешних. В условиях провозглашения строительства новой России, возникает вопрос: насколько будут оправданы надежды, появившиеся у этих народов в последнее время, на предсказуемость

своей жизни и своего будущего?

Этот вопрос особенно остро встал у народов Северного Кавказа во время чеченской войны 90-х годов, которые являются ярким показателем существующих в России на сегодня форм и методов решения национальных проблем.

Ясно, что войны в Чечне тогда можно было избежать. Было бы поверхностно думать, что войну затеяли по недомыслию какие-то государственные деятели. Корни этой войны более глубокие и вместе с тем они уходят в историческое прошлое.

Что бы ни говорили сегодня о войне в Чечне 90-х годов, все же она несет в себе эхо кавказской войны более чем столетней давности, о которой не сказано еще вся правда. Что говорить об этой войне? Что это было столкновение двух разных культур или что война стала следствием взаимонепонимания народов? Вряд ли это соответствует истине. Насколько честно можно сегодня говорить о причинах, методах ведения и последствиях Кавказской войны XVIII-XIX веков?

Все эти вопросы непростые. Но, говоря правду о прошлом, можно и нужно сделать все, чтобы это прошлое использовать во благо настоящего и будущего, чтобы не дать волю экстремизму и сепаратизму.

На Северном Кавказе в силу занимаемого им географического и геополитического положения (которое для любого народа легло бы в основу его процветания) в течении ряда столетий разворачиваются события, имеющие для народов, проживающих на его территории, трагические последствия. История человечества полна примеров трагедий многих народов, оказавшихся на завоеванных территориях. Но по своей жестокости, проявленной при завоевании в XVIII–XIX веках Северного Кавказа, и трагедии, постигшей народы этого региона, особенно адыгов (черкесов), населявших его западную часть, равных Северному Кавказу пожалуй нет в мире за исключением, может быть, завоевания Североамериканского континента.

Запрет на упоминание о методах завоевания Северного Кавказа и

последствиях этой войны, наложенный коммунистическим режимом, практически продолжающийся и по сей день, можно было бы объяснить, если бы такая позиция не приносила пользу с точностью до наоборот. Открытие после падения этого режима для массового национального сознания проявленной в этой войне бесчеловечности, а затем и обнаружение (насильственно изгнанной из своей исторической территории) многочисленной диаспоры в странах дальнего зарубежья, в десятки раз превосходящей по численности коренное население адыгов (черкесов) вызвало у этих народов настоящий шок, перешедший впоследствии в естественное стремление по-новому осознать свое будущее.

Такое стремление, в т.ч. и чеченского народа, было расценено определенными кругами российского общества как проявление национализма. Будущее, которое оказалось здесь тесно переплетенным с прошлым, не могло не вызвать у народов Северного Кавказа вопроса: произойдет ли при строительстве новой России переосмысление прошлого, что явится предпосылкой формирования новых форм взаимоотношений народов и гарантом их спасения от исчезновения или сохранятся те же методы защиты геополитических интересов России на Северном Кавказе, которые были в XIX веке?

Следует сказать, что и к концу XX века Россия все еще не перешла на цивилизованные формы взаимоотношений с «малыми» народами. В преддверии XXI века Северный Кавказ вновь (в который раз) становится ареной столкновения геополитических и других интересов различных сил. Если в XVIII–XIX веках здесь столкнулись геополитические интересы различных стран, то в конце XX века в Чечне к этому добавилось еще и столкновение интересов двух России: интересы коррумпированно-криминальной России и подлинные интересы новой России – сохранение ее целостности. Эти две России не могут сосуществовать вместе, что является питательной средой «партии войны».

Указанные силы разделяются на внешние и внутренние. Падение

коммунистической сверхдержавы привело к новому переделу мира на сферы влияния. Сильная Россия невыгодна многим участникам такого передела. Достаточно вспомнить одобрительную в сущности реакцию поборников соблюдения прав человека – Англии, Германии, Франции на начало войны в Чечне.

Что же касается внутренних сил, то они имели несколько составляющих. С одной стороны, разгосударствление и передел собственности стали криминальными, а с другой – вооруженные силы страны впали в состояние, мягко говоря, отсутствия порядка и дисциплины.

В сочетании с отсутствием в эти годы сильной центральной власти и переходом реальной власти в регионы, а также отсутствием правовой основы регулирования этих процессов, сказанное породило невиданного масштаба коррупцию, пронизывающую сверху до низу как властные структуры, так и армию. В таком хаосе коррумпированные силы рано или поздно не могут избежать интеграции в той или иной степени с криминальными структурами. Этот симбиоз черно-коричневых сил связывали свое обогащение (в процессе разворовывания государственной собственности и вооружения) с растягиванием во времени правового беспредела и беспорядка в стране. Для сохранения такого положения и достижения своих целей они готовы на любые крайности. Чеченская «независимость», а затем и война, затеяны были, в первую очередь, ими для «отмывания» денег за нефть, оружие и т.д. и дальнейшего обогащения.

Были и другие силы, действия которых легли в основу развязывания этой войны. Началом таких действий было успешное внедрение в сознание российского общества образа «лиц кавказской национальности». Эти силы (они еще живы) разжигают ненависть к другим народам, видя в происходящем в России беспорядке, сдерживании реформы экономики, разгуле коррупции происки врагов, пытающихся извести русский народ и Россию. Названные силы, как отмечено выше, склонны навести «порядок» в России с помощью «твердой руки», которая только и может поставить на «путь истины»

национальные меньшинства, да и «инородцев», эксплуатирующих и «грабящих» Россию.

К этому следует добавить еще и следующий факт, определяющий состояние сегодняшнего общества. Внедрение всей мощью советской пропаганды долгие годы в общественное сознание «величия» бывшего СССР, а сегодня – «величия» России, переходящее, как правило, в массовом обыденном сознании в самодовольство и самолюбование, не могло в российском обществе не перерасти в веру в особую миссию России в построении для всех окружающих народов «светлого будущего», независимо от того, хотят ли эти народы этого или нет. Этим и объяснялось, на наш взгляд, удивительное, совершенно ненормальное для здорового общества спокойствие, как сказано выше, с которым россияне взирали на братоубийственную войну в Чечне 90-х годов.

Логика развития такова, что указанные выше силы неминуемо перерастают в «партию войны». Она же свои действия осуществляет через «власть имущих», в среде которых есть люди, представляющие интересы указанных сил. Как правило, свои действия эти силы начинают с наиболее уязвимых точек. Для России это – этноконфликтные проблемы и регионы, где они взрывоопасны.

С резким усилением (после распада СССР) геополитического значения Северного Кавказа и в это же время стремительной суверенизацией национальных республик и областей «партия войны» смогла добиться, чтобы из множеств механизмов защиты в этом регионе геополитических интересов России был выбран наиболее грубый: создание чрезвычайных ситуаций и разрешение их военным путем. Она успешно выполнила свою задачу, развязав тогда осетино-ингушский конфликт и войну в Чечне. Другая сторона такой политики – держать национальные образования в дотационном режиме, в экономически зависимом от федеральных органов положении, предполагая тем самым ослабить центробежные силы на Северном Кавказе.

Вместе с тем, необходимо до сознания общества довести следующий

очень важный момент: ни один народ и ни одно сколько-нибудь серьезное национально-демократическое движение в самих республиках Северного Кавказа ни в момент распада СССР, ни сейчас не ставили и не ставят задачу отделения от России.

Могут спросить: «А Чечня в 90-х годах? А Конфедерация народов Кавказа? » Если бы за три года ее «независимости» определили особый статус этой республики, то вопрос об отделении Чечни не стоял бы вообще, а пресловутая «Конфедерация народов Кавказа» являлась порождением указанных сил. Это все были мифы из арсенала средств создания чрезвычайных ситуаций.

Кроме того, миф о значительных центробежных и националистических политических силах на Северном Кавказе нужен был также многим местным властям для самосохранения и удержания власти и с этой целью запугивания высшего российского руководства. И те, и другие силы преуспели в деле закрепления этого мифа в сознании российского общества и высшего руководства, что было упрочено событиями в Чечне. Однако не чеченский народ был повинен в рождении сепаратизма в этой республике, хотя нельзя отрицать, что там была предрасположенность к этому. Сепаратизм в Чечне был спровоцирован соответствующими «действиями» федеральных органов и был «спроектирован» указанными выше силами. Ни для кого сегодня уже не секрет, что чеченская «революция» в 90-х годах и, так называемый, «вооруженный захват» власти в Чечне были совершены не без Москвы.

Центробежные силы, если они и есть где-нибудь, можно преодолеть только тогда, когда Россия с пониманием отнесется к трагедиям, постигшим народы Северного Кавказа во время Кавказской войны, и станет гарантом спасения этих народов от исчезновения.

В конечном итоге внутри российского государства, где совместно проживают множество народов, разыгрывается та же драма, что и в мире современных цивилизаций, где, как в театре, все актеры претендуют на главные роли и предлагают свои правила игры.

А в мире цивилизаций еще совсем недавно (всего два-три столетия назад) каждая крупная нация, сумевшая создать великую культуру, считала, что кроме нее все остальные нации – это варвары, а обратить их в свою веру, можно только силой. Классический пример такого «поведения» – Россия XVIII–XIX веков на Северном Кавказе. Нельзя сказать, что в мире современных цивилизаций это изжито.

Когда выше было сказано о необходимости доведения до российского общества всей правды о Кавказской войне, возникал вопрос: а зачем ворошить прошлое? Да, можно было и не ворошить, если бы российское общество не «просвещалось» так, как это делается сейчас. До общества доводится мысль, что тогда (в XVIII-XIX вв.) они (горцы) были грабителями и разбойниками, что и сейчас они остались таковыми.

Россия сегодня нуждается в особой национальной политике по Северному Кавказу. Но такая политика должна быть упреждающей, а не запаздывающей, как сейчас.

В основу упреждающей политики по Северному Кавказу должно быть положено прогнозирование возможных этнополитических конфликтов и ликвидация в зародыше основ этих конфликтов, не допуская их возникновения. Оттягивание разработки такой политики чревато доведением до критической массы отрицательных зарядов, последствия которой будут непредсказуемы.

На примере Северо-Кавказского региона мы видим, что еще не осознано до конца, что российское общество уже стоит на пороге необходимости перехода к принципиально иной, отличной от существующих взглядов и представлений, форме разрешения национальных проблем. Думаем, как сказано выше, у России хватит мудрости перешагнуть этот порог.

В чем должна, на наш взгляд, проявиться сегодня эта мудрость? В выработке и формировании новой нравственности, основанной (во взаимоотношениях наций и народностей) на общечеловеческих ценностях. Общечеловеческое начало в этих вопросах, по нашим представлениям, зиждется на заповеди: желай другому народу того же, что желаешь своему.

Не пора ли выработать такую нравственность на Северном Кавказе и перестать быть и казачеству, и русским, и горским народам, проживающим бок о бок в этом регионе, «козырной картой» у тех, у кого из столетия в столетие появляются те или иные интересы на Северном Кавказе? Ведь от таких «интересов» страдают именно эти соседние народы, которые обречены жить вместе и которым сегодня необходимо осознать, что только в их интеграции (экономической, политической), какие бы процессы не происходили в целом по Российской Федерации, – путь к устойчивому развитию.

Эти народы, за многие столетия сосуществования рядом, образовали уникальную, отличную от общероссийского культурного пространства, северокавказскую культуру, требующую серьезного изучения. Нам представляется, что такую интеграцию следует начать не с одной только экономики, а еще и с утверждения общесеверокавказской культуры.

На первых порах это может показаться утопической идеей, но без таких фундаментальных основ единства соседних народов, решением сиюминутных проблем и латанием дыр в национальном вопросе, как это обычно в Российской Федерации делается, нам не развязать навсегда северокавказский узел, имеющий 300-летний возраст.

Прежде всего следует начать с выработки принципиально новых взглядов и представлений в вопросах сосуществования наций и народностей Северного Кавказа. А это – уже вопрос фундаментальной науки. Поэтому, на наш взгляд, назрел вопрос об эффективном обеспечении научного сопровождения указанной экономической интеграции республик, краев и областей Северного Кавказа и разработки научных основ межнациональных отношений. Эти две проблемы взаимосвязаны, что осознается не всеми. Экономическое благополучие в регионе – основа межнационального спокойствия, а последнее – необходимое условие экономической интеграции и устойчивого развития региона.

В связи с этим представляется необходимым создание Северо-Кавказского научно-координационного совета (НКС) при Северо-Кавказском

федеральном округе (СКФО) с обязательным вхождением сюда научных сил и Адыгеи, и Краснодарского края (мы отмечали выше, что исключение Краснодара и Майкопа из состава СКФО является как экономической, так и этнополитической ошибкой).

НКС мог бы взяться за решение следующих первоочередных задач:

1. Разработка концепции создания северокавказского единого экономического пространства.

2. Разработка концепций и программ создания вышеперечисленных интегрирующих систем Северного Кавказа:

- единой транспортной артерии;
- единой энергетической системы;
- единой системы водопотребления;
- единой системы обеспечения экологической безопасности;
- единой инфраструктуры рынка и банка развития всего региона;
- единого рекреационного хозяйства;
- северокавказского рынка новейших технологий, научно-технической продукции и интеллектуальных услуг;
- единой образовательной системы и системы подготовки кадров для всего хозяйства региона;
- единой информационно-вычислительной сети и системы информатизации региона;
- распределенного банка данных занятости населения по всему Северному Кавказу;
- распределенного банка данных коммерческой, социально-экономической и т.д. информации;
- новой системы субрегионов на Северном Кавказе (см. главу III).

Какие меры являются необходимыми и первоочередными, которые следует в срочном порядке осуществить по Северо-Кавказскому региону и, которые отвечают, на наш взгляд, подлинным интересам России:

1. Пресечение на государственном уровне противопоставления казачества горским народам, используя ложное представление о роли казачества в Кавказской войне. Следует довести до массового сознания, что эта война велась прежде всего силами регулярной армии и этот регион заселялся казачьим населением большей частью в принудительном порядке. Необходимо восстановить справедливость по отношению и к казачеству. Казачество, которое больше тяготеет к самобытности и самоуправлению, должно получить, в соответствии с «Законом РФ о местном самоуправлении», возможность свободного развития самоуправляющихся общин. Память о Кавказской войне для казачества не столь остра (в отличии от горских народов), как память об истории их страданий после 1917 года. Память о той войне скорее всего насаждается в среде казачества указанными выше силами, чтобы, с одной стороны, обозначить имевшееся противостояние того времени и придать этому сегодняшнюю окраску и с другой – предать забвению то, что самые страшные времена для казачества (после 1917 года) не имели никакой связи с взаимоотношением с горскими народами.

В стремлении казачества возродить самобытную культуру и жить мирно в соответствии с выработанными им веками духовно-нравственными ценностями целенаправленно выхвачено указанными выше силами одна двухсотлетней давности традиция – отношение в царское время казачества к военной службе и сегодня они «подбивают» общественные движения прикрепить древние «газыри» к современной генеральской форме.

Как дважды невозможно войти в одну и ту же реку, так и дважды в одном и том же виде невозможно войти в историю. Традиции не вечны. Они трансформируются, вписываясь в новое время, иначе не было бы прогресса. Сегодня не газыри и шашки нужны, а интеллектуализированная компьютеризованная армия. И защиту границ России можно обеспечить в будущем только такой (а не конной) армией. Есть еще силы в России, которым невыгодно сохранение самобытности этих народов и межнационального согласия на Северном Кавказе. В условиях нарастания дружбы между горскими

народами и казачеством «партия войны» теряет свою питательную среду. Необходимо и тем, и другим осознать, что только в интеграции (экономической, политической) этих соседних народов, которые обречены жить вместе, – путь к устойчивому развитию.

2. Выработка упреждающей, как отмечено выше, национальной политики по Северному Кавказу и разработка новой концепции разрешения национального вопроса в этом регионе. Существует Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (см. «Этнополитический вестник» № 1, 1995 г.). Однако, отмечая, что в ее содержании много ценного и полезного, следует сказать, что в ее основе все же нет ничего нового, которое отличало бы ее от множества традиционных программ. В частности, авторы этой программы никак не могут отойти от концепции «больших» и «малых» народов, напоминая на каждом шагу, что «малые» народы все время опекались государством (подразумевается «большими народами»), «формируя у них комплекс иждивенчества и паразитизма». В таких утверждениях нет ни научной, ни исторической основы.

Новая концепция должна отойти от старых взглядов и в основу свою положить признание истинного равенства и самоценности всех народов России – и многочисленных, и малочисленных.

3. Содействие активному интегрированию горских народов Северного Кавказа в международное движение защиты прав коренных народов. Необходимо признание Россией Декларации Всемирной ассамблеи коренных народов и принятие федерального закона о правовом статусе коренных народов Северо-Кавказского региона.

4. Определение основных принципов создания условий для свободного развития народов Северного Кавказа, оказавшихся после распада СССР в двух разных государствах, и заключение на этой базе соответствующих межгосударственных соглашений.

5. Принятие в Российской Федерации Конвенции о сохранении этнического разнообразия национальных культур, которая изменила бы

трагическую судьбу исчезающих народов, обитающих на территории России.

4. Этноэкологический аспект устойчивого развития региона⁵

Если сто лет назад экологией называли науку об организации жизни растений и животных, то в современном понимании экология – это наука о состоянии окружающей среды, включая и самого человека.

В последние полтора-два десятилетия экологические проблемы выдвинулись на первое место. Они имеют, помимо глобального содержания, важный региональный аспект, поскольку их острота и возможности решения в разных местах неодинаковы. Не решив эти проблемы в отдельных регионах, трудно рассчитывать на нормализацию экологической ситуации в масштабе России.

В последние годы все явственнее обнаруживается и этнический аспект экологии. Дело в том, что само бытие целого ряда народов, их физическое и социальное выживание напрямую зависит от экологического состояния среды, в которой они живут. В России это, прежде всего, народы Севера, но не только они. Неблагоприятные последствия изменения окружающей среды ощущают и горские народы Северного Кавказа.

Созданная ими уникальная цивилизация представляет собой систему сложнейших и тончайших связей человека с природой. Роль природных факторов в этих связях была и остается исключительно большой. Нарушение этих связей влечет за собой, как правило, негативные изменения в хозяйственных и бытовых условиях жизни горцев.

Такая ситуация требует принципиально нового направления этноэкологических исследований.

Речь идет о выработке научной оценки, прогнозов и практических рекомендаций, обеспечивающих сохранение оптимального взаимодействия и равновесия между социальными и национальными потребностями определенного этноса (или этносов) и природной средой их обитания.

⁵ Работа написана автором совместно с академиком В. Котляковым и к.т.н. А. Бажевым

Это задача государственной и одновременно общечеловеческой значимости.

Однако проблемы современной экологии шире и многообразней. В связи с этим важно выделить приоритетные вопросы. С нашей точки зрения, серьезнейшей проблемой является экология природных ресурсов, составляющих реальную базу существования человечества. От состояния и способа использования природных ресурсов зависят их сохранность, а также уровень жизни населения. Поэтому проблема рационального природопользования чрезвычайно актуальна.

Особое место в природопользовании занимают горные регионы. Современное производство, вооруженное новейшей техникой, все более глубоко проникает в горы. Их освоение имеет свои особенности: с одной стороны, суровая природа гор затрудняет их использование, а с другой – природа здесь очень чувствительна к антропогенным воздействиям и потому нестабильна. Отсюда весьма велика роль географической науки, разрабатывающей наиболее рациональные формы и методы освоения естественных ресурсов в районах с экстремальными природными условиями.

Кавказ, и в частности Северный Кавказ, – горная страна с богатой, разнообразной, самобытной природой. Здесь находятся очаги древних цивилизаций и природные ресурсы эксплуатируются очень давно и интенсивно. Наряду с этим на Кавказе существуют природные заповедники с почти девственной природой.

На Северном Кавказе накопилось немало примеров негативных последствий неразумной хозяйственной деятельности, вызывающей деградацию ландшафтов, нарушение экологических связей, ухудшение состояния лесов, пастбищ, почвы, водного и химического балансов и так далее. В настоящее время стоит задача сохранения природы горных территорий и рационального использования естественных ресурсов Северного Кавказа. Ведь Кавказ – один из густонаселенных, давно освоенных горных регионов, с высокоразвитым хозяйством, и одновременно прекрасный курортный край,

район туризма и отдыха.

В условиях горного пересеченного рельефа весьма ограничена площадь угодий, потенциально пригодных как для земледелия, так и промышленного, гражданского и культурного строительства. Поэтому здесь решающее значение имеет выбор наиболее целесообразного способа использования земель. Положение усугубляется относительно ограниченной величиной запасов некоторых видов природных ресурсов, особенно минеральных, связанное с их давней эксплуатацией. Быстро сокращается площадь горных лесов. Пастбища в горах и предгорьях сильно выбиты в результате длительной перегрузки. Многие земледельческие районы страдают от антропогенной эрозии.

Не должна вводить в заблуждение кажущаяся девственность природы горных районов Северного Кавказа, ее красота. Антропогенные нагрузки на природу неуклонно возрастают. Работы, проведенные в последние годы Институтом географии РАН на базе Центра географических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук выявили ряд актуальных проблем в вопросах состояния и использования природных ресурсов, которые могут служить ориентирами для будущих исследований.

Состояние почвенного покрова. Можно назвать несколько проблем, связанных с почвенным покровом:

- эрозия почв на пашнях и естественных пастбищах и, связанная с этим, потеря гумуса и питательных веществ, равно как и резкое уменьшение почвенного плодородия, особенно заметное в равнинно-предгорной (пашни) и среднегорной (пастбища) зонах;
- загрязнение пахотных земель удобрениями и ядохимикатами;
- засоление почв на орошаемых равнинных землях;
- разрушение почв на территориях, предназначенных под горные разработки, промышленные и жилые застройки.

При сохранении существующих тенденций, к 2030 году эрозией будет охвачено около 80 процентов пашни и около 85 процентов пастбищ. Содержание гумуса в почвах равнинно-предгорной зоны снизится в среднем с

3,3 до 2,5-2,7 процента.

Показатели эрозионных процессов многообразны. Это снижение гумуса и потеря питательных веществ, усиление почвенной засухи. Расчленение пахотных массивов овражной сетью, помимо потерь продуктивной площади под овраги, затрудняет механизированную обработку полей и транспортное обслуживание, ведет к потере плодородия почв в балках, долинах и у подножия склонов. Высокая мутность воды ухудшает условия эксплуатации оросительных систем. Между степенью смытости почв и уровнем их плодородия обнаружена определенная связь: урожайность культур на слабосмытых почвах снижается в среднем на 20 процентов, на среднесмытых – 40, на сильносмытых – 60 процентов.

Сложившаяся практика обусловлена недостаточным развитием прогрессивных технологий полива, а также высокой водопроницаемостью и малой мощностью почв орошаемых угодий, их сложным рельефом.

Особую тревогу вызывает состояние почвенного покрова высокогорных лугов. Значительная пастбищная нагрузка, маломощность почвенного покрова при близком расположении подстилающих пород, постоянная водонасыщенность служат основными причинами быстрого механического разрушения почв и эрозии. В отличие от равнин, имеющих большую мощность почвообразующей толщи, позволяющих их рекультивировать, это здесь практически невозможно. Необходимо повысить ответственность государственных органов за эксплуатацию горных территорий, срочная оценка существующей пастбищной нагрузки с определением ее приемлемых норм и соответствующие меры по разумной организации хозяйства.

Загрязнение природных вод. Проблема загрязнения природных вод возникает в связи с тем, что при современном состоянии водопотребления и очистки стоков на основных промышленных предприятиях, а также выносе большого количества минеральных и органических веществ с полей и пастбищ, не обеспечивается разбавление стоков до состояния, требуемого санитарно-гигиеническими нормативами. Проблема усугубляется тем, что расположенные

в зоне предгорий основные бальнеологические ресурсы и горизонты, дающие лечебные минеральные воды, оказываются под угрозой загрязнения.

В целом, география загрязнения вод повторяет размещение в регионе объектов-загрязнителей. Наиболее загрязнены воды в равнинно-предгорной части, где сосредоточены основные пахотные угодья и промышленные предприятия. При выходе с гор на равнину замедляется скорость перемещения взвешенных наносов, происходит их аккумуляция в потоке и осаждение вдоль русла и в конечных водоемах.

В реки и пруды смываются остатки нефтепродуктов, минеральных и органических удобрений, ядохимикаты. Главную тревогу вызывает рост в водах концентрации высокотоксичных, вредных для человека веществ: мышьяка, ртути, свинца, кадмия, фтора, фосфатов, пестицидов, дефолиантов и других элементов, содержание которых превышает их массу в биологической продукции в 10-10х5 раз. Проблема состоит еще и в том, что сейчас мы умеем синтезировать сотни тысяч веществ, из которых более 5 тыс. – в массовых масштабах. В результате в гидросферу попадают вещества искусственного происхождения, плохо поддающиеся разложению. В загрязненных водоемах, находящихся в сложной геохимической обстановке, происходят химические реакции, которые приводят к возникновению токсичных веществ из нетоксичных. Накопление этих веществ подавляет деятельность водных систем и способствует бурному развитию микробов и вирусов.

Загрязнение рек на равнине и в предгорьях Северного Кавказа нередко превышает предельно допустимый коэффициент в 3 – 30 раз. Длительное время господствовал (да и сейчас имеет место) принцип борьбы не с загрязнениями, а с их последствиями. Однако никакая система контроля не в состоянии охватить все источники загрязнения и все загрязняющие вещества. Загрязнение и истощение вод – это итог пренебрежения элементарными охранными мероприятиями. Чтобы охрана вод стала по-настоящему действенной, следует решительно пресечь бесхозяйственное и хищническое их использование.

Загрязнение воздушного бассейна. Наиболее сильно атмосфера

загрязнена в равнинной и предгорной зонах в районе крупных населенных пунктах, где сосредоточены промышленные предприятия. Выбросы в атмосферу от автотранспорта составляют около 75 процентов общего загрязнения. Среди загрязняющих веществ наиболее широко распространены окись углерода, сернистый ангидрид, оксиды азота и летучие углеводороды. В Северо-Кавказском регионе их количество составляет соответственно 350 тыс., около 150 тыс. и около 600 тыс. тонн в год. Кроме этого, загрязненный воздух содержит вреднейшие соединения свинца, мышьяка, никеля, марганца, цинка и так далее. Из общего количества промышленных источников около 35 процентов имеют очистные сооружения, которые улавливают примерно 48 процентов вредных веществ.

Проблема естественных кормовых ресурсов. Длительный бессистемный выпас животных, при сокращении площади пастбищ и превышении нагрузок на них, вызвал существенную трансформацию травяных экосистем. Это привело к деградации и истощению кормового потенциала отгонной зоны (в первую очередь субальпийской – молочной). По нашим наблюдениям, в большинстве урочищ продуктивность пастбищ упала в 3-4 раза, а состав травостоя обеднен до предела. Кроме непосредственного воздействия на травяной покров (выедание и вытаптывание растений), выпас существенно влияет на состояние биоты через преобразование абиотических характеристик среды – температуры и влажности воздуха в приземном слое, структуре почвенного покрова и так далее. На месте коренных фитоценозов образуются растительные сообщества с обедненным флористическим составом (не более 20-25 видов). Основные причины: нерациональная территориальная организация использования пастбищ; превышение реальных нагрузок на них в отдельных урочищах достигает кратности в 30-40 раз; недостаточный уход за лугами из-за слабой материально-технической и финансовой базы.

Решающее значение для поднятия продуктивности горных лугов и пастбищ имеют строгое, научно обоснованное ограничение нагрузки, организация систематического «отдыха» пастбищ по примеру Швейцарских

Альп, применение загонной системы пастбы скота, по существу – пастбищеоборот.

Возникает острая необходимость изучения экзогенных процессов, имеющих катастрофический характер, в частности селей, ущерб от которых растет по мере хозяйственного освоения высокогорья. Здесь особенно важны вопросы: роли антропогенных факторов в селеобразовании, зависимости селевых процессов от активности выпаса скота, вырубки лесов, горнодобывающих и строительных работ, раскрытии механизма зарождения селевых процессов как результата активизации делювиального смыва, степени нарушенности почвенно-растительного покрова. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить техногенным селям, связанным с районами горнодобывающей промышленности.

Ослабление негативного антропогенного воздействия на природу и социально-экономическое развитие региона, создание возможностей его природно-ресурсного обеспечения и сохранения разнообразия природы в стратегическом плане может быть увязано на основе единой концепции регионального природопользования. В ее разработке главную роль должно играть установление общих принципов и направлений развития природопользования с учетом охраны окружающей среды и обеспечения социально-хозяйственного развития региона. При этом крайне важными являются исследования конструктивного характера. Конструктивный подход предполагает не только научный анализ закономерностей, но и прогноз последствий, возникающих при использовании человеком природных богатств, а также разработку комплексных проектов и системы конкретных мер, направленных на оптимизацию среды обитания человека.

Острота состояния природных ресурсов и современные требования к науке диктуют необходимость такой организации исследований, которая обеспечивала бы доведение результатов фундаментальных разработок до формулировки прикладных целей, практических рекомендаций. Словом, необходимо расширение научно-прикладных исследований по наиболее

актуальным проблемам рационального природопользования и охраны природной среды. Необходима концентрация усилий на практических проблемах, даже при условии, что это, казалось бы, не сулит продвижения в развитии теории и методологии. Исследования по двум таким проектам на Северном Кавказе начинают сейчас Институт географии и Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук в рамках региональной научно-технической программы.

В Северо-Кавказском регионе практически исчерпаны возможности экстенсивной эксплуатации природных ресурсов и поэтому требуется поиск принципиально новых путей их рационального использования, в том числе и в рекреационных целях. Рекреационные ресурсы Северного Кавказа используются недостаточно интенсивно и нерационально. Отдыхающие и туристы концентрируются лишь в традиционных районах: Кавминводы, Каспийское побережье, высокогорные районы Приэльбрусья и некоторые другие, в то время как многие другие перспективные районы еще не освоены.

Зарубежный опыт горных стран убедительно показывает высокую экономическую эффективность «индустрии туризма». Помимо экономического подъема, развитие рекреации приносит и социальное оживление, что особенно важно для удаленных «умирающих» селений. Актуальность этой проблемы обусловлена и тем, что в связи с распадом СССР основным горным рекреационным регионом России остается Северный Кавказ и в ближайшие годы неизбежно будет расти поток «диких» туристов и отдыхающих в уже освоенные, но перегруженные и экологически неблагополучные районы. Поэтому-то весьма важно своевременно провести комплексную научную оценку рекреационных ресурсов и выявить районы с наиболее благоприятными условиями для подобного освоения.

Предварительное обследование территории, проведенное нами, убедило, что перспективным районом для рекреационного освоения может служить среднегорная зона, а именно – цепь межгорных котловин, простирающаяся вдоль Скалистого хребта, примерно от широты Кисловодска до Владикавказа.

Здесь красивы природные ландшафты, велико число дней с комфортными условиями погоды. Некогда котловины были довольно плотно заселены. Люди занимались животноводством и земледелием. В настоящее время население сильно сократилось и, в основном, территория используется под отгонное животноводство. Однако пастбища находятся в крайне угнетенном состоянии и их КПД весьма низок. В то же время хорошо сохранились коммуникации: проселочные дороги, конные и пешие тропы.

В этой связи представляется весьма возможной и актуальной разработка модели рационального природопользования межгорных котловин как основа их комплексного развития. Комплексное рекреационное освоение котловин позволило бы решить ряд проблем: стимулирование местных трудовых ресурсов (особенно молодежи, стремящейся сейчас в перегруженные населенные пункты на равнине); реанимация народных промыслов; создание «буферной зоны», отвлекающей отдыхающих от перегруженных «точек» легко уязвимой высокогорной зоны.

Предполагается решение следующих научных и практических задач:

- ретроспективный социально-экономический анализ природопользования (хозяйственное освоение территории в прошлом и настоящем, размещение населения, экономические связи с системами других поясов и долин, памятники истории, культуры и др.);
- оценка природных ресурсов (климатических, водных, почвенно-растительных) при решении задач агропромышленного развития, направленного на обеспечение рекреационных объектов;
- анализ особенностей рельефа котловин для размещения рекреационных объектов, строительство коммуникаций, размещение объектов сельскохозяйственного производства и так далее;
- анализ наиболее перспективных направлений (сценариев) комплексного развития хозяйства и социально-экономическая оценка рекреационного потенциала.

Наши исследования будут включать комплексные полевые и

аэровизуальные наблюдения, картографирование и дешифрование аэрокосмических материалов, картографическое моделирование на ЭВМ, компьютерные расчеты вариантов обоснования, анализ качества и состояния разных компонентов природы.

Второй проект включает комплексные исследования нивально-гляциальной зоны и ледников Северного Кавказа. Нивально-гляциальная зона гор особенно чувствительна к изменению природной среды и антропогенному воздействию. Ледники, ведущий элемент этой зоны, представляют собой уникальные природные образования. Являясь динамически неустойчивой системой, они чутко реагируют на любые изменения компонентов природной среды, в частности климата. Эта реакция выражается в изменении целого ряда показателей их режима и динамических характеристик. Такие изменения регистрируются в ледниковой толще и сохраняются в течение сотен тысяч лет. Анализ ледникового керна из глубоких скважин, пробуренных в леднике, позволяет получить ценную информацию об антропогенном загрязнении природной среды.

В последние годы широкое развитие глубокого бурения ледников и изучение ледяного керна в полярных районах (Антарктида, Гренландия) принесли уникальные материалы о природных условиях, имевших место десятки тысяч лет назад. Гораздо меньше подобных исследований на горных ледниках. Их сдерживает (особенно в нашей стране) отсутствие надлежащей технической, лабораторной базы, современного полевого оборудования и трудность организации и проведения таких исследований в высокогорных условиях. Наличие Центра географических исследований КБНЦ РАН, имеющего соответствующее оборудование, полевую базу на Эльбрусе и штат квалифицированных научных сотрудников, позволяет провести подобные исследования на горных ледниках Кавказа. Имеется в виду бурение льда ледникового плато на Эльбрусе на высоте около 4 тыс. метров над уровнем моря до коренного ложа, залегающего здесь на глубине 150-200 метров.

Предполагается осуществить комплексный анализ ледяного керна и

сопутствующие гляциологические наблюдения в районе непосредственного бурения. Место планируемых работ на леднике обладает рядом уникальных природных условий, что позволяет проследить глобальные и региональные тренды изменений в миграции вещества на протяжении последних 100-150 лет и трансформацию химического загрязнения в системе атмосферный воздух – ледники – речные воды.

Второй аспект планируемых работ – анализ водно-ресурсного потенциала ледников как одного из основных источников пресной воды. По мере освоения новых горных территорий и роста потребности в воде, среди природных ресурсов видное место занимают снежно-ледниковые ресурсы – вековые запасы снега и льда, которые, уже в недалеком будущем, могут служить одним из основных источников получения пресной воды. Ледники питают все горные реки. Доля ледникового питания в объеме годового стока рек составляет от 15 до 45 процентов. На Северном Кавказе находится 72 процента общего количества ледников Кавказа, в которых аккумулировано более 80 куб. км. пресной воды, что превышает 2/3 общего объема воды в ледниках Кавказа.

Планируется также проведение комплекса наблюдений в нивально-гляциальной зоне за пределами современных ледников, в районе интенсивного рекреационного и хозяйственного освоения. Основная цель этих работ – анализ состояния нивально-гляциальных систем и воздействия на них деятельности человека, с тем, чтобы дать предложения по экологичным и экономически рациональным видам использования территории.

Работы по обеим названным темам будут продолжаться несколько лет. Мы привлекаем к ним специалистов разных учреждений и ведомств, включая и зарубежных.

ГЛАВА V. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

1. Обоснование стратегических целей развития региона

Региональное (территориальное) развитие, как отмечено выше, до недавнего времени отождествлялось с хозяйственным развитием, с «развитием производительных сил» региона. Целью такого развития ставилось повышение хозяйственного, экономического потенциала региона (уровня жизни) без учета сохранения и развития других его составляющих (природно-ресурсный потенциал, окружающая среда, человеческий капитал), что приводило повсеместно к деградации экологического, этнокультурного, социально-демографического, природоресурсного и других компонентов региона. Особенно это отражалось в регионах, где были сконцентрированы химическая, оборонная и металлургическая промышленности. Это отражалось также и во всех других регионах страны. Неправильно поставленная цель была и остается до настоящего времени причиной неблагоприятного экологического состояния практически во всех регионах РФ, истощения природоресурсного потенциала этих регионов, превышения смертности над рождаемостью в большинстве регионов, низкого уровня продолжительности жизни населения, высокого уровня криминогенности общества, снижения культурно-образовательного уровня населения и т.д. Нельзя считать регион (даже экономически благополучный) развивающимся, если при этом население малообразованно, страдает от загрязненности окружающей среды, ухудшения своего состояния здоровья, увеличения детской смертности, уровня преступности в регионе и коррумпированности общества.

Следовательно, необходимо различать (мы об этом говорили) понятия «уровень жизни» и «качество жизни». Уровень жизни является лишь одним (хотя важнейшим) из компонентов, определяющих качество жизни населения. Качество жизни населения является интегральным показателем, характеризующим жизнедеятельность человека и общества, экономическое развитие региона, уровень материального и духовного благополучия населения, медико-

экологического, образовательного, духовно-нравственного и этно-культурного состояния общества.

В понятие «качество жизни» населения включаются наряду с уровнем материального благосостояния такие показатели как степень удовлетворенности населения условиями жизни (обеспеченность работой, жильем, здоровым питанием, одеждой, наличие экологически здоровой среды обитания человека, возможность достижения высокого образовательного уровня, получения высококачественного медицинского обслуживания) и уровень духовно-нравственного здоровья населения (уровень преступности, уровень личной безопасности человека, степень подверженности общества алкоголизму и наркомании, свобода личности и т.д.)

Можно ли оставить указанную выше трактовку развития региона и какие требования сегодня предъявляются к такому развитию?

Необходимость в новом определении понятия «регионального развития» очевидна. Под региональным развитием в данной работе мы понимаем непрерывный процесс (с возможными спадами и подъемами, периодами накоплений и реализации накопленных резервов развития, сохраняющий при этом в долгосрочном плане общее направление развития) перехода региона из одного состояния в другое, соответствующее более высокому качеству жизни населения. Следовательно, целью регионального развития является достижение не просто высоких экономических показателей, а высоких показателей качества жизни. Региональное развитие – сложный комплексный процесс качественного преобразования составляющих регион элементов (общественной системы, системы обеспечения жизнедеятельности и экологической системы), который приводит к изменениям условий жизни человека, направленным на увеличение общественного богатства (материального и духовно-нравственного), гармоническом развитии самого человека, среды его обитания, общества и государства.

Прежде чем определить стратегическую (глобальную) цель развития региона следует ответить на вопрос: какой характер развития предполагается

обеспечивать?

В настоящее время одной из глобальных проблем современности считают проблему устойчивого развития и предлагается обеспечить именно такой характер развития республики.

Понятие «устойчивость» равносильно понятию «жизнеспособность», означающая способность региона к выживанию и развитию в своем конкретном (иногда агрессивном) окружении, которые возможны лишь при условии, что структура региональной системы и ее функции адаптированы к этому окружению. В этом наше видение устойчивого развития региона. Общественные системы, человеческие ценности и стремление, технология, культура – все это окружение человека меняется, но способностью удержания этих меняющихся элементов в сбалансированном состоянии обладает лишь устойчивое (жизнеспособное) общество. Однако общество, где меньшинство пребывает в роскоши во многом за счет ущемления интересов большинства, не может быть социально устойчивым на длительную перспективу, равно и то общество, где осуществляется эксплуатация природной среды на грани разорения.

Стратегическая цель развития региона определяется здесь как достижение такого качества жизни населения, которое позволяет перейти на путь устойчивого регионального развития. В этом определении принципиально важно то, что дается ответ на вопрос: какого качества жизни требуется достигать – качества, предопределяющего устойчивость регионального развития, что собственно и является критерием оптимальности управления реализацией стратегии развития региона. Практически во всех разработках «Стратегий развития регионов» в стране в качестве стратегических целей развития ставятся «достижение высокого качества жизни населения», но отсутствие критериев оптимальности управления реализацией стратегии характерно для всех этих «Стратегий». При этом зачастую отождествляются понятия «качество жизни» и «уровень жизни». Это приводит к принципиальным ошибкам в разработках и реализации «Стратегий развития регионов». Определив стратегическую цель развития региона, дальше перейдем

к выстраиванию стратегии развития. Для этого построим сначала «дерево целей» развития региона. Строгого алгоритма построения дерева целей не существует. Сложность и многообразие проблемы развития региона таковы, что даже их упорядочение в форме определенной логической последовательности представляет собой трудную задачу. Если при составлении дерева целей развития региона предположить, что число подцелей следующего ранга на каждом уровне равно всего шести (степень конкретной дезагрегации целей на каждом уровне определяется экспертным путем), то количество целей уже на уровне четвертого ранга достигает 1296, а пятого ранга – 7776. А число рангов при составлении дерева целей развития региона, намного больше. Однако в основу структурного анализа региона должны быть положены определенные принципы, базирующиеся на использовании системного анализа, который выступает как научное обоснование искусства постановки целей развития.

Системный подход обязывает рассматривать регион как объект стратегического управления. Для построения модели стратегического управления процессом регионального развития мы рассматриваем регион (см. Главу I) как открытую систему, условно разделенную на три взаимодействующие подсистемы:

- подсистема «Природа» (природная среда, атмосфера, гидросфера, природные, финансовые и трудовые ресурсы, природоохранная деятельность, экосистемы, биоресурсы, поглощение отходов, средства и предметы труда для организации функционирования подсистемы «Экономика»);

- подсистема «Экономика» (производство и потребление, система инфраструктуры, предпринимательство и торговля, труд и найм, рынок);

- подсистема «Общество» (социальная система, система политического управления, индивидуальное развитие).

Эти подсистемы могут быть и дальше разделены на подсистемы следующего уровня и этот процесс деления на подсистемы очередного уровня продолжается до тех пор, пока не дойдем до первичных низовых

технологических и социальных звеньев региона таких, как цех, мастерская, низовые трудовые коллективы, семья и т.д. При этом важно на каждом этапе деления определить связи между подсистемами. На самом верхнем уровне указанные три подсистемы «Природа», «Экономика», «Общество» образуют технологическую цепочку, призванную обеспечить достижение стратегической цели развития региона по схеме, рассмотренной в Главе I (см. рис. 1 в разделе 3).

Схема определения целей и программ приводится в разд. 2 Главы III. Дополним эту схему блоком «Технологическое взаимодействие элементов» (см. рис. 1.2). Реализация такой схемы для всех подсистем региона, как отмечено выше, представляет собой непростую задачу. Однако рассмотрим некоторые фрагменты дерева целей развития региона, получаемые по такой схеме.

С учетом рассмотренной выше схемы формирования сети проблем (целей) можно предложить фрагмент дерева целей развития региона, структура которого приводится на рис. 1.3.

Стратегическая цель развития региона: достижение высокого качества жизни населения, позволяющего перейти на путь устойчивого развития республики.

Цели I ранга (необходимые для достижения стратегической цели):

1. Достижение уровня конкурентоспособного региона.
2. Достижение высокого уровня жизни населения республики.
3. Сохранение природоресурсного потенциала и здоровой окружающей среды.
4. Создание условий для всестороннего развития личности и формирования гражданского общества.
5. Достижение высокого уровня образования населения, позволяющего переход региона на инновационный путь развития.
6. Достижение высокого уровня здоровья населения.
7. Добиться, чтобы регион оказалась в числе первых субъектов Федерации по показателю «индекс человеческого развития» (обобщающий индикатор

качества жизни, исчисляемый как средний из трех величин: уровень жизни, средняя продолжительность жизни, уровень образования населения).

8. Переход к информационному обществу и интеллектуальному управлению региональным развитием.

9. Обеспечение высокого уровня социальной, общественной и личной безопасности граждан.

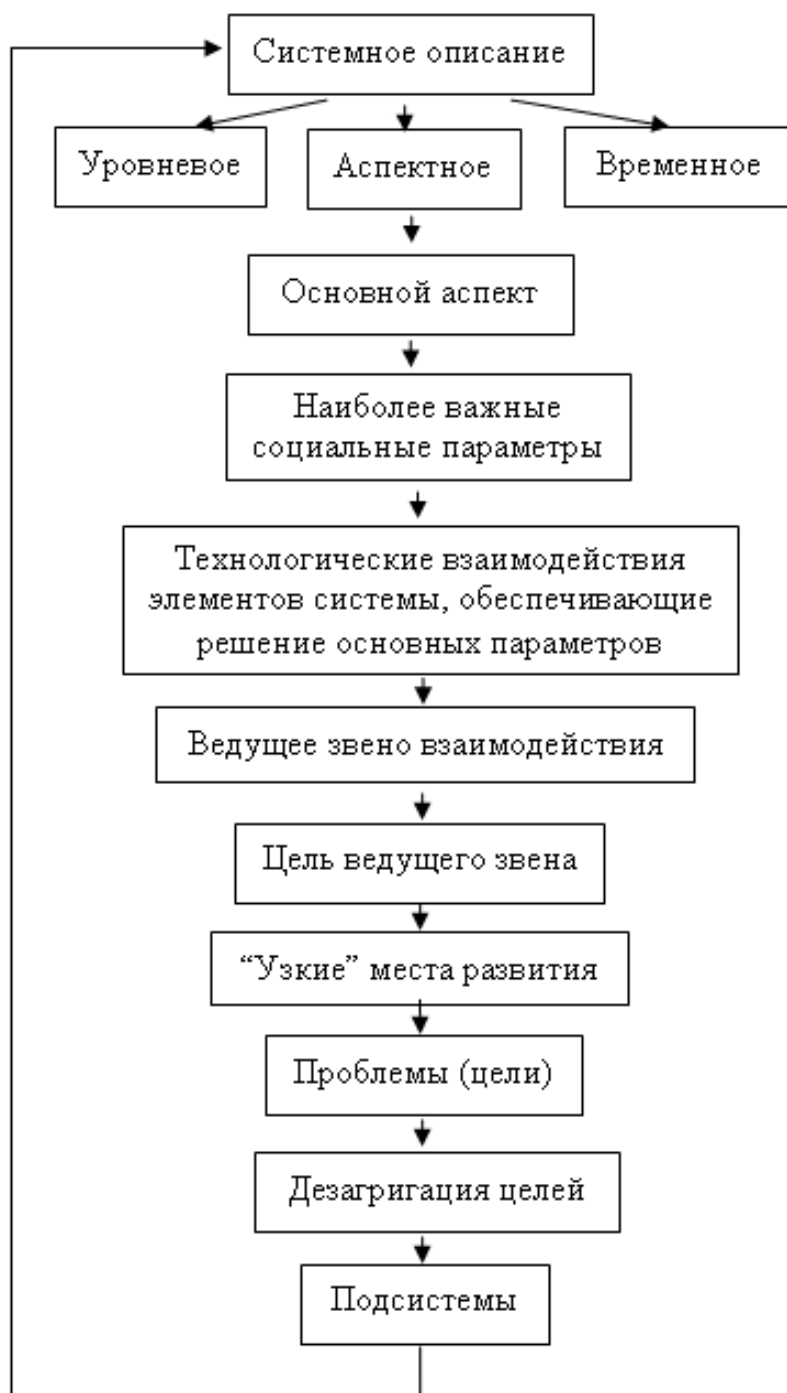

Рис. 1.2 – Схема определения целей и проблем

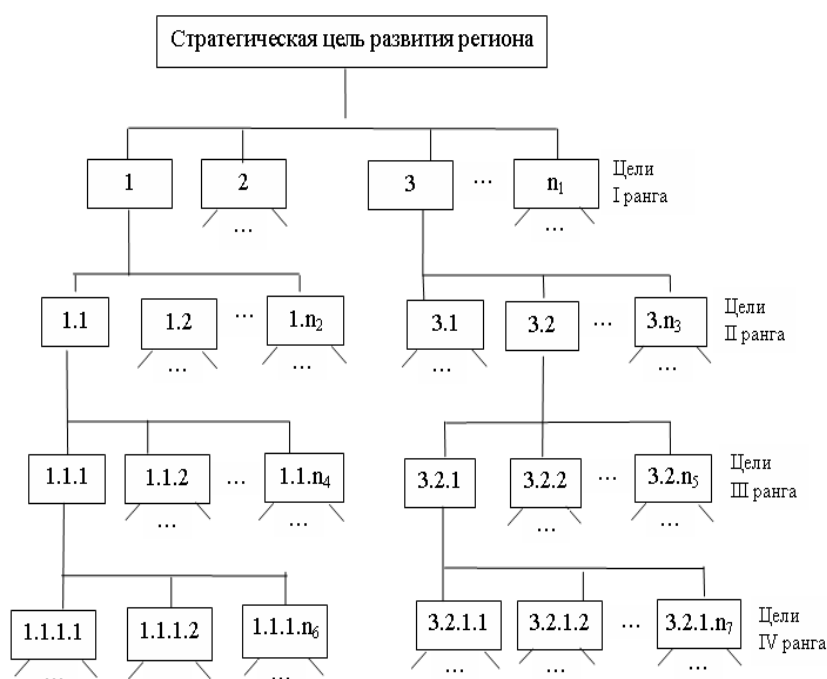

Рис. 1.3 – Структура дерева целей развития региона

Для построения полного «дерева» целей необходимо применить к каждой цели I ранга схему формирования проблем на рис. 1.2 в соответствии с рис. 1.3.

Рассмотрим для примера цель I ранга:

1. Достижение уровня конкурентоспособного региона.

Цели II ранга:

1.1. Создание условий для перехода экономики на инновационный путь развития.

1.2. Добиться, чтобы товары, услуги, работы, которые производятся хозяйствующими субъектами региона, были конкурентоспособными на внутреннем и мировом рынках.

1.3. Добиться постоянного роста инвестиционной привлекательности региона, а также роста ее привлекательности как территории, способной обеспечить высокое качество жизни и производственно-хозяйственной деятельности.

1.4. Сделать регион притягательным для высококвалифицированных специалистов, особенно высокотехнологичных и наукоемких отраслей.

1.5. Добиться, чтобы регион стал нетто-экспортером на рынке инновационных разработок и услуг.

Цели III ранга (для цели 1.1):

1.1.1. Переориентация государственной политики региона на резкое увеличение наукоемкой составляющей экономики;

1.1.2. Обеспечение постоянного роста качества технологий и кадров;

1.1.3. Выведение всех вузов региона (не по названию, а по сути) на уровень исследовательских инновационных университетов;

1.1.4. Создание при всех вузах и научных учреждениях необходимое количество (в зависимости от наличия научных разработок, готовых к внедрению) малых хозяйствующих организаций, занимающихся доведением научных результатов до готовой продукции.

1.1.5. Ежегодное увеличение в бюджете региона доли затрат на фундаментальные научные исследования;

1.1.6. Превращение в предмет особой заботы Правительства региона увеличение процента занятых в высокотехнологичных отраслях, качество инфраструктуры (особенно образовательной и медицинской), финансирование сферы высоких технологий, количество патентов на 10 тысяч жителей республики.

Продолжим построение дерева целей для очередной цели I ранга:

2. Достижение высокого уровня жизни населения региона.

Целями II ранга для нее выступают:

2.1. Создание условий для ускоренного развития экономики региона;

2.2. Создание условий для роста заработной платы и денежного дохода населения (являются обобщающими показателями уровня жизни, которые характеризуют важнейшие пропорции потребления населения); реформа системы оплаты труда;

2.3. Приведение удельного веса затрат на питание в доходах населения к уровню развитых стран (структура семейного бюджета является одним из показателей, наиболее полно и объективно характеризующих уровень жизни);

2.4. Сведение к минимуму доли населения, имеющего доход ниже минимального потребительского бюджета (МПБ в денежном выражении равняется приблизительно двум бюджетам прожиточного минимума);

2.5. Достижение оптимального распределения по индексу социально-экономической дифференциации населения (индексу Джини);

2.6. Развитие жилищного строительства, обеспечивающего улучшение жилищных условий нуждающимся;

2.7. Обеспечение высокого уровня занятости населения.

Цели III ранга (для цели 2.1.):

2.1.1. Реструктуризация экономики региона, направленная на достижение стратегической цели развития.

2.1.2. Выбор приоритетных отраслей экономики, на развитие которых будут направлены наибольшие усилия и ресурсы.

2.1.3. Ужесточение борьбы с коррупцией и теневой экономикой.

2.1.4. Создание благополучных условий для развития малого и среднего бизнеса и превращения его в локомотив экономики региона.

2.1.5. Формирование развитой инфраструктуры, обеспечивающей проведение земельной реформы и широкое развитие малого и среднего бизнеса;

2.1.6. Проведение земельной реформы, направленной на передачу земли в частную собственность тем, кто работает на этой земле;

2.1.7. Формирование кредитно-финансовой системы, обеспечивающей эффективное становление рыночной экономики.

2.1.8. Создание эффективной системы управления социально-экономическим развитием региона.

Цели IV ранга (для цели 2.1.2.):

Направить наибольшие усилия и ресурсы на реализацию следующих целей, в которых определяются приоритетные отрасли, имеющие стратегическое значение для региона:

2.1.2.1. Форсированное формирование агропромышленного комплекса

региона, ориентированного на производство наукоемкой экологически чистой и экспортоориентированной продукции;

2.1.2.2. Ускоренное формирование курортно-рекреационного комплекса в регионе, где он имеется, на уровне мировых стандартов.

2.1.2.3. Создание условий для резкого увеличения наукоемкой составляющей экономики региона;

2.1.2.4. Создание условий для широкого производства (где это возможно) высокотехнологичных строительных материалов (в формате малого и среднего предпринимательства).

Цели IV ранга (для цели 2.1.8.):

2.1.8. Создание эффективной системы управления социально-экономическим развитием региона.

2.1.8.1. Переход на новые структуры и методы управления Правительства и министерств региона, ориентированные на управление экономикой и обществом в условиях рыночной экономики;

2.1.8.2. Ускорение создания электронного правительства.

2.1.8.3. Формирование стратегического видения у высшего руководства на региональном, районном и муниципальном уровнях;

2.1.8.4. Информатизация и автоматизация систем управления на всех уровнях управления региона.

Цели IV ранга (для цели 2.1.4.):

2.1.4. Создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса и превращение его в локомотив экономики региона.

2.1.4.1. Формирование устойчивого видения у высшего руководства на всех уровнях управления, что развитие малого и среднего бизнеса (учитывающего такие фундаментальные тенденции мировой экономики, как инновационный императив, автономизация человека, высокие темпы реализации бизнес-идей в жизни) является, особенно в регионе, где наблюдается высокий уровень экономической активности населения, магистральным направлением преодоления безработицы и экономического

кризиса, а также важным звеном в формировании условий развития постиндустриального общества, основанного на знаниях;

2.1.4.2. Создание правовых и институциональных основ деятельности малого и среднего бизнеса (МСБ) с учетом изменяющейся внешней среды и их соответствия международным стандартам и практике (хотя в 1995 г. вступил в действие ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства», и многие субъекты РФ приняли свои соответствующие законы о поддержке малого предпринимательства, они на практике не работают и до создания правовых основ деятельности МСБ еще далеко);

2.1.4.3. Создание системы кредитных гарантий для МСБ, в которой предприниматель получает гарантии (в специально созданных организациях для получения гарантии кредитов) и по ней может получить кредит в банке;

2.1.4.4. Формирование основ для запуска и инкубации предприятий МСБ, совершенствуя механизм поддержки инновационной активности;

2.1.4.5. Содействие МСБ в развитии электронной торговли;

2.1.4.6. Формирование властями сети предоставления публичных услуг предприятиям МСБ, оказание содействия в выживании и развитии малых предприятий во всех районах и городах (с учетом особенностей и спецификации этих районов и городов), а также в привлечении новых технологий, поиске сырья, обеспечении доступа к необходимой информации и организации соответствующих учебных курсов и исследований;

2.1.4.7. Существенное упрощение процедуры регистрации малых предприятий.

Ограничимся этим в построении дерева целей развития региона. Дерево целей определяет будущее состояние региона и его подсистем. Имея исходное состояние региона, и начиная реализацию дерева целей с самых нижних рангов, движение вверх по дереву дает упорядоченную последовательность промежуточных состояний в развитии региона, заканчивающуюся будущим состоянием, соответствующим достижению стратегической цели. Последовательность промежуточных состояний – не что иное как динамика

развития региона. Другими словами, в дереве целей содержится последовательность действий, которая приводит к достижению стратегической цели, т.е. то, что называется, собственно, стратегией развития региона.

Необходимо определить исходное состояние развития региона, с которого он должен начать реализацию указанного дерева целей по его превращению в конкурентоспособный регион.

Следует эту работу начать с тех задач, решение которых зависит в большой степени от региона:

1. Необходимо прежде всего начать с повышения эффективности работы Правительства и министерств региона. Структура и методы управления этих органов требуют серьезных преобразований, ориентированных на управление обществом и экономикой в условиях рыночной экономики. На сегодня и структура, и методы управления как Правительства, так и министерств регионов практически остались такими же, какими были в административно-командной экономике и потому они громоздки и не эффективны. Расходы на госаппарат неоправданно велики. Отраслевой принцип управления народным хозяйством ушел из жизни вместе с Советским Союзом, а министерства, как носители этого принципа, не превратились еще в соответствующие региональные информационно-аналитические центры. Информатизация и автоматизация системы государственного управления в большинстве регионов (которые необходимы для таких преобразований) на недопустимо низком уровне.

2. Добиться постоянного роста инвестиционной привлекательности региона, а также роста ее привлекательности как территории, способной обеспечить высокое качество жизни и производственно-хозяйственной деятельности (цель 1.3) невозможно, если будем опираться только на создание льготных условий для потенциальных инвесторов. Инвесторы (особенно иностранные) не будут вкладывать в экономику, как отмечено выше, большие средства только лишь потому, что мы создаем им сегодня льготные условия. Они знают, что эти условия легко и отменить завтра.

3. Движение к требуемому качеству технологии и инновационному пути развития необходимо начать уже сегодня с подготовки соответствующего человеческого капитала, а значит с коренных преобразований в образовательной системе региона. Вузы региона должны быть выведены (не по названию, а по сути) на уровень исследовательских университетов с десятками, а может и сотнями в каждом вузе наукоемких хозяйствующих малых и средних организаций, внедряющих научные результаты в производство. И это реально, если учитывать, что уже вышло постановление Правительства РФ, разрешающее вузам и научным организациям создавать такие малые хозяйствующие высокотехнологичные организации.

С этим будет связано коренное изменение технологии обучения студентов в вузах (путем приобщения их с первого курса к фундаментальным исследованиям), что приведет к соответствующим изменениям критериев качества обучения в школах. Такие индексы конкурентоспособности региона как затраты на фундаментальные исследования, на медицинские исследования, количество научных работников и инженеров, а также получивших ученые степени, финансирование сферы высоких технологий, процент учеников и студентов-отличников по математике и точным наукам, количество патентов на 10 тысяч жителей и т.д. должны стать для Правительства региона предметом особой заботы также, как и повседневная его забота о развитии экономики.

Государственная политика в регионе должна быть переориентирована на резкое увеличение производства наукоемкой продукции.

Только так регион может выйти на мировой рынок. За десятилетия такие, например, страны как, Финляндия, Израиль, Южная Корея, которые были экспортерами сырья, смогли разработать и успешно реализовать на деле стратегии развития, направленные на резкий скачок наукоемкой составляющей экономики. Экспорт Израиля в начале состоял на 70% из сельхозпродукции, Финляндии – на 70% из древесины и продуктов лесоперерабатывающей промышленности. Сегодня у этих стран свыше 50% экспорта приходится на наукоемкую продукцию.

Регион, как часть России, провозгласившей переход на инновационный путь развития и являющейся одним из лидеров по уровню своего научно-технического развития, имея солидный уровень такого развития, в состоянии реализовать стратегию развития, направленную на существенное увеличение наукоемкой составляющей экономики. Необходимо только целенаправленно и серьезно взяться за решение этой задачи и в первую очередь в приоритетных отраслях экономики (они определены в целях IV ранга для 2.1.2.), для которых могут быть приняты целевые комплексные программы их развития. Реализация этих программ должна быть наиважнейшей задачей Правительства региона. Здесь уже не обойтись без государственной поддержки на федеральном уровне. Но и без соответствующей инициативы со стороны региона проблемы не будут решены и на федеральном уровне.

4. Развитие региона сложно представить без информатизации общества. Должна быть принята целевая комплексная программа (ЦКП) информатизации общества в регионе, к реализации которой следует приступить незамедлительно, иначе отставание в этой сфере чревато невозможностью через 10 лет эффективно управлять развитием региона. Финансирование такой ЦКП будет иметь два источника: с одной стороны надо войти в федеральную ЦКП «Электронная Россия» и с другой – за счет сокращения расходов на содержание госаппарата региона и районов.

5. В соответствии с целью I ранга (под номером 6), наряду с развитием существующей медицины, которая лечит уже заболевших, должна быть поставлена задача перехода к концепции профилактической медицины региона. Финансирование этой задачи должно осуществляться из тех же источников, что и в п.4 плюс еще соответствующие ЦКП по региональному здравоохранению. Становление такой медицины реально, если эта задача будет решаться параллельно с развитием информатизации общества в регионе, созданием автоматизированных рабочих мест врачей в медицинских учреждениях, объединенных в единую сеть ЭВМ регионального здравоохранения, а также созданием современных компьютеризованных диагностических центров, способных к дистанционному диагностированию больных с охватом всего

населения региона. Необходимость и огромная значимость создания информационно-телекоммуникационной системы регионального здравоохранения очевидна. Возможность получения в реальном масштабе времени состояния здоровья каждого человека и всего населения региона – необходимое условие для принятия правильного решения по всем направлениям жизнедеятельности региона как в сфере хозяйственно-экономической деятельности, так и в сфере духовно-нравственного и физического оздоровления общества.

Таким образом, имея полное дерево целей развития региона и двигаясь снизу вверх по схеме рис. 1.3, можно получить последовательность всех необходимых действий, выполнение которых приведет к достижению стратегической цели. Выполнение этих действий на основе выбранных критериев и эффективного распределения ресурсов и времени и есть стратегия развития региона.

2. Управление реализацией стратегии развития региона и основные показатели устойчивого развития

Стратегическое управление – управленческая деятельность, направленная на достижение стратегических целей развития региона. Стратегическое управление включает в себя, наряду со стратегическим планированием и анализом состояния региона, также и управление реализацией стратегии развития региона, элементами которого выступают: формулировка задач реализации стратегии, определение этапов и механизмов, а также условий реализации стратегии, оценка эффективности стратегии и мониторинг ее реализации.

Реализацию стратегии развития региона мы определяем в три этапа:

1 этап – переходный период: преодоление последствий глубокого экономического спада и выход на стабильный экономический рост.

2 этап – реализация крупных целевых комплексных программ, способных привести к качественным изменениям в подсистемах «Экономика», «Общество», «Природа», а также в системе управления развитием региона;

3 этап – начало выхода региона на путь устойчивого регионального развития.

Длительность каждого из этих этапов зависит от исходного состояния региона.

Результаты реализации стратегии по этапам даны в таблице 5.2., составленной с использованием методологии, так называемого, регионального форсайта. Эта методология в отличие от прогноза, т.е. угадывания будущего определяет не любые варианты будущего, а варианты желаемого облика будущего, которые жизнеспособны лишь при определенных условиях и выборе реалистичных сценариев развития, а также при достижении согласия в обществе относительно этого облика будущего и путей его достижения.

Региональный форсайт, как методика проектирования перспективного развития региона, пришедшая к нам с развитых стран, по сути – технологический форсайт (методы выбора приоритетов в сфере науки и технологии), распространенный на проблемы регионального развития в целом. Региональный форсайт в России находится только на самом начальном пути его использования. Говоря о региональном форсайте, речь идет о заглядывании вперед на такую перспективу, в рамках которой мы можем получить новый облик региона.

Таблица 5.2

Этапы реализации стратегии	Результаты
1 этап Результаты достигаются за счет выработки и успешной реализации соответствующей эффективной региональной, социальной, экономической, демографической, национальной, экологической и научно-технической политики в регионе, а также за счет создания благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса и отсюда вовлечения большей части трудоспособного населения в этот бизнес.	1. Будет сформирована перспективная структура экономики региона. 2. Будет обеспечен стабильный экономический рост (не менее 7-10 % в год). 3. Произойдет существенное увеличение душевого производства ВРП и инвестиций в основной капитал. 4. Будут реализованы конкурентные преимущества региона. 5. Состояние мотивации населения на достижение стратегических целей развития поднимется на высокий уровень. 6. Будет достигнут второй этап зрелости «электронного правительства» региона. 7. Будут определены стратегически важные отрасли экономики региона и осуществится концентрация ресурсов (инвестиций) в этих отраслях. 8. Осуществятся развитие рыночной инфраструктуры, сокращение числа налогов, упорядочение налоговой системы. 9. Будут созданы благоприятные условия для широкого развития частного сектора, а также малого и среднего бизнеса. 10. Доля граждан со среднедушевым доходом ниже прожиточного уровня станет не более 4% численности населения региона. 11. Появится тенденция к сокращению социального расслоения общества и росту численности среднего класса. 12. Уровень жизни в регионе станет выше среднероссийского. 13. Произойдет ужесточение законодательной базы в части загрязнения окружающей среды и оснащение промышленности и транспорта природосберегающими технологиями. 14. Произойдет постепенный рост объема инвестиций в науку и научно-техническую сферу. 15. Интегральный показатель здоровья населения достигнет среднероссийского уровня.

Этапы реализации стратегии	Результаты
2 этап Результаты этого этапа достигаются за счет успешного осуществления 1 этапа реализации стратегии и полной реализации целевых комплексных программ развития приоритетных стратегически важных отраслей экономики, а также за счет максимального вовлечения населения в малый и средний бизнес.	1. Будут реализованы целевые комплексные программы (ЦКП) развития стратегически важных приоритетных отраслей региона. - По принципу «Что будет, если...», если будут реализованы указанные ЦКП, то: 2. Малый и средней бизнес (МСБ) получит такое развитие, которое превратит его в локомотив экономики. 3. Научеёмкая составляющая экономики достигнет 7-8% и регион выйдет на начало траектории инновационной экономики. Произойдет заметное увеличение процента занятых в высокотехнологичных отраслях. 4. Будут созданы развитая рыночная инфраструктура и развитая инфраструктура финансового рынка. 5. Показатели душевого производства ВРП и уровня жизни в регионе станут одними из передовых в РФ. 6. Произойдет постоянный рост инвестиционной привлекательности региона. 7. Образовательная система региона перейдет на новую технологию обучения студентов и учащихся, основанную на получении знаний через науку. Будет создана почва для формирования человеческого капитала в целях перехода на инновационную экономику. 8. Региональное здравоохранение начнет реализацию концепции профилактической медицины. 9. Интегральный показатель здоровья населения перейдет на уровень выше среднероссийского. 10. Будет в основном сформировано гражданское общество в регионе. 11. Будет обеспечена здоровая окружающая среда для населения. 12. Регион в части обеспечения безопасности граждан и ее привлекательности, как место постоянного проживания, будет в числе передовых субъектов РФ. 13. Система управления развитием региона будет основана на компьютерной безбумажной технологии управления. 14. Будет реализован 1 этап ЦКП «Информатизация общества», который выведет регион в число первых субъектов РФ по показателям информатизации региона.
3 этап Результаты основаны на достижениях региона на 2 этапе реализации стратегии. Прогнозирование динамики основных макроэкономических показателей развития, с использованием соответствующей модели.	1. Будет создан рынок объектов интеллектуальной собственности, который приведет к росту ценности интеллектуального труда, науки и образования. 2. Произойдет массовое вовлечение студентов и аспирантов в рыночный механизм коммерциализации интеллектуальной собственности через систему малых предприятий, создаваемых для этих целей при вузах и научных учреждениях. 3. Научеёмкая составляющая экономики достигнет 12-15% и регион выйдет на инновационный путь развития экономики. 4. Результатом реализации ЦКП «Агропромышленный комплекс» станет избавление от производства генно-модифицированных продуктов и формирование нового бренда на российском и мировом рынках сельхозпродуктов «Регион – здоровые продукты», что предполагает коренной технологической модернизации производства и переработки сельхозпродукции и доведения наукоёмкой составляющей производства АПК до 20-30 %. 5. Регион станет конкурентоспособным. 6. Уровень жизни в регионе станет высоким (за счет реализации указанных ЦКП) и достаточным, чтобы перейти к началу выхода на траекторию устойчивого регионального развития. 7. Регион окажется в числе первых субъектов РФ по показателю «индекс человеческого развития» (обобщающий индикатор качества жизни, исчисляемый как средний из трех величин: уровень жизни, средняя продолжительность жизни, уровень образования населения). 8. Будут созданы условия для всестороннего развития личности. 9. Регион станет территорией, где повсеместно и строго соблюдаются природосберегающие технологии. 10. Будет обеспечен высокий уровень социальной, общественной и личной безопасности. 11. Интегральный показатель здоровья населения достигнет уровня развитых стран. 12. Появятся зримые черты информационного общества в регионе. 13. Система управления развитием региона будет основана на оптимизационных моделях управления устойчивым региональным развитием в сочетании с рыночными механизмами самоуправления.

Как видно из этой таблицы, одним из важнейших инструментов реализации стратегии развития региона является исполнение региональных целевых комплексных программ (ЦКП) развития стратегически важных приоритетных отраслей народного хозяйства региона. Существует типовая методика создания ЦКП Министерства экономического развития РФ, структура которой предусматривает: цель и задачи программы, сроки выполнения задач, источники и объем финансирования, разработчик программы, ожидаемые эффективность и конечные результаты. В соответствии с такой структурой и будут разработаны указанные в таблице ЦКП, а также ЦКП «Образование», «Здравоохранение».

В управление реализацией стратегии входит, как отмечено выше, мониторинг реализации, основными задачами которого являются:

- непрерывное наблюдение за реализацией стратегии по срокам исполнения и объемам выполненных работ (на основе компьютерной системы слежения);
- принятие решений по корректировке стратегии;
- обоснование и поддержка более выгодных инвестиционных проектов.

Наиболее важным этапом управления реализацией стратегии является оценка эффективности реализации стратегии.

Существует ряд научных подходов к такой оценке, основанных на критериях по уровню и качеству жизни, индексу развития человеческого потенциала, инвестиционной привлекательности и т.д.

В данной работе предлагается производить оценку эффективности стратегии по показателям устойчивости регионального развития, а также показателям пороговых значений и целевых ориентиров параметров жизнедеятельности региона. Реализацию стратегии можно считать эффективной лишь тогда, когда в результате реализации этой стратегии регион обретает свойство «жизнеспособности», т.е. способности к выживанию и развитию в своем конкретном меняющемся окружении (не всегда содействующим повышению качества жизни в регионе), что возможны лишь в

условиях адаптации региона к этому окружению. Как отмечено выше, понятия «жизнеспособность» и «устойчивость» равносильны. Если система жизнеспособна в своем окружении, она обязательно будет устойчивой. Устойчивость – не что иное, как устойчивое развитие. А как опознать устойчивое развитие региона? По каким показателям можно судить об устойчивом развитии?

Долгое время показателем благополучия и устойчивости региона считалось материальное благополучие. Однако материально устойчивая диктатура, например, имеет намного меньше шансов для сохранения устойчивости, чем честное и справедливое, но менее материально обеспеченное общество.

Поэтому такие наиболее распространенные показатели материального благополучия как валовой региональный продукт (ВРП), уровень жизни населения и т.д. вряд ли станут мерой устойчивости развития региона. Так, ВРП (равный общей стоимости годового потока товаров и услуг, производство каждого из которых связано со значительным потреблением невозобновляемых ресурсов и загрязнением среды обитания) в настоящее время служит, как отмечено Хартмутом Босселем (Международный институт устойчивого развития), главным образом «мерой интенсивности разбазаривания природных ресурсов и превращения их в движение капитала, независимо от того, каким образом это может сказаться на состоянии общества. Едва ли такой показатель заслуживает названия показателя национального богатства и благополучия».

Для целей оценки жизнеспособности региона сформируем прежде всего ее принципы (показатели жизнеспособности) с использованием системы «регион-рынок» (см. Главу III), оптимальное функционирование которой связано с обеспечением устойчивого развития региона. Эти принципы по сути являются критериями движения региона в направлении устойчивого развития. Система «регион-рынок» – это система согласования законов рыночной экономики и территориальной организации общества. Законы рынка и региональные интересы накладывают друг на друга определенные ограничения

и условия. Ничем неограниченное действие рынка в регионе может войти в противоречие с интересами регионального развития (например, с такими интересами как сохранение природоресурсного потенциала региона) и наоборот, чрезмерное ограничение действия рынка приведет к замедлению развития региона. Вопрос в том, как и какую выстроить систему ограничений в действиях рынка на данной территории, чтобы эти действия максимально служили интересам территориальной организации общества.

Ниже приводятся основные показатели устойчивого развития региона.

1. Эффективность территориальной организации общества достижима только в таком регионе, где высшей ценностью является свобода личности, основанная на институте частной собственности. Это и есть первый показатель устойчивого регионального развития.

2. Регион должен быть совместимым со своим социальным, экономическим, экологическим, общественно-политическим окружением, т.е. должен чувствовать себя неотъемлемой частью Российской Федерации и ему должен быть обеспечен равный доступ к необходимым ресурсам страны. Другими словами, регион будет жизнеспособной только тогда, когда он совместим с указанным внешним окружением.

3. Регион должен быть способным формировать на всех уровнях самодостаточные бюджеты развития, обеспечивать себя всем (или почти всем) необходимым для регионального воспроизводственного процесса, а также способной справиться с большим разнообразием проблем своей жизнедеятельности, возникающим в экономике, общественной жизни, окружающей среде и т.д.

4. Регион должен иметь систему защиты от природных и техногенных катастроф и систему обеспечения социальной, экономической, экологической и общественной безопасности.

5. Регион должен обеспечить долгосрочное равновесие между подсистемами «Экономика», «Общество», «Природа», в котором приоритет отдается росту качества жизни населения.

6. Регион должен быть способным корректировать свои цели и регулировать свое поведение в соответствии с изменением поведения и интересов других регионов и страны в целом.

7. Хозяйственная деятельность в регионе должна быть регламентирована так, чтобы эта деятельность не противоречила интересам региона и народов, проживающих в нем (сохранению, например, природной среды).

8. Каждый хозяйствующий субъект региона должен быть защищен от вмешательства в свою деятельность со стороны региональных и муниципальных органов власти, выходящего за рамки компетенции этих органов.

Регион, который располагает средствами более эффективного удовлетворения требований этих принципов, будет обладать более высокими шансами для долгосрочного выживания и устойчивого развития. Вместе с тем управление реализацией стратегии будет успешным, если оно будет основано на системе управления устойчивым развитием региона.

3. Целевые ориентиры и пороговые значения индикаторов экономической безопасности и показателей жизнедеятельности региона

Напомним определение устойчивого развития (УРР) (см. Главу I), в основе которого лежит адаптационное свойство региона.

Способность региона сохранять в долгосрочном плане общее направление развития, а также значение необходимых параметров качества жизни населения в пределах (выше) порога безопасности при широких колебаниях внешних и внутренних возмущений (общественно-политического, социально-экономического, природно-климатического, техногенного и т.д. характера), грозящих падением уровня и качества жизни, определяет устойчивость регионального развития.

Пороговое значение показателя экономической безопасности (порог безопасности) является предельным значением индикатора экономической безопасности (ЭБ), превышение (или недостижение) которого приводит к

началу деградиционных процессов в регионе. Другим словами это то, чего допустить нельзя. Кроме того вводится понятие «целевой ориентир», отвечающий на вопрос: «К чему следует стремиться?». Целевой ориентир соответствует некоторой установленной норме относительно благополучного состояния региона по тем или иным показателям качества жизни населения.

Целевым ориентиром, например, по такому показателю как ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении является 70-75 лет.

Чем объясняется необходимость перехода к устойчивому развитию региона? По оценкам работы [12] произошло значительное расстройство механизмов регионального воспроизводства (что особенно заметно по трудовым ресурсам). Финансовые ресурсы страны концентрируются в регионах, где живет менее 20% населения России (в регионах добычи нефти и газа – 1,3 % населения, черной и цветной металлургии – 10%, Москва и Самарская обл. – 8%). Доступа к финансовым ресурсам практически лишены все остальные регионы, в которых региональное развитие сводится лишь к поддержанию отдельных крупных предприятий и некоторых отраслей местного значения типа пищевой промышленности, сферы услуг, ремонта и т.д. в основном за счет средств предприятий и местных бюджетов.

Для реализации в этих регионах более крупных проектов нет соответствующих структур – ни финансовых, ни строительных. Чтобы выйти из такого положения, требуется принципиальное изменение самой стратегии экономического развития. В чем суть такого изменения? Дело в том, что автоматизм рыночной экономики действительно имеет место быть, но этот автоматизм работает только в части использования ресурсов. А что касается процессов их воспроизводства, эти процессы протекают в большинстве своем за пределами рынка. Например, воспроизводство знаний и трудовых установок осуществляется в сферах науки, образования и культуры; воспроизводство трудовых ресурсов – в семье, в сферах образования, здравоохранения, отдыха; воспроизводство биологических ресурсов и почвенного плодородия – в соответствующих подсистемах биосферы и т.д.

Отсюда видно, что настало время поставить вопрос перехода от экономики, основанной на использовании ресурсов, к экономике, основанной на системном воспроизводстве этих ресурсов. Только на базе такой экономики можно создать жизнеспособное общество, т.е. устойчивое общество. В развитых странах Запада институциональная структура экономики сегодня находится в процессе глубоких изменений, долгосрочная перспектива которых определяется понятием «переход к устойчивому развитию». В нашей стране проблема институционального обеспечения устойчивого развития не только не решена, но она как задача даже не поставлена. Но без постановки такой задачи мы не выйдем из экономического тупика, в котором оказались как регионы, так и страна.

Поэтому модернизация институциональной структуры экономики регионов и страны в целом не должна сводиться к воспроизводству материальной и институциональной структуры экономики развитых стран, а должна привести к формированию принципиально новой структуры, основанной на понятии «переход к устойчивому развитию», где субъектами устойчивого развития станут регионы, объективно выступающие как воспроизводственные системы и как пространства взаимодействия ресурсных подсистем.

Необходимость становления на путь УРР следует также из наблюдающего в стране осознания неизбежности перехода от экспортно-сырьевого сценария к сценарию регионально-ориентированного развития, подразумевающего наращивание воспроизводственного потенциала региона методами обустройства территории и развития человеческого потенциала, базирующегося на крупномасштабных общественных (государственных и муниципальных) инвестициях в развитие инфраструктуры.

Устойчивость является динамическим понятием. Однако динамическая устойчивость региона относительна, т.к. развитие региона имеет дискретную природу, определяемую тем, что путь развития региона проходит через кризисные ситуации, вызывающие состояния неустойчивости. Кризисные процессы могут быть вызваны негативными влияниями некоторых элементов

региона на сбалансированное развитие этого региона. Отсюда проблема разработки указанных выше целевых ориентиров и пороговых значений показателей жизнедеятельности региона обретает особую актуальность. Эта проблема не имеет в настоящее время формализованного решения. Поэтому как пороговые значения, так и целевые ориентиры показателей жизнедеятельности региона определяются с использованием методов экспертных оценок на основе изучения опыта других регионов и стран, а также учета местных условий.

Эти показатели предоставляют большие возможности в информационно-аналитическом обеспечении системы управления развитием региона, позволяя оценивать эффективность деятельности органов власти и управления, выработать рекомендацию в сфере стратегического планирования и обеспечивать эффективность оперативного управления региональным развитием. Перечень целевых ориентиров и пороговых значений показателей жизнедеятельности региона должен объективно отражать состояние подсистем «Экономика», «Общество», «Природа» региона, уровень и качество жизни населения, уровень криминогенности общества, состояние образования и здравоохранения и т.д., т.е. всю информацию, которая требуется для принятия руководством региона обоснованных решений по всем параметрам жизнедеятельности региона. Пороговые значения и целевые ориентиры обязательно должны иметь численные значения. Использование этих показателей в реальном управлении развитием региона должно носить обязательный характер, придав им соответствующий нормативно-правовой статус, иначе принятие управленческих решений по ним не будет иметь смысла.

Один из возможных путей развития региона с изображением пороговых значений и целевых ориентиров показателей жизнедеятельности региона показан на рис. 5.3.1.

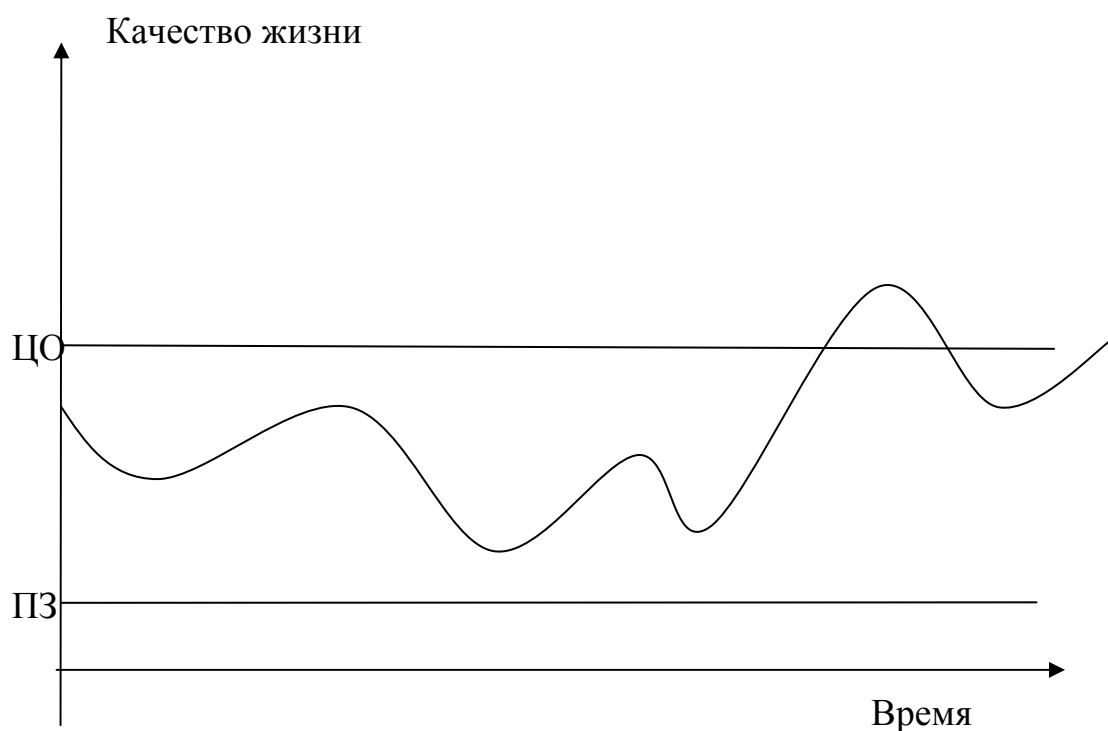

Рис. 5.3.1

На этом рисунке ЦО – целевой ориентир, ПЗ – пороговое значение показателей качества жизни в регионе. Кривая показывает путь изменения качества жизни населения в процессе развития региона. Точки кривой, находящиеся ниже ПЗ, отражают кризисное состояние, точки между ПЗ и ЦО – предкризисное состояние, а точки, которые равны и выше ЦО – нормальное состояние региона. Нормальное состояние региона отражает тот факт, что все (или почти все) индикативные показатели качества жизни достигли или превзошли целевые ориентиры. Предкризисное состояние – когда следует считаться с тем, что есть опасность развития дестабилизирующих ситуаций и надо принять соответствующие меры предотвращения этой опасности.

Кризисное состояние – когда все (или большинство) индикативные показатели уровня и качества жизни населения опустились ниже пороговых значений, т.е. уровень и качество жизни ухудшились до такой степени, что это привело к нарушению взаимодействия подсистем «Экономика», «Общество», «Экология».

Сложность в определении целевых ориентиров и пороговых значений индикативных показателей жизнедеятельности региона в том, что в обществе

понятие качества жизни населения не имеет однозначного толкования. Условия жизни общества в разных регионах, отличающихся, зачастую, сложившимися там национальными традициями, исторически складывались по разному и требования к качеству жизни населения у каждого региона, как правило, свои. И эти требования, по известным причинам меняются не каждый год. Поэтому и пороговые значения меняются довольно медленно, что является важным фактором включения этих порогов в инструментарий стратегического управления развитием региона. Приведем перечень целевых ориентиров и пороговых значений индикаторов экономической безопасности и показателей жизнедеятельности одного из регионов – Кабардино-Балкарской республики (таблица 5.3).

Таблица 5.3

Показатели	Характеристика	Текущее значение	Целевой ориентир	Пороговое значение
1. Производственная безопасность. 1.1. Валовой региональный продукт, в % к показателю предыдущего года	Валовой региональный продукт – сумма валовой добавленной стоимости, произведенной за отчетный период резидентными единицами региональной экономики. Валовая добавленная стоимость определяется как разница между выпуском продуктов и услуг в основных ценах и промежуточным потреблением. Валовой региональный продукт – базовый индикатор социально-экономического развития региона характеризующий результат производства товаров и услуг.	101,6	107	95
1.2. Индекс промышленного производства, в % к показателю предыдущего года	Относительный показатель, характеризующий изменение масштабов промышленного производства в сравниваемых периодах .	102,1	107	95
1.3. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве, %	Отношение объема производства продукции машиностроения и металлообработки к объему производства промышленной продукции. Характеризует структуру промышленности.	27,3	30	15
1.4. Объем инвестиций в основной капитал, в % к валовому региональному продукту	Инвестиции в основной капитал – затраты на новое строительство, реконструкцию, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий, на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство. Характеризует накопление основного капитала, является индикатором развития экономики.	16,2	30	8
1.5. Индекс потребительских цен, %	Показатель среднего уровня изменения цен товаров и услуг относительно базисного периода (показатели по состоянию на декабрь предыдущего года). Используется в качестве показателя инфляции.	116,1	105	140

1.6. Отношение объема государственного долга к объему доходов бюджета без учета финансовой помощи из федерального бюджета.	Показатель является одним из важнейших индикаторов в механизме исполнения бюджета, функционирование которого зависит от эффективности привлечения заемных средств для осуществления инвестиционной бюджетной политики и обеспечения погашения существующих долговых обязательств. Характеризует степень зависимости бюджета КБР от внешних и внутренних заимствований.	0,2	0,4	0,6
1.7. Отношение расходов на обслуживание государственного долга к расходам бюджета	Характеризует процесс управления государственным долгом КБР.	0,04	0,1	0,18
1.8. Отношение дефицита бюджета к объему доходов бюджета без учета финансовой помощи из федерального бюджета	Дефицит бюджета – превышение расходов над его доходами. Показатель характеризует сбалансированность экономики, устойчивость бюджетной системы региона.	0,04	0,15	0,18
2. Научно-техническая безопасность	Доля расходов на науку и научное обслуживание в ВВП КБР в анализируемом периоде, %	0,85-РФ 0,5-КБР	5	2
3. Инвестиционная безопасность	Отношение объема инвестиций в экономику к ВВП КБР в анализируемом периоде (%)	13	30	15
4. Внешнеэкономическая безопасность	Отношение экспорта КБР к ВВП КБР (млн. долл.)	10,3	32,8	15,2
5. Энергетическая безопасность	Доля собственных источников в балансе топлива и электроэнергии в КБР; (млн. Т.У.Т.) (млрд. кВт.ч.) Степень удовлетворения запасами потребителя суточной потребности в топливе в КБР (млн. Т.У.Т.)	29 ?	50 ?	? ?
6. Финансовая безопасность	Отношение дефицита бюджета КБР (без трансферов) к ВВП, % Отношение кредиторской задолженности предприятий и организаций КБР к ВВП, % Отношение сальдированной прибыли предприятий и организаций КБР к ВВП КБР	59 34 0,9	30 19,2 0,7	60 40 1,2
7. Социальная безопасность	Доля лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения. Характеризует долю пожилых людей в общей численности населения, что особенно актуально в условиях КБР	10,8	10	15
7.1. Коэффициент старости населения, %				
7.2. Коэффициент рождаемости	Число родившихся за год на 1000 человек населения. Характеризует демографическую ситуацию.	12,8	20	15
7.3. Коэффициент младенческой смертности	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся. Характеризует состояние охраны материнства и детства, здоровье населения.	5,83	5	12
7.4. Коэффициент смертности	Число умерших на 1000 человек населения. Характеризует демографическую ситуацию.	9,5	8	12
7.5. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет:	Количество лет, которое предстоит прожить поколению новорожденных при сохранении для каждого возраста существующего уровня смертности. Характеризует состояние здоровья и уровень смертности населения, используется в мировой практике как один из показателей качества жизни.			
- всего		72,4	82	70
- мужчины		67,5	80	68
- женщины		77,3	85	75
7.6. Общая заболеваемость детей	Всего зарегистрировано за год больных в возрасте 0-14 лет на 1000 детей. Характеризует состояние здоровья детей.	1259,4	1100	1200

7.7. Общая заболеваемость взрослого населения	Всего зарегистрировано за год больных в возрасте 18 лет и старше на 1000 человек взрослого населения. Характеризует состояние здоровья взрослых.	803,5	1000	1100
7.8. Первичная заболеваемость туберкулезом	Зарегистрировано за год больных с диагнозом туберкулеза, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. человек населения. Характеризует состояние здоровья населения.	48,3	30	40
7.9. Удельный вес предотвратимых причин смерти, %	Отношение смертности от предотвратимых причин смерти к общей смертности. Показывает смертность от причин, поддающихся медицинскому вмешательству. Характеризует совершенство системы оказания медицинской помощи	5,3	2	5
7.10. Уровень потребления алкоголя, л	Объем потребления алкогольных напитков в пересчете на абсолютный алкоголь на одного человека в год. Характеризует распространенность алкоголизма.	?	4	6
7.11. Охват населения основным общим образованием, %	Процентное отношение лиц в возрасте от 6 до 15 лет к числу обучаемых по программам основного общего образования. Характеризует систему образования и долю детей, не охваченных обучением.	77,3	100	90
7.12. Уровень регистрируемой безработицы, %	Удельный вес численности безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в численности экономически активного населения. Характеризует состояние рынка труда.	5,5	0,5	5
7.13. Общая площадь жилья в среднем на одного проживающего, кв. м/чел.	Общая площадь жилых домов – сумма площадей жилых и подсобных помещений квартир. Характеризует обеспеченность населения жильем.	16,9	35	16
7.14. Доля расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах населения, %	Отношение расходов на покупку продуктов питания к общей сумме потребительских расходов. Потребительские расходы – это расходы населения на покупку товаров и оплату услуг. Показатель является косвенным индикатором бедности: чем ниже доход, тем больше доля расходов на питание.	39	25	40
7.15. Уровень социально-экономической дифференциации.	Определяется соотношением доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Характеризует уровень социального неравенства.	12,1	5	11
7.16. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Отношение численности населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, к общей численности населения. Прожиточный минимум – стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Показатель характеризует масштабы бедности.	18,3	15	20
7.17. Динамика уровня преступности, в % к уровню предыдущего года.	Уровень преступности – число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек. Характеризует уровень безопасности в обществе.	81,4(-18,6)	85 (-15)	5
7.18. Индекс развития человеческого потенциала (индекс человеческого развития)	Обобщающий показатель уровня и качества жизни, рассчитываемый на основе трех составляющих: долголетия (средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении), достигнутого уровня образования (грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся) и уровня дохода (объема ВРП на душу населения). Применяется в международной	0,75	1,0	0,6

	статистике как критерий качества жизни. Необходим для международных и межрегиональных сопоставлений.			
8. Демографическая безопасность	Естественная убыль населения в КБР в анализируемом периоде (чел./1000 чел. населения)	коэффициент старения -0,7 скорость вымирания нации – 0,8	0,5 0,5	0,9 – 1,0 0,9 – 1,0
9. Криминализация	Количество зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения в КБР в анализируемом периоде.	986	<500	1500
10. Продовольственная безопасность	Степень душевого удовлетворения потребности в сельхозпродукции (хлеб и хлебобудовар, картофель, овощи, молоко и молочные продукты, яйца, мясо) в соответствии с медицинскими нормами питания в КБР (%) Доля завозимых извне продовольственных продуктов (%)	75,5 30	100 10	60 25
11. Экологическая безопасность	Отношение совокупных выбросов вредных веществ в атмосферу отходящих от стационарных источников загрязнения (тыс. тн) к площади территории (тыс. км ²). Отношение загрязненных сбросов сточных вод в КБР (млн. м ³) к площади территории КБР (тыс. км ²).	0,24 3,06	0,1 0,5	0,7 1,9
11.1. Индекс загрязненности атмосферы	Характеризует уровень загрязненности атмосферы: фактические данные по загрязнению атмосферы по основным загрязнителям сравниваются с нормативами предельно допустимой концентрации.	4,5	3	6
11.2. Индекс загрязненности воды для рек КБР	Характеризует уровень загрязненности воды рек. Качество поверхностных вод определяется величиной индекса загрязненности воды. Индекс комплексно характеризует сумму нормированных по предельно допустимым концентрациям среднегодовых значений концентраций загрязняющих веществ.	2,2-2,5	1	3
11.3. Площадь зеленых насаждений общего пользования на одного жителя КБР (кв.м/чел).	Характеризует уровень озеленения, качество городской среды.	20,7	50	20

Из этого «Перечня» видно, что показатели производственной безопасности республики находятся на уровне предкризисного состояния, но ближе к целевым ориентирам, что является результатом активных усилий за последние 5 лет республиканского руководства по повышению экономических показателей КБР. Показатели инвестиционной и внешнеэкономической безопасности, хотя и находятся в предкризисной зоне, но они ближе к

пороговым показателям, тем самым, приближаясь к кризисному состоянию региона.

Научно-техническая безопасность КБР находится на низком уровне. Если пороговое значение доли расходов на науку и научное обслуживание в ВВП КБР равняется 2 (пороговое значение это то, чего допустить нельзя), фактически этот показатель в республике составляет 0,5, то отсюда видно, что республика по этому показателю находится в глубоком кризисе. Показатели финансовой безопасности республики тоже близки к пороговым значениям, что требует особого внимания к этой проблеме, чтобы не скатиться к кризисному состоянию. Социальная безопасность по большинству показателей тоже находится в предкризисной зоне, но по таким показателям как ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин, а также коэффициент рождаемости республика находится в кризисном состоянии.

По состоянию здоровья населения республика находится практически в кризисном состоянии (по таким показателям, как общая заболеваемость детей, первичная заболеваемость туберкулезом, удельный вес предотвратимых причин смерти). Уровень жизни населения КБР на грани кризиса (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума близка к пороговому значению, а уровень социально-экономической дифференциации превосходит пороговое значение).

Доля расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах населения достигает порогового значения (чем ниже доход, тем больше доля расходов на питание). Продовольственная безопасность (по показателю доли завозимых извне продовольственных продуктов) находится в зоне кризиса.

Экологическая безопасность республики находится в предкризисной зоне. Высокая значимость «Перечня» в части принятия обоснованных управленческих решений в республике очевидна.

4. Стратегия развития информационного общества в регионе (информационное общество и устойчивое развитие)

Переход от «бумажных» локальных межкультурных коммуникаций к глобальным безбумажным (аудиовизуальным) электронно-спутниковым породил мощнейшее средство глубокого воздействия на психику человека, внушения ему определенных культурных установок, развития в нем тех или иных потребностей, навязывания эталонов поведения и т.д. Так, формируя 65-70% потока информации, циркулирующей в каналах коммуникаций всего мира, США составляет сегодня основу «информационного империализма». В очередной раз сильная цивилизация бросает вызов остальному миру. Нынешняя «информационная» агрессивная культура уже устанавливает новые правила диалога культур. В отличие от предыдущих от нее невозможно отгородиться, так как её облучение является всепроникающим. Каналы коммуникаций, ставшие глобальными и охватившие весь мир, каждую семью, формируют общественную жизнь и духовно-нравственное состояние каждого, кто вынужденно овладевает этой «чужой» информацией. При этом постепенно ослабевают культурные традиции пользователей такой «чужой» информации.

Есть ли у остального мира сегодня эффективная стратегия ответов на этот вызов, как например, Япония в свое время в истории диалога культур смогла сохранить свою цивилизационную идентичность?

Информационному империализму оказывают противостояние конфуцианские и исламские страны, пытающиеся сохранить свои национальные духовно-нравственные ценности и осуществить модернизацию независимо от Запада.

Однако при этом в вопросах поиска ответов на вызов «информационного империализма» будет эффективна только та стратегия, которая, используя еще сохранившуюся национально-культурную энергетику и, не теряя ее, необходимым условием модернизации определит создание информационного общества и ускоренными темпами приступит к информатизации общества.

Какова стратегия России в поисках ответов на этот вызов? Следует отметить, что она в России как задача еще не сформулирована. Если и дальше будет продолжаться нынешнее отставание нашей страны от развитых и даже развивающихся стран в средствах и проведении информатизации и не будет перемен в осознании обществом необходимости коренного изменения отношения государства к знаниям, к их роли и значению в развитии государства, то нам не миновать судьбы отсталой страны, не умеющей решать свои собственные задачи из-за неумения пользоваться знанием, накопленным человечеством.

Таким образом, информатизация общества – не просто очередная программа компьютеризации хозяйства страны. Она есть окно в новый мир сильных цивилизаций. И кто не сможет пробить это окно в новый мир, останется на задворках истории.

Что такое информационное общество и какие просматриваются сегодня его черты, отличающие это общество от нынешнего индустриального? Всевозрастающее усложнение искусственной среды обитания человека и резкое прибавление численности населения планеты, а также увеличение разнонаправленности социальных и технических сил, порождая экологические кризисы, приводят к резкому снижению надежности и устойчивости среды обитания и самой структуры мирового сообщества. Информационное общество (ИО) – очередная (после индустриального) ступень развития человеческого общества, где человечество, погружая в совокупную память компьютеров информационную модель указанной, усложняющейся до бесконечности, среды обитания и осуществляя многовариантное исследование этой модели, берет на себя контроль за этой моделью, тем самым, прогнозируя экологические кризисы и увеличивая надежность и устойчивость среды обитания человека.

Новые информационные технологии воздействуют на общество, с их помощью происходит его трансформация, под их влиянием происходит изменение промышленного производства, социальной структуры, культуры, сферы образования, политической системы. Информатизация, изменяя нервную

структуру социальной организации, позволяет осуществлять децентрализацию (регионализацию) управления, тем самым, упрощая административную структуру и повышая эффективность ее деятельности, а также предоставляя уже сегодня местному самоуправлению больше свободы. Усиливает конкурентные возможности малого и среднего бизнеса, являющегося основой появления среднего класса, обеспечивающего стабильность и устойчивость общества. Основными признаками информационного общества, характеризующими его, являются:

1. Организация жизни общества – производственно-экономическая деятельность (сфера экономики), обеспечение оптимальных условий жизни (социальная сфера), управление общественно-политическими процессами и хозяйством страны (сфера политики и управления), формирование личностных духовно-нравственных и национально-культурных ценностей (сфера духовных и национально-культурных отношений) – основана на новейших информационных технологиях. Иначе говоря, в ИО развитие общества и информационные системы (ИС), которые его обслуживают, взаимообусловлены:

В ИО без ИС человечество не может обеспечить себе нормальную жизнь и приспособляться к меняющимся условиям окружающего мира. ИС не являются в ИО чем-то надстроенным, а являются органической составляющей инфраструктуры человеческого бытия.

2. Переход к безбумажным носителям информации и широкое продвижение в жизнь безбумажной информатики. Основная (если не вся) масса информации и знаний в ИО будет храниться уже не на бумаге. Поэтому, чтобы не уподобиться древнему человеку, не умевшему ни читать, ни писать, каждый человек в ИО должен будет уметь читать, писать и вести диалог в безбумажной среде. Человек в ИО будет отличаться от современных людей также, как последние отличаются от людей XVIII века.

3. Превращение информации в основной экономический ресурс, и становление информационных технологий, товаров и услуг одними из основных объектов экономических (рыночных) отношений.

4. Широкое развитие как общегосударственных (региональных), так и общепланетарных интеллектуализированных распределенных банков данных (различного назначения) общего пользования. В ИО развитие экономики любой страны (ранее опиравшейся на национально-государственный рынок) возможно лишь при опоре на наднациональный рынок, что обуславливает необходимость создания соответствующих наднациональных распределенных банков данных.

В настоящее время страны ЕС развивают общеевропейские БД общего пользования, охватывающие различные сферы.

В США уже подошли к созданию общенациональной сети США для бизнесменов, которая обеспечит связи «поставщик – потребитель», создание продукции с охватом всех участников цепочки «проектирование – производство – маркетинг – сбыт – обслуживание», формирование временных (долгосрочных или краткосрочных) групп производителей для реализации совместных проектов.

5. Широчайший доступ населения к любой (не составляющей секретный характер) информации в социально-экономической и общественно политической сферах, а также в сферах управления и духовно-нравственных, национально-культурных отношений.

Произойдет переход к новым формам демократии, основанным, благодаря доступу населения к любой информации, на эффективную систему контроля общества за властью.

6. Развитие наднациональных систем управления экономикой – интегрированных систем управления хозяйством совокупности стран, основанных на интегрированных ИС, порождающихся развивающимся наднациональным рынком. Следствием этого станет ослабление (в некоторых случаях и ненужность) межгосударственных границ в этих интегрированных странах.

7. Реализация п.п.4 и 6 приведет к необходимости регулирования социально-экономических процессов в отсталых странах и регионах.

8. Создание единого информационного пространства «общество - природа». В обществе установится такой порядок, который основан (в отличие от нынешнего хищнического отношения к природе) на принципе: брать у природы ровно столько, сколько человечество в состоянии восстановить. Произойдет переход биосферы от стихийного к направляемому человеческим разумом ноосферному этапу ее развития.

9. Произойдет осознание необходимости в научном мозговом центре человечества. Человечество подойдет к черте, за пределами которой просматривается создание единой общепланетарной системы управления теми или иными процессами на Земле.

Исходя из отмеченных нами признаков ИО, можно говорить, что путь к ИО есть по существу путь к созданию устойчивого общества. Проблемам устойчивого развития (УР) и ИО посвящено достаточно много работ в развитых странах. Однако эти проблемы в указанных работах не взаимосвязаны, что не отражает действительного положения дел. Соотношение этих проблем таково, что необходимым (но не достаточным) условием перехода к УР является становление ИО.

7 февраля 2008 г. Президентом РФ утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», в которой учтены основные положения Окинавской хартии глобального информационного общества, Декларации принципов построения информационного общества, Плана действий Тунисского обязательства и других международных документов, принятых на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам развития информационного общества.

Целью формирования и развития информационного общества в РФ является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества,

совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий.

Информатизация общества – исключительно сложная системотехническая работа, грандиозная научно-техническая проблема.

Научные направления, лежащие в основе информатизации общества:

- разработка методов математического и имитационного моделирования как производственно-политических, социальных, так и природных процессов;
- создание программных комплексов, баз и банков данных;
- интеллектуализация программ и создание систем искусственного интеллекта;
- создание распределенной интерактивной информационной и телекоммуникационной сети связи и обработки информации;
- многовариантное исследование подсистем региона: природы, экономики, общества;
- автоматизированное интеллектуальное управление социально-экономическими и общественно-политическими процессами в регионе;
- коммерциализация результатов научных исследований и экспериментальных разработок;
- повышение качества подготовки специалистов в области информационных и телекоммуникационных технологий.

В России сегодня есть некоторое продвижение в сторону развития общероссийских систем передачи данных (от регионов в Центр), однако региональных телекоммуникационных сетей передачи и обработки данных, а также региональных распределенных баз и банков данных общего пользования нет ни в одном регионе.

Чтобы появились такие сети и базы данных, требуется решить в регионах ряд проблем организационного характера. В первом ряду этих проблем находятся: образование региональной государственной службы информатизации; системы экономического стимулирования информатизации; решение ряда организационно-методических проблем.

В части образования региональной госслужбы информатизации должна быть решена проблема создания единой системы из:

- предприятий, организаций, учреждений сферы информатики и связи, находящихся на территории региона независимо от форм собственности и принадлежности (федеральная, региональная, муниципальная);
- специализированных органов региональной службы информатизации.

Такая система должна быть подкреплена соответствующей инвестиционной политикой и необходимыми нормативно-правовыми, программными и иными актами, устанавливающими социальные, экономические, организационные и технологические основы ее функционирования.

Нормативно-правовые основы региональной службы информатизации (РСИ) определяются решением следующих проблем в законодательном и ином порядке:

- определение основ организации, функционирования и развития РСИ и разграничение полномочий федеральных и региональных органов;
- установление порядка организаций и деятельности органов, предприятий и служб РСИ, а также целевых основ развития информатизации и ИИ региона;
- регулирование соответствующими стандартами технологических, эксплуатационных, архитектурных и иных аспектов деятельности РСИ;
- разработка регионального Устава информатики и связи как раздела соответствующего Федерального Устава или как самостоятельного основного правового акта региона.

Удовлетворение разнообразных информационных потребностей организаций, предприятий, граждан и всех структур общества, как и удовлетворение других человеческих потребностей, требует использования нормативно-правовых форм регулирования на стадиях использования информации. Этот вопрос встал особенно остро с появлением за рубежом компьютерных преступлений. Отсутствие в нашей стране необходимого законодательства об информации и информатизации препятствует включению России в системы международного информационного обмена.

В связи с возникновением мировых информационных потоков и резким повышением их влияния на национальные экономики и в связи с появлением возможности влияния через ЭВМ на человека возникает угроза нарушения прав личности. Поэтому в основу международных актов в области информатизации положены Конвенция ООН по правам человека, Декларация прав человека, Конвенция Совета Европы по правам человека. В законодательном порядке должны быть решены проблемы защиты: прав личности в условиях информатизации; государственных интересов; предпринимательской и финансовой деятельности в условиях работы с информационными системами и сетями. В условиях информатизации производственной деятельности в использовании информации приоритет должен быть отдан законам по информатике и связи, но ни в коем случае не ведомственным подзаконным актам.

Разрабатываемое на уровне Российской Федерации законодательство об информатизации как целостный пакет нормативно-правовых актов, с одной стороны, должно сочетаться с законодательством страны, и с другой - оно должно стать основой правовой сферы информатизации в законодательстве субъектов федерации. Что касается экономических проблем развития ИИ: если не будет осуществляться в регионе экономическая реформа, то и не будет развиваться ИИ. Поэтому программа развития экономики в регионах должна быть переплетена с программой развития ИИ и программой информатизации региона. Они взаимосвязаны и взаимозависимы. Кроме того, должен быть осуществлен ряд мер экономического характера, стимулирующий развитие ИИ:

- введение системы налоговых и иных льгот для развертывания коммерческих информационных систем общего пользования;
- экономическое стимулирование образования конкурирующих фирм в регионе, специализирующихся на системах телекоммуникационной связи путем частичной их приватизации или другим путем;
- введение регионального лицензирования деятельности всех информационных систем общего пользования независимо от форм собственности;

– предоставление всевозможных льгот государственным информационным структурам, стремящимся к коммерциализации своих информационных систем с последующим созданием на их базе систем общего пользования.

Процесс информатизации в регионах не может быть отделен от общих проблем научного управления обществом на данной территории. Оценка влияния процесса информатизации на решение проблем социально-экономической реформы в регионе - одна из важных научных задач, которая должна быть решена на первых этапах.

Особое значение для регионов будет иметь развитие научных основ автоматизации (производства и управления).

Предстоит развивать также работы по изучению проблем интеллектуализации информационных технологий научных исследований сложных систем. Одними из основных направлений исследований и разработок здесь являются:

- интеграция систем управления базами данных (знаний) и экспертных систем;
- создание интерфейсов экспертных систем с пакетами прикладных программ статистической обработки данных;
- создание специализированных систем управления базами данных, математических моделей исследуемых процессов;
- разработка стандартов представления данных и знаний в научных исследованиях.

Говоря о перспективах развития и использования основных компонентов информационной инфраструктуры в регионах, следует отметить, что в современных сетях связи сетевые интерфейсы, внутренняя структура сети и ее работы определяются принципом коммутации каналов, используемым в телефонии.

В некоторых регионах наблюдается, хотя и не в массовом масштабе, внедрение цифровых устройств в системах телефонии и передачи данных, но в функциональном плане цифровая природа данных используется в очень

незначительном объеме. В настоящее время в регионах возможности, предоставляемые сетями связи предприятиям, организациям населению в плане передач, обработки, накопления и поиска информации, настолько мала что вскоре они станут одним из основных препятствий созданию рыночной инфраструктуры. В связи с этим дадим краткую характеристику современных сетей связи (с учетом достижения передовых стран), принципиальные их недостатки и характеристику сети ближайшего будущего.

В современных сетях телефонные аппараты и аппаратура передачи данных (АПД) подключаются к сети с коммутацией каналов (то, что в основном имеется в нашей стране). За рубежом АПД могут подключаться также к сетям с коммутацией пакетов, а через арендуемые (некоммутируемые) каналы к базам данных, обеспечивающим услуги по хранению и распределению информации. Следовательно, говоря о достижениях в современных сетях, мы имеем в виду сети за рубежом.

Современная сеть, как правило, специализируется на оказании определенных видов услуг, и каждая из сетей имеет свою собственную топологию и свою схему идентификации оконечного узла, к которому подключаются терминалы пользователей. Вследствие этого терминалы абонентов имеют адреса, процедуры доступа и протоколы сигнализации, специфичные для данной сети. Когда абонентам требуются высокие скорости передачи, которые не обеспечивают аналоговые телефонные линии, применяются цифровые технические средства.

При всех достижениях по созданию сетей связи для современных сетей характерны следующие ограничения:

- абонент не может изменить характер обслуживания без изменения средств подключения к сети, осуществляемой связной фирмой и требующей значительных усилий;
- каждый вид обслуживания имеет свой сетевой интерфейс для абонента (например, интерфейсы для телефонной связи, цифровой частной линии для обслуживания в режиме коммутации пакетов). Возможности коммутации и

сигнализации, представляемые каждым интерфейсом, определяются оборудованием оконечного узла, к которому подключена абонентская линия, поэтому предоставление абонентам новых услуг сопряжено с необходимостью усовершенствования оборудования данного узла связной фирмой.

Появившаяся в последнее время возможность передачи изображений приводит к тому, что абоненты осознают ее преимущественно наряду с передачей речи и данных, но ограниченная пропускная способность средств сопряжения с сетью является препятствием для расширения активности в деловой и личной сферах. Поэтому широкое развитие получают локальные сети, использующие более широкополосные по сравнению с сетями общего пользования средства. Однако локальные сети «работают» в пределах ограниченных географических зон. В связи с этим у абонентов возникают требования по увеличению пропускной способности средств передачи в сетях общего пользования, обеспечивающих связь между локальными сетями.

Эти ограничения современных сетей будут устранены, если будут реализованы (эта задача реализуется сегодня в передовых странах) две новые концепции сетевой архитектуры: интеллектуальная сеть, в которой управление коммутационными функциями организовано по принципам, используемым в базах данных, и цифровая сеть интегрального обслуживания (ЦСИО), потенциальные возможности которых будут в полной мере реализованы с внедрением волоконно-оптических средств передачи на всех участках сети и особенно в абонентских устройствах доступа.

Наиболее важные аспекты архитектуры интеллектуальной сети:

- при реализации (наряду с имеющимися) новой услуги в сети не требуется изменение программного обеспечения коммутатора, так как в нем уже заложены программы для всех основных операций (в существующих коммутаторах программы рассчитаны только на определенные виды услуг, поэтому не в состоянии удовлетворить другие запросы на обслуживание);
- интеллектуальные периферийные системы обеспечивают доставку абонентам новых видов информации, ориентированной на конкретного

абонента, без введения дополнительных аппаратных и программных средств во всех коммутационных системах;

– обеспечивается возможность предоставления новых услуг широкому кругу абонентов, подключенных к нескольким коммутаторам, путем внесения изменений в программное обеспечение только одной системы административного управления, а не каждого коммутатора.

Концепция архитектуры ЦСИО предполагает, что абонентские терминалы, рассчитанные на передачу речи и данных через сетевую оконечную станцию, соединяются по цифровой линии доступа с оконечной станцией обмена оконечного узла сети. Несколько видов обслуживания объединяются в едином устройстве доступа абонента. Интеграция обеспечивается применением стандартизованных, не зависящих от вида обслуживания интерфейсов, которые позволят реализовать в терминале широкий диапазон возможностей. Абонент сможет совершенствовать свой терминал без изменения интерфейса и линии доступа и получать такие услуги, которые обеспечивает оборудование данного терминала.

Основные концепции сетевых архитектур для ЦСИО интеллектуальной сети уже определены и в принципе они могут быть переняты. Но и после этого в регионах будет актуальной задача (и не простая) взаимосвязи сетей и реализации концепции архитектуры открытой сети.

Как отмечено выше, в регионе в первоочередном порядке следует начать создание системы информационных услуг для населения.

Она должна начинаться с создания баз данных общего пользования по труду и занятости, а также здравоохранению. Такие базы данных должны будут формироваться как части более общего банка данных «Население». Ведение досье на каждого человека совершенно необходимо при организации трудоустройства населения в рыночных условиях и современного здравоохранения. Начинаться эта работа должна с создания банка данных «Население» регионального центра, одна из главных целей которого на первых этапах – освобождение населения города от необходимости предоставления множества справок в различные инстанции.

Параллельно с началом создания системы информационных услуг для населения должна начаться целенаправленная организация экономической информации. В первую очередь такая база данных должна будет охватывать систему бизнес-центров, находящихся на территории региона, предпринимательскую деятельность, все материальные ресурсы региона. Эта работа должна начаться с создания банка данных материальных ресурсов региона с охватом данных, формируемых в территориальных органах снабжения и торговли, расположенных на территории региона, независимо от форм собственности и ведомственной принадлежности.

На следующих этапах следует создать сеть специализированных центров оперативной экономической информации, которая будет оформлена как самостоятельная система, специализированная на продаже соответствующей информации, как часть рыночной инфраструктуры региона.

Особое значение в регионах необходимо уделять созданию распределенной базы данных сельскохозяйственной и агропромышленной информации. Сельскохозяйственная информация расплывлена по различным организациям, что зачастую приводит к получению противоречивых и несопоставимых данных о сельскохозяйственном производстве. Эффективное управление всеми отраслями АПК требует нестандартной, отсутствующей в органах статистики информации, например такой, как технологическая информация или информация о предшественниках данной культуры в растениеводстве. Одним и тем же данным (например, данным о состоянии почвогрунтов, о техническом состоянии парка машин и т.д.) в разных отраслях часто присваиваются разные значения. Создание единой системы формирования всей информации в сельском хозяйстве и приведение в порядок сельскохозяйственной информации – чрезвычайно трудоемкая работа, и ее можно осуществить только в рамках концепции единой информационной системы «Сельхоз». Суть единой информационной системы состоит в создании распределенного банка данных в регионе как единой сети банков данных (региональных, отраслевых), размещенных в центральных и районных локальных сетях ЭВМ и связанных между собой каналами и

средствами обмена данными, которая накапливает и постоянно обновляет информацию не для одной отрасли, а для всех отраслей АПК региона. Данные, которые могут быть использованы одновременно во многих отраслевых АСУ АПК, не должны формироваться отдельно в этих ОАСУ, иначе одним и тем же данным могут быть присвоены разные значения.

Общая методология создания эффективных структур распределенных баз данных в настоящее время только формируется. На каждом региональном (районном) уровне единая информационная система АПК включает в себя следующие группы общефункциональных и отраслевых баз данных:

- группа отраслевых баз данных;
- группа общефункциональных баз данных;
- группа общересурсных баз данных;
- группа программных баз данных;
- базы данных предприятий и организаций АПК.

В рамках создания этих баз данных необходимо сформировать систему кадастровой оценки земли, мониторинг сельскохозяйственных угодий и агроэкологических характеристик, что необходимо для проведения в регионе земельной реформы.

Выстраивая Стратегию развития информационного общества в региона, необходимо ориентироваться на крупные проекты и задачи. В качестве такого крупного проекта выступает создание в первоочередном порядке автоматизированной системы управления региональным здравоохранением.

На особом месте в информатизации общества региона стоит создание автоматизированной информационной системы (ИС) регионального здравоохранения. Информатизация здравоохранения предполагает создание территориальной компьютерной сети регионального здравоохранения и совокупности взаимосвязанных ИС по проблемам здоровья населения, здравоохранения, экологии и социального развития. Направления деятельности и задачи, стоящие перед Министерством здравоохранения региона, определяют

структуру соответствующих ИС, которые, в свою очередь, предполагается разрабатывать в следующей последовательности:

- 1) автоматизированная система мониторинга медико-демографических процессов;
- 2) автоматизированная система медико-экологического мониторинга;
- 3) автоматизированная система социально-экономического мониторинга образа, условий и качества жизни, определяющих уровень здоровья населения;
- 4) автоматизированная система мониторинга деятельности по медико-санитарному обслуживанию населения;
- 5) интеграция указанных четырех подсистем и создание на основе такой интеграции единой системы автоматизированного мониторинга здравоохранения, информационно совместимой с аналогичными системами мониторинга здравоохранения стран ЕС.

Технология информационного обмена внутри указанной сети заключается обобщенно в следующем:

- вся информация о состоянии здоровья каждого жителя региона заносится в компьютерную сеть регионального здравоохранения (эта информация сегодня зафиксирована в той или иной степени достоверности и полноты на бумажных носителях муниципальных и региональных лечебных учреждений);
- любое обращение граждан в эти учреждения по поводу лечения, какой либо болезни фиксируется теперь не на бумажных носителях, а в компьютерах этих учреждений, которые подключены к республиканской компьютерной сети здравоохранения, в которой формируется в реальном масштабе времени информационная система по состоянию здоровья всего населения региона;
- будет создана система по сбору и обработке информации о результатах лечения всех обратившихся в лечебные учреждения пациентах. Такая система позволит:
 - каждому учреждению здравоохранения в любое время получить в любом объеме информацию о пациенте, который ранее не обращался к ним;

- органам управления здравоохранения в любое время по своему заданию получить статистическую информацию о заболеваемости населения;
- контролировать объем медицинских услуг в условиях обязательного медицинского страхования при обращении пациента в разные лечебные учреждения;
- повысить ответственность учреждений здравоохранения и врачей за счет простого и быстрого доступа к итогам лечения контролирующих лиц.

К компьютерной сети регионального здравоохранения будут подключены диагностические центры, обладающие медицинскими экспертными системами по разным болезням, удаленный доступ к которым через компьютерную сеть будет иметь любой лечащий врач из любого района республики. Экспертные системы, в которых содержатся самые передовые достижения медицинской науки в вопросах установления диагноза по различным заболеваниям, станут для рядовых лечащих врачей незаменимыми советниками в лечении своих пациентов. Получит развитие телемедицина и станет обычным удаленная видеоконсультация при проведении в районах и городах региона сложных хирургических операций.

В качестве первоочередного также крупного проекта, на которого необходимо ориентироваться при выстраивании стратегии, выступает задача значительного повышения эффективности государственного управления и качества предоставляемых гражданам региона государственных услуг, что возможно лишь с использованием современных информационных технологий. Для этих целей в настоящее время во многих развитых странах создаются «электронные правительства», суть которого в использовании органами власти современных информационно-коммуникационных технологий, которые приводят к принципиальным изменениям взаимоотношений власти с гражданами, бизнесом, а также другими органами власти. В рамках электронного правительства реализуются четыре вида взаимодействий:

- «правительство-гражданин»;
- «правительство-бизнес»;

- «правительство-госслужащий»;
- «правительство-правительство».

Взгляд на правительство (страны, региона) как на поставщика услуг для населения и бизнеса является ключевым для электронного правительства. Отсюда видно, что электронное правительство – это больше, чем простая автоматизация функций нынешних правительств. Программа создания электронного правительства должна начинаться с разработки плана достижения поставленных целей по повышению эффективности государственного управления и демократизации общества. Электронное правительство проходит в своем развитии этапы зрелости.

Первый этап, называемый «Присутствие в Интернете», характеризуется тем, что основной задачей является распространения в Интернете простой ограниченной информации. На этом этапе коммуникации носят односторонний характер и организации работают изолированно.

Второй этап «Взаимодействие» характеризуется реализацией через Интернет простейших взаимодействий между организациями и их пользователями, а также реализацией двусторонних коммуникаций.

Третий этап зрелости характеризуется возможностью осуществления пользователями транзакции через Интернет, в том числе операции электронной коммерции и электронного бизнеса.

Четвертый этап зрелости электронного правительства «Трансформация» отличается от третьего углублением создания единых стандартов технологий между организациями и расширением масштабов электронной коммерции и электронного бизнеса.

В Сингапуре, например, программа создания электронного правительства которого начата с 1980 года и считается одной из самых передовых в мире, к 2007 году достигли такого уровня зрелости электронного правительства, который соответствует этапам «Транзакции» и «Трансформации». В настоящее время в Сингапуре реализуется план, целью которого является достижение

пятого этапа «Электронная демократия» в развитии электронного правительства.

Задача достижения четвертого этапа зрелости электронного правительства в регионе за 20 лет становится реальной с учетом наработанного в мире опыта в этом вопросе и принятия «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации».

Все указанные выше мероприятия по использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в разных областях жизнедеятельности региона можно объединить в единую программу «Стратегия развития информационного общества в регионе».

5. Создание инновационной региональной экономики как фактор устойчивого развития региона

Уровень конкурентоспособности продукции и услуг страны на внутреннем и мировых рынках определяет место, занимаемое этой страной в ранжировании стран по показателю развитости. Это справедливо и для регионов и для региональных экономик. Конкурентоспособность экономики в XXI веке невозможно обеспечить, не переходя на инновационную модель экономического роста.

Переход на такую модель роста региональной экономики требует в первоочередном порядке формирования региональной инновационной системы (РИС), институциональными элементами которой являются сектор исследований и разработок, высшее образование, сектор бизнеса и предпринимательства, инфраструктура и региональная инновационная политика.

Каковы особенности этих элементов РИС?

Сектор исследований и разработок – это вузы, расположенные в регионах, а также самостоятельные научно-исследовательские организации и институты, не интегрированные в другие сегменты инновационной системы, в которых фундаментальная наука сосредоточена преимущественно в институтах

РАН (входящих в состав региональных отделений и научных центров РАН), переданных в настоящее время Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) и формировавшихся независимо от системы образования.

Этот сектор (почти 4000 организаций) состоит из подсекторов: правительственного, предпринимательского, высшего образования и некоммерческих организаций, куда входят и частные организации [42].

Правительственный подсектор (организации, находящиеся в ведомственном подчинении федеральных министерств и ведомств, субъектов Федерации, а также институты ФАНО) осваивает 30% затрат на исследования и разработки России. Их деятельность направлена на решение задач управления государством и удовлетворение потребности общества в целом. Если взять в целом государственный сектор науки, то он шире, чем правительственный.

Предпринимательский подсектор (научные организации, связанные с коммерческим производством товаров и услуг, осуществляющие исследования и разработки межотраслевого и общепромышленного назначения и непосредственно обслуживающие производство, – отраслевые НИИ, КБ, технологические и проектно-исследовательские организации) выполняет 64,2% исследований и разработок. Исследовательские организации высшего образования составляют 15,6% организаций, но осваивают всего 6,3% затрат на исследования и разработки страны. Некоммерческие организации, включающие частные организации (3% от общего количества научных организаций), – около 0,4% внутренних затрат на разработки.

Сектор высшего образования по своей значимости в формировании региональной инновационной системы выделяется среди других институциональных элементов РИС тем, что вузы имеются во всех регионах, в отличие от академических институтов, входящих в состав региональных научных центров РАН, созданных в небольшом количестве регионов. Однако в тех регионах, где созданы региональные НЦ РАН, процесс формирования РИС, в котором участвуют и вузы и эти НЦ, будет более эффективным.

Вместе с тем следует отметить низкую инновационную активность российских вузов, сосредоточенных в регионах, которая объясняется как нехваткой финансовых средств, так и трудностями развития партнерства с региональным бизнесом и предприятиями, а также неразвитостью законодательного обеспечения этого процесса. Только 15-20% государственных вузов занимаются инновационной деятельностью. Однако в стране в рамках федеральной политики стимулирования инновационной деятельности в системе высшего образования были реализованы инновационные образовательные программы, благодаря чему расширились работы по созданию студенческих бизнес-инкубаторов, центров передачи технологий, учебно-научно-инновационных комплексов (УНИК). В некоторых регионах, где имеются региональные НЦ РАН (например, в Сибирском отделении РАН), в УНИК стали выполняться проекты, охватывающие все стадии инновационного цикла – от фундаментальных исследований до создания технологий и трансферта их в производство. В настоящее время также сняты многие препятствия в инновационной деятельности вузов и институтов РАН принятием федерального закона о возможности создания хозяйственных обществ при вузах и институтах РАН, который позволяет им распоряжаться исключительными правами на результаты своей интеллектуальной деятельности, а также доходами от их реализации. Это обеспечивает вузам и институтам РАН (а теперь ФАНО) возможность реального внедрения в производство научных результатов, исключительные права на которые принадлежат им.

Все это, безусловно, положительно скажется на создании РИС, но остаются нерешенными самые важные проблемы, делающие сегодня принципиально невозможным формирование РИС: взаимосвязь и взаимодействие элементов этой системы находятся в стране все еще в зачаточном состоянии, что является в наибольшей степени препятствием в становлении РИС как системы. Нет серьезной востребованности науки, бизнеса и инженерного сегмента друг в друге. И бизнес, и наука не готовы не только к

решению каких-либо совместных задач, но даже к тому, чтобы их сформулировать.

Хотя Правительство РФ в последнее время стало уделять больше внимания и заявляет о необходимости развития инновационной инфраструктуры и отработки механизмов коммерциализации результатов научно-технической деятельности, а также подключения бизнес-сообщества к финансированию НИР, пока всё это остается как пожелание и не приводит к существенным сдвигам в вопросах создания РИС.

С 2008 г. в стране действуют до полусотни (если не больше) федеральных целевых программ (ФЦП), в т.ч. и по таким направлениям, как «развитие науки и технологий» (свыше 10), «развитие регионов» (свыше 5), а также программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России», которые практически не выполнены и не выполняются до конца почти по всем направлениям. Что касается взаимодействий и взаимосвязей таких двух элементов РИС, как сектор исследований и разработок и сектор предпринимательства, согласно данным Росстата [43] исследования и разработки финансируют только 30-35% промышленных предприятий, и на эти цели тратятся 13,5 – 17% суммарных расходов на инновации. И это происходит лишь в крупных промышленных центрах страны, а в большинстве регионов нет и этого.

Что же касается зарубежного финансирования исследований и разработок, то оно в региональном разрезе в структуре общих расходов на науку незначительное и составляет в среднем 9,4 % (даже в Москве оно равно 13,2%).

Самой важной проблемой в становлении РИС является недостаток соответствующего кадрового потенциала в регионах. В 90-е годы наблюдалось резкое сокращение численности научных кадров в секторе исследований и разработок. Хотя 2000-е годы характеризовались более активной государственной политикой по поддержке инновационной деятельности, что

позволяло надеяться на рост работающих хотя бы в секторе предпринимательства и бизнеса, число исследователей в этом секторе, например, в 2006 году сократилось на 12% по сравнению с 2003 годом. Это сопровождалось снижением качества кадрового потенциала и усилением дисбаланса возрастной структуры научных кадров, в основном среди ученых, имеющих степень доктора наук, и особенно остро в двух секторах РИС – в правительственном и предпринимательском.

Ситуацию в этих вопросах в целом можно охарактеризовать словом «стагнация». Ключевой фигурой в инновационном развитии является исследователь-инноватор. Ученых, обладающих даром коммерциализации своих изобретений, не так уж и много. Поэтому ученым-инноваторам необходимо создавать особую креативную среду, в которой бы реализовывались важные для них ценности – комфортная научная среда и высокое качество жизни.

В предпринимательском секторе масштабы и глубина инновационных процессов на предприятиях остаются крайне низкими. Основная причина этого, на наш взгляд, – отсутствие конкурентной среды на местных и региональных рынках (из-за больших расстояний и отсюда больших транспортных издержек, а также наличия административных барьеров). Доля инновационно активных предприятий, ориентированных на эти рынки, почти в два раза ниже, чем инновационно пассивных (по данным Росстата, в 2006 г. 39,5% против 72,2%). Кроме того, спрос предприятий на научные разработки на порядок ниже потенциального предложения российского сектора исследований и разработок. При этом партнерами предприятий в совместных проектах исследований и разработок выступают чаще поставщики машин и оборудования, чем институты и вузы.

Чтобы глубже понять, в каком состоянии находится сегодня в стране формирование региональной инновационной системы, наряду с указанными выше элементами РИС рассмотрим состояние еще одного из ее элементов – инновационной инфраструктуры.

Инфраструктура РИС – совокупность субъектов инновационной деятельности в регионе, способствующих осуществлению такой деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации в регионе инновационной продукции [44]. Инфраструктура РИС делится на информационную, организационную и финансовую на региональном уровне. Это технопарки, информационные, инновационно-технологические и информационно-аналитические центры, бизнес-инкубаторы, интернет-ресурсы, центры коллективного пользования, центры трансфера технологий, инвестиционные и инновационные фонды, региональные венчурные фонды, региональные структуры Российского банка развития, Российской венчурной компании, Российского фонда технологического развития и т.д. В стране действуют 88 региональных и других фондов поддержки малого предпринимательства, 110 муниципальных фондов, 22 лизинговые компании, банк кредитования малого бизнеса с его 18 региональными офисами. Однако не все участвуют в финансировании малых инновационных предприятий. Существует резкая дифференциация регионов как по отдельным видам инфраструктуры, так и в целом, если измерять создание инновационной инфраструктуры в регионе количеством организаций инфраструктуры, приходящимся на 10000 исследователей.

Выше даны краткие характеристики институциональных элементов РИС – секторов исследований и разработок, высшего образования, предпринимательства, а также инновационной инфраструктуры. Отмечено отсутствие координации и взаимодействий между секторами исследований и разработок, высшего образования и бизнеса как основная проблема, препятствующая созданию РИС, из-за плохого функционирования механизма трансфера знаний и новых технологий на внутренний и мировой рынки. Отмечены также другие проблемы, такие как неостребованность потенциала академического и вузовского секторов науки; финансовый и кадровый вакуум этапа коммерциализации научных результатов; низкая инновационная активность кадров и предприятий указанных секторов.

Что касается инновационной политики в стране, следует отметить, что федеральный уровень достаточно полно представлен органами власти и управления, формирующими научно-техническую и инновационную политику России, в отличие от регионального уровня, где (за исключением редких инновационно активных регионов, например, Новосибирска, Томска, Казани) практически отсутствует целенаправленное формирование такой политики. В большинстве регионов формально принимаются различного рода программы, связанные с инновационной деятельностью, но они далеки от реальных дел по созданию инновационной региональной экономики. Вместе с тем без формирования РИС в регионах Россия не сможет решить поставленную государством стратегическую задачу перехода на инновационный путь развития.

В связи с чем сегодня так остро возникла необходимость перехода страны на инновационный путь развития?

Для этого есть две причины:

1. Доказано, что во всем мире топливно-энергетические системы не входят в список секторов, определяющих основные отрасли экономики XXI века. Начиная с третьего десятилетия XXI века пополняемость бюджета будет обеспечиваться в основном за счет отраслей, в которых сегодня осуществляется наибольшее число эффективных научно-технических разработок, т.к. приоритетные научные разработки определяют облик экономики через 10-15 лет – время, необходимое для коммерциализации и массового освоения изобретения. Несмотря на это мы живем в основном по принципу: лишь бы было хорошо сегодня, а что будет завтра – это дело следующего поколения.

2. Развитые страны поставили себе задачу перехода на шестой технологический уклад к 2020 году. Это значит, что промышленное производство должно базироваться на открытиях в био- и нанотехнологиях, в области новых материалов, информационно-коммуникационных, мембранных, квантовых технологиях, микромеханике, робототехнике, генной инженерии,

технологиях виртуальной реальности, термоядерной энергетике. Мы полностью проиграли в свое время переход на пятый технологический уклад, основанный на глобальной сети Интернет, всеобщей компьютеризации, новых химических технологиях, новых материалах и т.д.

Доля технологий 5-го уклада у нас не превышает 10%, а все остальное – это продукция 4-го и 3-го технологических укладов. В США технологии 6-го уклада составляют уже сегодня 5%.

А какова наша исходная позиция по инновационному потенциалу РФ?

Научно-технический потенциал страны во многом определяется востребованностью на рынке результатов отечественных научных исследований и разработок. Такая востребованность характеризуется в первом приближении состоянием международной торговли технологиями. Сравнение соответствующих торговых балансов ряда стран показано в таблице 1 [45].

Таблица 1

**ПОСТУПЛЕНИЯ ОТ ЭКСПОРТА ТЕХНОЛОГИЙ И ВЫПЛАТЫ ПО ИХ ИМПОРТУ В 2009 г.
ПО СТРАНАМ, млн. долл. США**

Страны	Поступления от экспорта технологий	Выплаты по импорту технологий	Соотношение 2:3	Страны	Поступление от экспорта технологий	Выплаты по импорту технологий	Соотношение 6:7
Япония	21531,5	5805,4	3,71				
Израиль	9339,7	3354,8	2,78	Ирландия	36 901,1	42 316,2	0,87
Швеция	16 319,8	9719,0	1,68	Польша	2270,0	3780,4	0,60
Великобритания	39 632,7	24 538,9	1,61	Россия	618,2	1619,0	0,38
США	89 056,0	55 807,0	1,59	Сингапур	5725,0	17 011,4	0,34
Германия	56 176,1	46 424,0	1,21				
Нидерланды	29 473,8	25 969,6	1,13				
Финляндия	9117,3	8379,6	1,09				
Швейцария	12 730,2	11 873,4	1,07				
Португалия	1798,1	1702,1	1,06				

Здесь мы видим, насколько Россия отстает в этих вопросах даже от таких маленьких стран, как Израиль, Португалия, Чехия, Ирландия, Сингапур.

Отсюда следует, что вопросы модернизации экономики, преодоления технической отсталости, обеспечения конкурентоспособности, устойчивого

развития на основе научного и научно-технического потенциала сегодня приобретают особую остроту. На мировых рынках высокотехнологичной продукции Россия занимает менее 0,3%. Производство высокотехнологичной бытовой электроники, приборостроение и станкостроение оказались в зоне «некомпенсируемого технологического отставания». В итоге происходит разрушение основы устойчивого экономического роста, закрепление социально-экономической отсталости. На российско-европейском инвестиционном форуме, проходившем в Милане (Италия) в 2013 году, исследователи института BOCCONI перечислили главные вызовы, стоящие перед Россией:

1. В России до сих пор не проведена диверсификация, на две трети российский экспорт состоит из энергоресурсов. Такой дисбаланс приводит к упадку несырьевых отраслей. И хоть Правительство РФ признало необходимость диверсификации, кардинальных изменений пока не происходит.

2. В России все еще затруднено внедрение инновационных производств. Среда для инвестиций в высокие технологии неблагоприятна, стимулов к инновационному развитию нет, инфраструктура не налажена.

3. Но самый неприятный вызов, озвученный на форуме, – это сомнительное качество образования в России. При наличии в стране квалифицированных специалистов российские вузы часто не попадают даже во вторую сотню лучших вузов мира, становятся аутсайдерами международных рейтингов. Иностранные инвесторы вынуждены учитывать такую российскую специфику, как учеба ради «корочки». Кроме того, вузы оторваны от реального запроса бизнеса.

ООН высчитывает индекс развития человеческого потенциала, который учитывает уровень грамотности населения и распространенность различных видов образования в стране. Россия по этим показателям занимает в мире 55-е место из 186.

Отсюда видно, что нужна серьезная подготовительная работа для перехода к инновационному развитию. Исторический срок для решения этой задачи, как показывает опыт развитых стран, составляет 20-25 лет. Экономика Финляндии, например, в начале 90-х годов была в катастрофическом состоянии, но она смогла стать лидером инновационной экономики всего за 20 лет. Израилю тоже потребовалось для этого 20 лет.

А можно ли решить эту задачу у нас?

Рассмотрим этот вопрос на примере Кабардино-Балкарской Республики. Исходное состояние инновационного развития Кабардино-Балкарской Республики характеризуется следующими показателями:

1. У КБР нет крепкой промышленной базы, на основе которой можно запускать инновационную экономику. Нет также быстрорастущих фирм, которые могли бы конкурировать за счет инженерных и научных навыков и составить основу для диверсификации в сектора с более интенсивным использованием знаний.

2. Отсутствие (или ограниченность) промышленного экспорта КБР затрудняет возможности передачи знаний из-за рубежа, снижает инновационное давление и поднимает вопрос о глобальной конкурентоспособности республики.

3. Региональные исследования и разработки ограничены и практически отсутствует их финансирование предприятиями. Последние не ведут передовые исследования и разработки. В КБР отсутствуют международные патенты.

4. Навыки, пригодные для экономики знаний, ограничены (или отсутствуют). Число аспирантов в процентах от населения республики составляет всего 0,1%.

5. Низкий уровень прямых иностранных инвестиций ограничивает перспективы распространения новых технологий.

6. Темпы создания новых компаний ниже, чем в среднем по России.

7. Известно, что патентная деятельность является окном в инновации. В республике количество патентов по отношению к численности населения

незначительно. Изобретения в КБР не ориентированы на глобальные рынки, что показывает неэффективность республиканской инновационной системы.

8. Работников НИОКР, занятых в бизнесе, нет. Их доля высока в развитых странах, где вероятность успешной коммерциализации НИОКР, проводимых бизнесом, более высока. На предприятиях работает незначительное число специалистов по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ).

9. Прямые иностранные инвестиции приносят материальные активы в форме производственного оборудования и нематериальные активы в форме обучения и навыков. В КБР практически отсутствуют работники, занятые в области ИКТ, работающие на иностранные организации.

Предприятия КБР не ориентированы на глобальные рынки и поддерживают очень слабые (если не сказать об отсутствии вообще) инновационные связи с иностранными организациями.

Нет в КБР компаний, у которых в наличии хоть какой-то экспорт на высокотехнологичные рынки ЕС и США.

Однако при всем этом нельзя сказать, что у КБР нет возможности для построения инновационной экономики. Некоторые страны начинали в таком же (как КБР) состоянии. Во многих случаях предприятия или компании, имеющие небольшие подразделения, ведущие НИОКР, становятся лидерами инноваций.

В Кабардино-Балкарии составлено множество РЦП на разные периоды времени по многим направлениям: по развитию конкуренции; повышению инвестиционной привлекательности; развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства; развитию отраслей промышленности: машиностроения и металлообработки, цветной металлургии, медицинской, легкой и деревообрабатывающей; повышению энергетической эффективности и т.д. Но ни одна из этих РЦП не выполняется до конца или не выполняется вовсе.

Существует, например, государственная программа КБР «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2012 -2015 годы, общий объем необходимых средств на реализацию которой составляет 50 млрд. рублей. По

этой программе выполнена лишь мизерная часть работы по созданию «электронного правительства», которую федеральные органы управления требуют внедрить за счет федеральных средств и разработок, спускаемых из Москвы.

Следует заметить, что в КБР нет недостатков в законодательном обеспечении создания инновационной экономики. Но есть сплошное невыполнение законов КБР, касающихся перехода на путь инновационного развития экономики.

Несмотря на все указанные выше недостатки перехода на путь инновационного развития экономики КБР, нельзя сказать, что он невозможен. В настоящее время заложена основа для начала строительства инновационной экономики в КБР:

1. Разработана «Стратегия развития КБР до 2030 г.», в основе которой лежит создание инновационной экономики в республике [46].
2. Создана соответствующая нормативно-правовая база для начала перехода на инновационный путь развития экономики КБР.
3. Создана сеть малых инновационных предприятий при госуниверситете и Институте информатики.
4. Развитие науки и образования в КБР находится на сравнительно высоком уровне.
5. Положено начало созданию технопарков и бизнес-инкубаторов, а также инфраструктурной базы для создания инновационной экономики.
6. В КБР есть возможность восстановления технологической и инженерной культуры.
7. Частный бизнес в КБР, можно сказать, одолел болезнь «купли-продажи» и примеряется уже к высокотехнологичным производствам.

Каждый регион, ставящий цель создания РИС, выстраивает свой путь построения такой системы, исходя из своих возможностей.

Любой регион может выстроить свой путь построения РИС и на её основе – путь создания инновационной региональной экономики (ИРЭ), который должен начаться со следующих шагов:

1. Выстроить чёткую иерархию документов стратегического планирования, определяющих государственную политику региона в сфере науки и инноваций. Главными документами являются «Стратегия долгосрочного развития региона» и «Стратегия инновационного развития региона». Документами второго уровня иерархии должны быть (разрабатываемые в соответствии с указанными Стратегиями) государственные программы по развитию сферы исследований и разработок, высшего образования, поддержки инновационной активности в экономике, развития информационного общества, а также подпрограммы, направленные на развитие высокотехнологичных секторов экономики. Документами третьего уровня будут инновационно ориентированные целевые программы по секторам экономики, культуры и социальной сферы. В рамках этих программ будут детализованы механизмы реализации Стратегии, конкретные меры, источники и объёмы финансирования, а также решаться задачи инновационного развития в секторах экономики и социальной сферы.

2. Определить приоритетные области РИС, где регион в перспективе сможет достичь конкурентных преимуществ на рынках технологий и интеллектуальной собственности и выработать механизмы приоритетного финансирования этих областей РИС.

3. Определить научно-образовательный комплекс региона как приоритетный в построении РИС, одновременно создав объективную методологическую основу для реальной оценки потенциала путем проведения технологического аудита разработок, комплексной оценки инновационных проектов, научного, образовательного, инновационного потенциала вузов и НИИ, а также оценки потенциала организаций РИС.

Создать условия для коммерциализации разработок, для чего сформировать систему офисов коммерциализации разработок вузов и НИИ и

студенческих бизнес-инкубаторов. Наладить систему подготовки кадров для развития инновационной деятельности. Человеческий потенциал в создании РИС становится важнее вложения капитала и создания материально-технической базы.

4. Сформировать систематический заказ вузам и академическим институтам на выполнение НИОКР и проектов для нужд региона в целях инновационного развития экономики.

5. Организовать работу исполнительных органов власти по-новому, перестроив структуру и функции Правительства и министерств региона в направлении обеспечения эффективного управления созданием инновационной региональной экономики (ИРЭ), для чего на первых порах предусмотреть во всех министерствах структурные подразделения, отвечающие за инновационное развитие отрасли.

Создание ИРЭ в регионе мы должны осуществлять с учётом глобальных тенденций построения мировой инновационной экономики, т.к. никакая национальная экономика, в т.ч. и региональная, не может функционировать в условиях глобализации в отрыве от мировой экономики.

Инновационная региональная экономика может быть реальностью и регион может стать на путь устойчивого развития, если целенаправленно заняться ими в государственном масштабе.

Переход к устойчивому развитию должен стать содержанием Стратегии развития России.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Показатели устойчивого развития (УР), поиском которых занимаются многие исследователи, должны быть такими, что регион, который располагает средствами более эффективного удовлетворения требований этих показателей, будет обладать более высокими шансами для долгосрочного выживания и устойчивого развития. Предоставляемая этими показателями информация должна охватить состояние окружающей природной среды, использования ресурсов и качества жизни, чего нет в общепринятых показателях типа валового внутреннего продукта (ВВП). Показатели УР, предлагаемые нами в данной работе (см. Главу V), как нам представляется, удовлетворяют этим требованиям. Что мы подразумеваем под устойчивым развитием и как узнаем находимся ли мы в состоянии устойчивости или неустойчивости? Ответ на первый вопрос содержится в работе, а что касается «как узнаем?» следует обратиться к алгоритмической формуле УР, выведенной нами в разделе 4 Главы I. Если, запустив автоматизированную имитационную модель (АИМ), при всевозможных значениях переменных этой формулы найдутся случаи, когда оператор формулы будет применим, то в этих случаях мы находимся в состоянии устойчивости, а во всех остальных случаях – в состоянии неустойчивости. АИМ дает также возможность постоянного контроля в отношении УР в реальном масштабе времени, а также возможность упреждающего контроля. Мы можем, кроме того, определить в каком пространстве на данный момент находится регион – в нормальном, предкризисном или кризисном? В нормальном, если показатели жизнедеятельности находятся выше целевых ориентиров индикаторов экономической безопасности, в предкризисном, если эти показатели – находятся в промежутке между целевыми ориентирами и пороговыми значениями индикаторов и в кризисном, если они ниже пороговых значений. При этом должна быть налажена система периодического мониторинга значений целевых ориентиров и пороговых значений, рассмотренных

в разделе 3 Главы V.

Нельзя также забывать и о показателях Бьесиота – отношении скорости реагирования системы к скорости распространения угрозы. Если такое отношение будет больше или равно единицы, то система устойчивая, если же оно будет меньше единицы, система – неустойчивая. В работе [13] Х. Боссель выделяет шесть основных подсистем с точки зрения системного рассмотрения УР: индивидуальное развитие, социальная система, политическое управление, инфраструктура, экономическая система, ресурсы и окружающая среда, которые могут быть агрегированы до трех подсистем: общественная система (О), система обеспечения (Э) и природные ресурсы (П). И далее он считает необходимым обладать умением дать оценку их индивидуального вклада в поддержание жизнеспособности общей системы (региона, страны). В нашей работе такую оценку можно получить в модели управления УР, приводимой в Главе I, раздела 3, где взаимодействие этих трех подсистем рассматривается в виде технологической цепочки «П-Э-О»: выход подсистемы П является входом в Э, а результаты работы подсистемы Э являются входом в подсистему О, выход которой отражает жизнеспособность всей системы.

Какие наиболее важные мысли, утверждаемые в данной работе, следовало бы отметить?

1. С начала 90-х годов по настоящее время Россия находится в раздумье: перейти нам на рыночную экономику или нет. Мы все еще находимся в состоянии ожидания реального перехода на полноценную конкурентную рыночную экономику. Пока мы еще думаем, все восточно-европейские страны, ранее входившие в СССР, благополучно строят нормальную капиталистическую систему, став тем самым на путь устойчивого развития. Они уже вошли в единое экономическое пространство развитых стран Европы. Следствием столь длительного пустого размышления по этому поводу, приведшему, мягко говоря, к безрадостному положению в экономике, являются возникающие (или специально навязываемые) в последнее время сомнения: совместим ли вообще российский менталитет с рыночной экономикой (раз у

нас ничего не получается)? Ответ наш на этот вопрос следующий: основной вопрос не в том, что рыночная экономика, в основе которой лежит конкурентная среда и система свободного предпринимательства, в России провалилась, а в том, что ее еще не пробовали в полной мере применять. Так что менталитет здесь не причем. Если и дальше это будет продолжаться, то мы все больше будем отходить от пути устойчивого развития.

2. Одной из стратегических целей устойчивого развития региона является создание инновационной экономики. Но отечественный инновационный потенциал недалеко продвинулся с 90-х годов XX века и сегодня находится только на начальном этапе пути к рынку. Причины, которые сдерживали его продвижение к рынку (многолетнее недофинансирование науки государством и бизнесом, невостребованность науки экономикой), еще сохраняются.

Соответствующее увеличение финансирования науки, численности исследователей, обновление материально-технической базы науки, повышение уровня оплаты труда в науке, создание инновационно-технологических кластеров в регионе должны быть предусмотрены в необходимой региону целевой комплексной программе «Развитие наукоемкой составляющей экономики региона».

В связи с тем, что бизнес обычно рассматривает риски инноваций как очень большие, государство должно взять на себя часть рисков и инвестировать средства в новые бизнес-проекты. С другой стороны, инновационное развитие экономики не может быть обеспечено за счет бюджетного финансирования. Но государству надо взять на себя реализацию первых проектов и сделать их успешными, чтобы убедить бизнес, что «успех возможен», тем самым выступая катализатором инновационных процессов.

В качестве примера можно взять Израиль, где катализатором для венчурной индустрии стала правительственная программа Yozma с общим объемом финансирования в 100 млн. долл. Успех этой программы породил за короткое время появление свыше 100 венчурных фондов, управляющих 10

миллиардами долларов.

Инновационный путь развития – путь, приводящий к экономике, основанной на знаниях. В последнее время очередную ступень развития человеческого общества (после индустриального) стали называть постиндустриальным или информационным обществом. Появилось сегодня и третье название – общество, основанное на знаниях. Все они в определенном смысле идентичны. В работе показываются особенности этого общества. Это - общество, где класс людей, занятых преимущественно производством знаний, а также занятых в сферах информационно-телекоммуникационных технологий, автоматизированных и роботизированных систем и основанных на них услуг составят большинство населения.

В информационном обществе установится такой порядок, который основан (в отличие от нынешнего хищнического отношения к природе) на принципе: брать у природы ровно столько, сколько человечество в состоянии восстановить.

3. В России, по существу, сохраняется еще конфликтогенная система отношений «центр-периферия», которая и была на протяжении последних столетий. Подтверждением тому является то, что в России в настоящее время нет и намека на выработку механизма диалога, взаимопроникновения и синтеза обитающих в стране разных культурных миров, что приводило ранее и приведет сегодня общество к социокультурному расколу. Без выработки такого механизма России не миновать столкновений Центра и Периферий, что станет основой грядущих конфликтов внутри страны.

Еще раз напомним слова выдающегося русского философа В.С. Соловьева: «Исполнит ли Россия свою нравственную обязанность – мы предсказать не можем. Одно только мы знаем, наверное: если Россия не выполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины – она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних».

Не в этом ли причина отсутствия сегодня у России прочного успеха и признаков умудрения, что она все еще, говоря словами В.С. Соловьева, «не выполнила», «не отреклась», «не отказалась» и «не возжелала»?

4. Нельзя не согласиться с работой [31], в которой утверждается: «...лишь на первый взгляд Россия сейчас все больше и больше скатывается к веселому обществу латиноамериканского типа... На самом деле, например, посреди карнавала «советской приватизации» именно в сегодняшней России в любой момент могут поставить вопрос о приватизации настоящей – о возвращении имущества (например, земли – И.П.) реальным собственникам при одновременном лишении собственности членов «внутренней партии». Разгром находящихся у власти может начаться на пустом месте и в любой момент...».

5. Россия окажется в выигрыше, если ей удастся создать новое государство, в котором будет удобно жить «малым» народам. Умудрение российского общества произойдет не раньше, чем оно поймет, что многое из нами сделанного в национальном вопросе (в прошлом и настоящем) было очень неразумно.

6. Хотя, по словам С. Хантингтона, Россия остается самой значительной цивилизационно расколотой страной, мы считаем, что разные, не похожие друг на друга культурные миры, составляющие Россию, смогут выработать механизм диалога друг с другом, и каждый из них сможет научиться сосуществовать со всеми остальными в рамках российского государства. Но все же это произойдет, по нашему мнению, при одном условии: если Центр окажется способным предложить народам, представляющим эти культурные миры, проект совместной жизни, идеи которого давали бы каждому из них гарантию процветания. Мы утверждаем, что для России опасность быть расколотой исходит главным образом не извне, а изнутри, от внутреннего устройства и что наибольшую внутреннюю опасность таит в себе не экономика, несмотря на глубокий кризис, а столкновение Центра и Периферий, в том числе и столкновение разных культурных миров российского общества, которое будет иметь в большей степени внеэкономическую природу.

Кроме того, России необходимо отойти от статического понимания проблемы сосуществования «больших» и «малых» народов и рассматривать ее динамически. В мире все имеет свое завершение. В любом большом государстве рано или поздно наступает время, когда перестают работать основные объединительные принципы, истощается достигнутое единство народов и в нем перестают обновлять жизненные идеи, сплачивающие на данный исторический момент эти народы. В результате вначале появляются центробежные тенденции, перерастающие затем в сепаратизм в его политическом или этническом варианте. И истоки сепаратизма в России надо искать не в происках тех или иных националистов, а в полученном от СССР и все еще сохраняющемся истощении достигнутого когда-то единства народов.

7. Важной особенностью современной экономической ситуации является намечающаяся смена технологического уклада, открывающая новые возможности экономического роста и новые уровни конкурентной борьбы. Уже в третьем десятилетии XXI века начнется формирование интеллектуализированных воспроизводственных систем, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. В структуре потребления, вместе с энергетическими и транспортными услугами, доминирующее значение займут информационные, образовательные и медицинские услуги. При этом в понятие «информационные услуги» следует включать и применение бытовых роботов, промышленное производство которых быстро станет определяющим в конкурентной борьбе и радикально изменит геополитическую картину мира. Регионы, не успевшие обеспечить необходимый уровень образования населения, развития науки и высокого качества информационной среды, окажутся в полной зависимости от внешних финансовых и информационных центров, концентрирующих интеллектуальный потенциал, и окончательно обратятся в источники природного сырья и человеческого материала для транснациональных корпораций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов П.М.* Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие? // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 162-172.
2. *Некlessа А.* Трилогия в журн. «Новый мир». Эпилог истории, или ПаксЭкономикана» (№9, 1999); Глобальный город: творение и разрушение (№3, 2001); Трансформация истории (№9, 2002).
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ (ООО Издательство АСТ). 2003. 605с.
4. *Белюсов А.Р.* Системный кризис как вызов российскому обществу. Проблемы прогнозирования, 1998. № 2.
5. *Овсиенко Ю.В., Бизяркина Е.Н., Сухова Н.Н.* Устойчивое развитие: концепция и стратегические ориентиры // Экономика и математические методы, 2007. №4.
6. *Сдасюк Г.В.* Императивы концепции УР и реалии глобализации. В кн. «Переход к УР: глобальный, региональный и локальный уровни». М: Изд-во «КМК», 2002.
7. *Иванов П.М.* Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // Экономика и математические методы, 2006.Т. 42. №2.
8. *Некlessа А.* Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения, 1999. №3.
9. *Абалкин Л.И., Алтухов Ю.П., Баранов В.В. и др.* (2000): Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты. М.: Academia.
10. *Розенберг Г.С., Черникова С.А., Краснощекой Т.П., Крымов Ю.М., Гелашвили Д.Б.* (2000): Мифы и реальность «устойчивого развития» // Проблемы прогнозирования. № 2.
11. *Трейвиш А.И.* (2002): Устойчивое региональное развитие в России: утопия или реальность? В кн. "Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России". М: Изд-во КМК.

12. Пчелинцев О.С, Минченко М.М. (2002): Регионы России: современное состояние и проблемы перехода к устойчивому развитию. В кн. *«Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России»*. М.: Изд-во КМК.
13. Боссель Х.(2001): Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН.
14. Брундтланд Г.Х.(1989): Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс.
15. Мау В.(2003): Экономико-политические итоги 2002 года и особенности экономической политики в преддверии выборов // *Вопр. экономики*. № 2.
16. Иванов П.М. Алгебраическое моделирование сложных систем. М.: «Наука-Физматлит», 1996, – 272 с.
17. Лексин В.Н., Швецов А.Н.(1997): Государство и регионы. М.: УРСС
18. Гранберг А.Г.(2001): Проблемы и парадоксы региональной политики в Российской Федерации // *Региональное развитие и сотрудничество* № 3.
19. Пчелинцев О.С.(2004): Региональные условия экономического роста // *Проблемы прогнозирования*. № 3.
20. Айвазян С.А. (2003а): К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // *Экономика и мат. методы*. Т. 39. № 2.
21. Айвазян С.А.(2003б): Эмпирический анализ синтетических категорий качества жизни населения // *Экономика и мат. методы*. Т. 39. № 3.
22. Фальцман В.Ж. (1999): О методах измерения экономического роста // *Экономика и мат. методы*. Т, 35. № 3.
23. Райбман Н.С. (1976): Адаптивное управление технологическими процессами// *Приборы и системы управления*. № 12.
24. Бусленко Н.П. Моделирование сложных систем. – М.: Наука, 1978 – 100 с.

25. *Татаркин А.И., Львов Д.С., и др.* Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета. 1999. – 276 с.
26. *Иванов П.М.* Северный Кавказ: партия войны и интересы России. Изд-во КБНЦ РАН, 1997.
27. *Иванов П.М.* Каким быть завтра федерализму в России? // Федерализм. М., 1999. № 3.
28. *Олейников Д.* Кавказская война как итог непонимания // Рубежи, 1998. №2.
29. Российский Кавказ. Книга для политиков/ Под.ред. В.А. Тишкова. – М.:ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 384 с.
30. *Савинов Л.* Национальный вопрос в Турции. М.: Федерализм, 2012 г., №2. С.135-146.
31. *Галковский Д.* Русская политика и русская философия. – «Иное». Россия как идея. М.: Аргус, 1995. С.3-57.
32. *Лексин В., Мильнер Б., Швецов А.* Экономические отношения и управление в условиях федерализма.// Вопросы экономики, №9.1994. с.17-29.
33. *Бусленко В.Н.* Автоматизация имитационного моделирования сложных систем. – М.: Наука, 1977.-240 с.
34. *Бакаев А.А., Костина Н.И., Яровицкий Н.В.* Автоматные модели экономических систем. – Киев, «Наукова думка», 1970. – 192 с.
35. *Виноградов М.Е., Михайловский Г.Е., Монин А.С.* Вперед к природе. // Вестник РАН, 1994. №9.
36. *Чаадаев П.Я.* Соч.М.:Правда.1989.
37. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. // Вестник РАН, 1995, Т.65, №4.
38. *Василенко И.* Диалог культур, диалог цивилизаций. // Вестник РАН, 1996, №5. С.394-402.
39. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. – М.Университетская типография.1900. т.1. с.174.

40. *Здравомыслов А.Г.* Модернизация России с точки зрения социологии конфликта // Вестник РАН. 1994. №4. С.291-296.
41. *Солженицын А.И.* Раскаяние и самоограничение. // Новый мир. 1991. №5. с.3-47.
42. Наука России в цифрах. М., 2007. ЦИСН.
43. Индикаторы инновационной деятельности: Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
44. Постановление Правительства РФ от 5 августа 2005 г. № 2473п-П «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.».
45. *Лихтеништейн В.* Исследовательская деятельность и инновационный потенциал России // Федерализм, 2012. № 4.
46. *Иванов П.М. и др.* Стратегия развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 г. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. 436 с.

Монография

Иванов Петр Мацович

**Устойчивое развитие региона:
концепция, модель управления, стратегия**

Верстка Е.О. Мельцас
Художественное оформление Е.О. Мельцас

Издание подготовлено к печати в ООО «ЭКЦ «Профессор».
125319, г. Москва, ул. Черняховского, д.16.

Сдано в набор 27.07.16. Подписано в печать 11.08.16
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 29. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.

16+

ISBN 978-5-9907298-7-2

Издание монографий

eccsprofessor.ru

ПРО

просто
результативно
оперативно